

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

Дж. Крюс

ТИМ ТАЛЕР.

ИЛИ

ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Annotation

Ты слышишь весёлый и залиvistый смех? Он звенит, словно тысяча серебряных колокольчиков. Кто хоть раз услышал этот смех, не забудет его никогда! Так смеётся замечательный мальчишка по имени Тим Галер. Смех — его главное сокровище.

Но однажды Тим позабыл об этом и совершил ужасную сделку.

Перевод с немецкого А. Исаевой.

- [Джеймс Крюс](#)
 -
 -
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [Лист первый](#)
 - [Лист второй](#)
 - [Лист третий](#)
 - [Лист четвертый](#)
 - [Лист пятый](#)
 - [Лист шестой](#)
 - [Лист седьмой](#)
 - [Лист восьмой](#)
 - [Лист девятый](#)
 - [Лист десятый](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 -
 - [Лист одиннадцатый](#)
 - [Лист двенадцатый](#)
 - [Лист тринадцатый](#)
 - [Лист четырнадцатый](#)
 - [Лист пятнадцатый](#)
 - [Лист шестнадцатый](#)
 - [Лист семнадцатый](#)
 - [Лист восемнадцатый](#)
 - [Лист девятнадцатый](#)
 - [Лист двадцатый](#)
 - [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 -
 - [Лист двадцать первый](#)
 - [Лист двадцать второй](#)
 - [Лист двадцать третий](#)

- [Лист двадцать четвертый](#)
 - [Лист двадцать пятый](#)
 - [Лист двадцать шестой](#)
 - [КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ](#)
 -
 - [Лист двадцать седьмой](#)
 - [Лист двадцать восьмой](#)
 - [Лист двадцать девятый](#)
 - [Лист тридцатый](#)
 - [Лист тридцать первый](#)
 - [Лист тридцать второй](#)
 - [Лист тридцать третий](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Джеймс Крюс

ТИМ ТАЛЕР, ИЛИ ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Дорогие маленькие и большие читатели!

В этой книге говорится про смех и про деньги.

Смех объединяет людей всего мира. И в московском метро, и в нью-йоркском смеются точно так же, как в парижском. Остроумной шутке так же весело улыбнутся в Токио, Каире и Праге, как в Мадриде, Копенгагене и Стокгольме. К настоящим богатствам, таким, как счастье, мир, человечность, деньги никакого отношения не имеют. А вот смех имеет, да ещё какое!

Когда кто-нибудь вот так, как в этой книге, променяет свой смех на деньги, это очень печально. Ведь это значит, что он променял настоящее богатство на фальшивое — счастье на роскошь, и пожертвовал свободой, которую дарит нам смех. Смейтесь, дорогие читатели, над теми, кто считает, что всё на свете продаётся за деньги, и их оружие заржавеет и придёт в негодность!

А теперь запаситесь вниманием и терпением, и вы узнаете, какой трудный, запутанный и горький путь прошёл один мальчик — звали его Тим Талер, прежде чем понял, как дорог смех и даже самая обыкновенная улыбка.

Джеймс Крюс.

Эту историю рассказал мне один человек лет пятидесяти; я познакомился с ним в Лейпциге, в типографии, куда он так же, как и я, заходил узнавать, подвигается ли дело с печатанием его книги. (Речь в этой книге, если не ошибаюсь, шла о кукольном театре.) Человек этот поразил меня тем, что, несмотря на свой возраст, смеялся так сердечно и заразительно, словно десятилетний мальчик.

Кто был этот человек, я могу только догадываться. И рассказчик, и время действия, и многое другое в этой истории так и осталось для меня загадкой. (Впрочем, судя по некоторым приметам, главные её события развернулись около 1930 года.)

Мне хотелось бы упомянуть, что записывал я эту историю в перерывах между работой на оборотной стороне бракованных гранок — длинных-предлинных листов второсортной бумаги. Потому и книга разделена не на главы, а на «листы», но листы эти, собственно говоря, и есть не что иное, как главы.

И ещё одно предупреждение. Хотя в этой книге говорится про смех, смеяться читателю придётся не так уж часто. Но, пробираясь её путями сквозь темноту, он будет, сколько бы ни кружил, всё ближе и ближе подходить к свету.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОТЕРЯННЫЙ СМЕХ

*Что ж, по рукам, король! Но, право, верь,
Смех означает: человек не зверь
Так человек природой награждён
Когда смешно, смеяться может он!*

Из пролога кукольной комедии

«Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!»

Лист первый

МАЛЬЧИК ИЗ ПЕРЕУЛКА

В больших городах с широкими улицами и теперь ещё встречаются переулки такие узкие, что можно, высунувшись из окошка, пожать руку соседу из окошка напротив. Иностранные туристы, которые путешествуют по свету с большим запасом денег и чувств, случайно очутившись в таком переулочке, всегда восклицают: «Как живописно!» А дамы вздыхают: «Какая идиллия! Какая романтика!»

Но эта идиллия и романтика — одна видимость, потому что в таких переулках обычно живут люди, у которых совсем мало денег. А тот, у кого в большом богатом городе так мало денег, нередко становится угрюмым и завистливым. И дело тут не только в людях, тут дело в самих переулках.

Маленький Тим поселился в таком переулке, когда ему было три года. Его весёлая круглолицая мама тогда уже умерла, а отцу пришлось наняться подсобным рабочим на стройку, потому что в те времена не так-то легко было найти хоть какую-нибудь работу. И вот отец с сыном переехали из светлой комнаты с окнами на городской сад в узкий переулок, вымощенный булыжником, где всегда пахло перцем, тмином и анисом: в переулке этом стояла единственная во всём городе мельница, на которой мололи пряности. Вскоре у Тима появилась худоцавая мачеха, похожая на мышь, да ещё сводный брат, наглый, избалованный и такой бледный, словно лицо ему вымазали мелом.

Хотя Тиму только исполнилось три года, он был крепким и вполне самостоятельным пареньком, мог без всякой посторонней помощи управлять океанским пароходом из табуреток и автомашиной из диванных подушек и на редкость заразительно смеялся. Когда его мама была ещё жива, она хохотала до слёз, слушая, как Тим, пустившись в далёкое путешествие по воде и по суше на своих подушках и табуретках, весело выкрикивает: «Ту-ту-ту! Стоп! Аме-е-рика!» А от мачехи он за то же самое получал шлепки и колотушки. И понять этого Тим не мог.

Да и сводного брата Эрвина он понимал с трудом. Свою братскую любовь тот проявлял весьма странным способом: то кидался щепками для растопки, то мазал Тима сажей, чернилами или сливовым джемом. И уж совсем непонятно было, почему доставалось за это не Эрвину, а Тиму. Из-за всех этих непонятных вещей, приключившихся с ним на новой квартире в переулке, Тим почти совсем разучился смеяться. Только когда отец бывал дома, звучал ещё иногда его тоненький, залиvistый, захлёбывающийся смех.

Но чаще всего отца Тима не было дома. Стройка, на которую он нанялся, находилась на другом конце города, и почти всё свободное время уходило у него на дорогу. Он и женился-то во второй раз главным образом для того, чтобы Тим не сидел целый день дома один. Только по воскресеньям ему удавалось теперь побывать вдвоём со своим сыном. В этот день он брал Тима за руку и говорил мачехе:

— Мы пошли гулять.

Но на самом деле он шёл вместе с Тимом на ипподром и ставил на какую-нибудь

лошадь, совсем немного, мелочишку, то, что удалось скопить за неделю потихоньку от жены. Он мечтал, что в один прекрасный день выиграет целую кучу денег и опять переберётся с семьёй из узкого переулка в светлую квартиру. Но, как и многие другие, он напрасно надеялся на выигрыш. Почти всякий раз он проигрывал, а если и выигрывал, то выигрыша едва хватало на кружку пива, на трамвай да на кулёк леденцов для Тима.

Тиму скачки не доставляли особого удовольствия. Лошади и наездники мелькали так далеко и так быстро проносились мимо, а впереди всегда стояло так много людей, что, даже сидя на плечах у отца, он почти ничего не успевал разглядеть.

Но хотя Тиму было мало дела и до лошадей и до наездников, он очень скоро разобрался в том, что такое скачки. Когда он ехал с отцом домой на трамвае, держа в руках кулёк с разноцветными леденцами, это значило, что они выиграли. Когда же отец сажал его на плечи и они отправлялись домой пешком, это значило, что они проиграли.

Тиму было всё равно, выиграли они или проиграли. Ему так же весело было сидеть на плечах у отца, как и ехать в трамвае, даже, по правде сказать, ещё веселее.

А самое весёлое было то, что сегодня воскресенье и они вдвоём, а Эрвин с мачехой далеко-далеко, так далеко, словно их и вовсе нет на свете.

Но, к сожалению, кроме воскресенья, в неделе ещё целых шесть дней. И все эти дни Тиму жилось так, как тем детям в сказках, у которых злая мачеха. Только немного похуже, потому что сказка — это сказка, начинается она на первой странице и кончается, ну, скажем, на двенадцатой. А такое вот мучение изо дня в день целый год, да ещё не один год, а много лет подряд, — попробуй-ка его вытерпи! Тим так привык упорствовать, дерзить, стоять на своём, что, не будь на свете воскресений, он наверняка — просто из одного упрямства — превратился бы в отпетого сорванца и грубияна. Но так как, к счастью, воскресенье всё-таки есть на свете, он остался обыкновенным мальчиком. Даже смех его звучал по-прежнему: он словно подымался откуда-то из глубины и заканчивался счастливым, захлёбывающимся смешком.

Правда, его смех раздавался теперь всё реже и реже. Тим стал замкнутым и гордым, невероятно гордым. Только так он и мог защищаться от нападков мачехи, пилившей его весь день без передышки, хотя иной раз и без всякого злого умысла.

Тим очень радовался, когда пошёл в школу. Теперь он с раннего утра до самого обеда был вдали от своего переулка — не за полкилометра, а за тридевять земель. Здесь в свой первый учебный год он стал снова часто смеяться, и случалось, учитель, взглянув на него, забывал, за что собирался сделать ему замечание. Теперь Тим и сам старался помириться с мачехой. Стоило ей разок похвалить его за то, что он притащил один тяжёлую сумку картошки, и он чувствовал себя совершенно счастливым, становился покладистым и сговорчивым и готов был помогать ей с утра до вечера. Но, снова получив нагоняй, он опять замыкался, мрачнел и надевал маску гордеца. Тогда к нему было не подступиться.

Ссоры с мачехой сказывались на его школьных занятиях. Тим, хоть и был куда сметливее многих в классе, часто получал отметки хуже других ребят, потому что невнимательно слушал, когда учитель объяснял урок. И ещё из-за домашних заданий.

Делать дома уроки ему было очень трудно. Только он садился со своей грифельной доской за кухонный стол, как появлялась мачеха и прогоняла его в детскую — комнату, где он спал вместе с Эрвином. Но детская была царством его сводного брата, а тот ни на секунду не оставлял Тима в покое: то требовал, чтобы Тим с ним играл, и злился, когда тот отказывался; то расставлял на столе свой конструктор, и Тиму даже некуда было положить тетрадку. Как-то раз Тим, окончательно выведенный из терпения, укусил Эрвина в руку. Это не прошло ему даром. Увидев кровь на руке своего любимца, мачеха принялась вопить, что Тим преступник, коварный злодей, разбойник с большой дороги. Отец не проронил за ужином ни единого слова. С этого дня Тим перестал бороться со сводным братом и готовил уроки, пробравшись тайком в спальню родителей. Но Эрвин выследил его и донёс, а одна из заповедей мачехи гласила: «В спальне родителей детям делать нечего!»

Теперь Тиму ничего не оставалось, как готовить уроки в обществе Эрвина. Если тот занимал единственный столик, стоявший в комнате, Тим садился на кровать и писал, положив тетрадку на тумбочку. Но сидел ли он за столом или примостившись у тумбочки, он всё равно, как ни старался, не мог сосредоточиться на задаче. Только по средам, когда Эрвин ходил в школу во вторую смену, Тиму удавалось сделать уроки так, как ему хотелось. А ему хотелось, чтобы учитель остался им доволен. Да и вообще ему хотелось жить в дружбе и добром согласии со всем миром.

Но, как это ни печально, его домашние работы с каждым годом нравились учителю всё меньше и меньше. «Светлая голова, — говорил учитель, — но лентяй и совершенно не собран». Как он мог догадаться, что Тиму приходится каждый день заново отвоёвывать себе место для приготовления уроков? Тим не рассказывал ему об этом: он был уверен, что учитель и сам всё знает. Так случилось, что и школа подсказала Тиму всё тот же грустный вывод: жизнь непонятна, а все взрослые — конечно, за исключением его отца — несправедливы.

Но и этот единственный справедливый человек его покинул. Через четыре года после того, как Тим в первый раз пошёл в школу — все эти годы он с трудом перебирался из класса в класс, — отец погиб на стройке: на него свалилась доска, упавшая с огромной высоты.

Это было самое непостижимое из всего, что случилось до сих пор в жизни Тима.

Сначала он просто не хотел этому верить. Только в день похорон, когда красная, зарёванная мачеха дала ему пощёчину за то, что он забыл почистить её туфли, он вдруг ясно понял, как он теперь одинок.

Ведь сегодня было воскресенье.

В этот день Тим впервые заплакал. Он плакал об отце, и о себе, и о том, как плохо устроен мир, и сквозь плач он услышал, как мачеха в первый раз сказала: «Прости меня, Тим».

Час, проведённый на кладбище, был словно дурной сон, который хочешь поскорее забыть и от которого остаётся лишь смутное, щемящее чувство. Тим ненавидел всех этих людей, стоявших вокруг него и говоривших что-то, и певших, и читавших молитвы. Его раздражала плаксивая болтовня мачехи, тут же переходившая в причитания, если кто-нибудь приближался к ней, чтобы выразить «глубочайшее

соболезнование». Он был один со своим горем и не хотел делить его ни с кем. И как только толпа начала расходиться, он тут же убежал.

Без всякой цели бродил Тим по улицам, и когда он очутился возле городского сада и прошёл мимо окон той квартиры, где совсем ещё маленьким смеялся и кричал: «Ту-ту-ту!», его охватило такое отчаяние, что ему чуть не стало дурно.

Из окна его прежней комнаты выглянула чужая девочка с нарядной куклой на руках и, заметив, что Тим смотрит в её сторону, высунула ему язык. Тим быстро пошёл дальше.

«Если бы у меня было очень много денег, — думал он, бродя по улицам, — я снял бы большую квартиру, у меня была бы там отдельная комната и каждый день я давал бы Эрвину на карманные расходы, сколько он ни попросит. А мать могла бы покупать себе всё, что захочет». Но это были только мечты, и Тим это знал.

Сам того не замечая, он шагал теперь в сторону ипподрома, туда, где проводил раньше с отцом счастливые воскресенья. Когда отец был ещё жив.

Лист второй

ГОСПОДИН В КЛЕТЧАТОМ

Тим добрался до ипподрома, когда первый заезд уже близился к концу. Зрители кричали и свистели, выкликая всё громче, всё чаще одно только имя: «Ветер!»

Тим стоял, с трудом переводя дыхание: во-первых, он только что бежал, а во-вторых, ему вдруг показалось, что где-то тут, среди этих кричащих и аплодирующих людей, стоит и его отец. У него неожиданно возникло чувство, что здесь он у себя дома. Это было то место, где он всегда оставался наедине с отцом. Без мачехи и без Эрвина. Все воскресенья, проведённые с отцом, стоял он в этой толпе, среди шума и выкриков. На душе у Тима стало вдруг удивительно спокойно, почти весело. И когда ликующая толпа внезапно выкрикнула многоголосым хором: «Ветер!» — Тим даже рассмеялся своим звонким, залившимся смехом. Он вспомнил, как отец однажды сказал: «Ветер ещё слишком молод, Тим. Но вот увидишь, придёт день, когда о нём заговорят».

И сегодня о нём заговорили. Но отец этого уже не слышит. Тим и сам не знал, чему он рассмеялся, но он и не задумывался над этим. Он был ещё не в том возрасте, когда люди много размышляют о самих себе и о своих поступках.

Какой-то человек, стоявший неподалёку от Тима, услышав его смех, резко повернул голову и принялся внимательно его разглядывать, задумчиво поглаживая рукой свой длинный подбородок. Затем, словно внезапно решившись, он направился прямо к Тиму, но, приблизившись к нему, быстро прошёл мимо, наступив ему при этом на ногу.

— Прости, мальщ, — сказал он, не останавливаясь, — я нечаянно!

— Ничего, — улыбнулся Тим, — всё равно у меня ботинки грязные.

Говоря это, он взглянул себе под ноги и вдруг увидел в траве блестящую монетку в пять марок. Человек быстрым шагом уходил всё дальше и дальше; поблизости никого больше не было. Тим поспешно наступил на монету, оглянулся по сторонам и, сделав вид, что хочет завязать шнурок, украдкой поднял её и сунул в карман.

Потом, стараясь идти как можно медленней, он пошёл в сторону выхода. Вдруг какой-то длинный, худощавый господин в клетчатом костюме остановил его и спросил:

— Ну что, Тим, хочешь поставить на какую-нибудь лошадку?

Мальчик растерянно взглянул на незнакомца. Он и не заметил, что это тот же самый человек, который всего несколько минут тому назад наступил ему на ногу. Рот у незнакомца был словно узенькая полосочка, нос — тонкий, крючковатый, а под носом — чёрные усики. Из-под клетчатой кепки, низко надвинутой на лоб, глядели колючие водянисто-голубые глаза.

Когда этот человек неожиданно обратился к Тиму, тот почувствовал, что у него пересохло в горле.

— Я... У меня нет денег... — выговорил он наконец, запинаясь.

— Нет, есть. Пять марок, — сказал незнакомец. И, словно между прочим, добавил: — Я случайно видел, как ты нашёл монету. Если ты собираешься ставить на какую-

нибудь лошадь, бери-ка вот эту квитанцию. Я её уже заполнил. Верный выигрыш!

Тим слушал его, то краснея, то бледнея, потом понемногу пришёл в себя, и лицо его снова приняло свой обычный смуглый оттенок. (Цвет лица он унаследовал от матери.)

— Детям ведь, кажется, не разрешается играть на скачках, — проговорил он наконец и снова запнулся.

Но незнакомец не отставал.

— Этот ипподром, — заявил он, — один из немногих, где не так уж строго придерживаются этого правила. Не то чтобы это разрешалось официально, но здесь на это смотрят сквозь пальцы. Так что же ты думаешь о моём предложении, Тим?

— Я вас совсем не знаю, — тихо ответил Тим. Только сейчас он заметил, что господин этот называет его по имени.

— Зато я о тебе много чего знаю, — заявил незнакомец. — Ведь я встречался с твоим отцом.

Это решило дело. Правда, у Тима как-то плохо укладывалось в голове, что отец его водил знакомство с таким странным, хорошо одетым господином; но раз незнакомец знает, как зовут Тима, значит, уж каким-то образом он был знаком с его отцом.

Постояв ещё немного в нерешительности, Тим взял заполненную квитанцию и, достав из кармана свою монету, пошёл к кассе. В этот момент громкоговоритель объявил, что начинается второй заезд.

Незнакомец крикнул:

— Давай скорее, пока не закрыли окошка! Вот увидишь, я принесу тебе счастье!

Тим протянул кассирше деньги и квитанцию, взял отрывной талончик и обернулся, ища глазами господина в клетчатом. Но тот уже исчез.

Второй заезд кончился, и лошадь, на которую поставил Тим, пришла к финишу первой, на три корпуса обойдя другую.

Тим получил в окошке свой выигрыш: такой кучи ассигнаций он никогда ещё не видел. И опять то краснея, то бледнея, только на этот раз от радости и гордости, стоял Тим у кассы и с сияющими от счастья глазами показывал всем любопытным выигранные деньги.

Радость и горе всегда живут рядом. На Тима вдруг снова нахлынули воспоминания об отце, которого сегодня похоронили: никогда он не выигрывал столько денег! Слёзы сами потекли по лицу Тима, и он расплакался у всех на глазах.

— Э, парень, кому привалило такое счастье, тому уж хныкать не след, — раздался вдруг у него над ухом скрипучий гортанный голос.

Тим увидел сквозь слёзы человека в помятом костюме и с помятым лицом. Слева от него какой-то рыжий верзила с высоты своего роста внимательно разглядывал Тима. Справа стоял низенький, лысый, элегантно одетый господин; он смотрел на Тима с живым участием.

Все трое, казалось, держались вместе; во всяком случае, они в один голос спросили, не хочет ли Тим выпить вместе с ними лимонаду, чтобы отпраздновать выигрыш.

Тим, поражённый такой доброжелательностью не меньше, чем счастьем,

неожиданно выпавшим на его долю, кивнул в знак согласия и, всхлипнув ещё разок, сказал:

— Я хотел бы посидеть за столиком вон там, в саду.

Сколько раз он сидел здесь с отцом и пил лимонад!

— Хорошо, мальш, в саду так в саду, — опять сказали в один голос все трое.

И через минуту они уже сидели вместе с Тимом за столиком в тени большого каштана.

Господин в клетчатом, который принёс Тиму счастье, больше не появлялся, и вскоре Тим совсем позабыл о нём, тем более что трое новых приятелей, заказав себе пива, а мальчику — лимонаду, принялись развлекать виновника торжества всякими фокусами. Рыжий верзила, поставив себе на нос стакан с пивом, долго балансировал с ним, не пролив при этом ни капли; человек в помятом костюме и с помятым лицом всякий раз вытаскивал из колоды ту самую карту, которую наобум называл Тим, а низенький лысый господин проделывал всевозможные смешные шутки с деньгами Тима. Он заворачивал их в носовой платок, свёртывал его, потом расправлял, и... платок оказывался пустым.

Лысый хихикал и говорил:

— А теперь, мальчик, сунь-ка руку в левый карман твоей курточки!

Тим лез в карман и, к своему изумлению, находил там все свои деньги.

Да, это было удивительное воскресенье! Ещё три часа назад Тим, бесконечно несчастный, бродил один по городу, а теперь он то и дело смеялся, да так весело, как уж давно не смеялся, даже несколько раз подавился от смеха лимонадом. Его новые товарищи необычайно нравились ему. Он был горд, что нашёл себе настоящих друзей, да ещё с такими редкими профессиями: «помятый» оказался чеканщиком монет, рыжий — кошелечных дел мастером, а лысый — специалистом по каким-то кассовым книгам, — Тим не совсем его понял.

Когда Тим попытался было широким жестом оплатить счёт, принесённый кельнером, все трое, улыбаясь, решительно замахали на него руками. Низенький лысый господин сам заплатил за всё, в том числе и за лимонад, выпитый Тимом; и когда Тим распрощался со своими новыми друзьями, в кармане его лежал нетронутым весь выигрыш.

Тим собирался уже вскочить в трамвай, как вдруг столкнулся носом к носу с господином в клетчатом. Без всякого предисловия тот заявил:

— Эх, Тим, Тим, ну и глупый же ты мальчик! Теперь у тебя не осталось ни гроша!

— Ошибаетесь, господин, — рассмеялся Тим. — Вот мой выигрыш!

Он вытащил из кармана пачку денег, показал её незнакомцу и, немного помолчав, добавил:

— Они ваши.

— Деньги, которые ты держишь в руке, — презрительно сказал незнакомец, — просто разноцветные бумажки. Они ничего не стоят!

— Я получил их в кассе! — крикнул Тим. — Это уж совершенно точно!

— В кассе, дружок, ты получил настоящие деньги. А эта троица, с которой ты сидел в саду, наверняка обменяла их на фальшивые. Я их хорошо знаю. Жаль, я

слишком поздно увидел тебя в их компании. Только я хотел подойти, а их уж и след простыл. Ведь это самые настоящие мошенники!

— Ошибаетесь, господин! Один из них — кошелечных дел мастер...

— Ну, ясно, ворует кошельки!

— Ворует кошельки? — растерянно переспросил Тим. — А что же тогда делает чеканщик?

— Печатает фальшивые деньги. Он фальшивомонетчик.

— А третий? Специалист по кассовым книгам?...

— Этот продаёт здесь поддельные талоны. Короче говоря, мошенничает на скачках!

Нет, Тим не хотел этому верить. Тогда господин в клетчатом достал из своего бумажника ассигнацию и сравнил её с ассигнацией Тима. И правда, ни на одной из ассигнаций Тима, сколько Тим ни смотрел через них на свет, нельзя было отыскать водяных знаков.

Тим удручённо кивнул. И вдруг, швырнув бумажки на землю, принялся в бешенстве топтать их ногами. Какой-то старичок, проходивший мимо, удивлённо взглянул сперва на Тима, потом на деньги, потом на господина в клетчатом и вдруг бросился бежать, словно увидел чёрта.

Господин в клетчатом немного помолчал, потом вытащил из кармана монету в пять марок и, протянув её ошарашенному Тиму, предложил ему прийти сюда снова в следующее воскресенье. Затем он поспешно удалился.

«Интересно, почему он сам не играет на скачках?» — подумал Тим. Но тут же забыл про этот вопрос и, сунув деньги в карман, пошёл пешком домой — в свой переулочек. Фальшивые деньги так и остались валяться на земле.

Мачеха, как ни странно, на этот раз не отлупила Тима, хотя он удрал с похорон и так поздно вернулся домой. Она только оставила его без ужина и, не сказав ни слова, тут же отправила спать. Зато Эрвину было разрешено сегодня лечь попозже и посидеть ещё немного с гостями; гости молча проводили Тима неприязненными взглядами.

За этим странным воскресеньем последовала длинная печальная неделя. Тим, как всегда, получал затрещины и колотушки дома и ещё чаще, чем всегда, замечания и предупреждения в школе. И всё время он раздумывал над тем, идти ли ему в воскресенье на ипподром или остаться дома. Монету он спрятал — засунул в щель в стене соседнего дома, чтобы её случайно не нашёл Эрвин. И всякий раз, проходя мимо этого дома, он невольно улыбался: мысль, что ему, может быть, ещё раз посчастливится выиграть на скачках, доставляла ему тайную радость.

Лист третий

ВЫИГРЫШ И ПРОИГРЫШ

Когда наступило долгожданное воскресенье, Тим знал уже с самого утра, что после обеда пойдёт на скачки. Не успели старинные часы в гостиной пробить три раза, как он потихоньку выскользнул за дверь, выковырял из щели в стене соседнего дома свою монету и со всех ног помчался на ипподром.

У входа он с разбегу налетел на какого-то человека, и человек этот оказался не кем иным, как господином в клетчатом.

— Оп-ля! — воскликнул господин в клетчатом. — Ты, я вижу, еле дождался!

— Ой, извините, пожалуйста! — запыхавшись, пробормотал Тим.

— Ничего, малыш! А я тебя тут как раз ожидаю. Вот получи-ка квитанцию. Пять марок не потерял?

Тим отрицательно покачал головой и достал из кармана монету.

— Молодец! Тогда иди к окошку. Если выиграешь, подожди меня потом здесь у входа. Я хочу с тобой кое о чём побеседовать.

— Хорошо!

Тим снова поставил на ту лошадь, имя которой написал в квитанции незнакомец, и, когда скачки кончились, оказалось, что он, как и в прошлое воскресенье, выиграл целую кучу денег.

На этот раз он быстро отошёл от кассы, никому не показав своего выигрыша. Ассигнации он засунул во внутренний карман куртки и, стараясь придать своему лицу выражение полного равнодушия, поспешно покинул ипподром через дырку в заборе. Ему не хотелось встречаться с господином в клетчатом: при виде этого человека ему всякий раз становилось как-то не по себе. И потом, ведь незнакомец сам подарил ему квитанцию и деньги. Значит, Тим ничего ему не должен.

Позади ипподрома за забором расстился луг, и на нём росло несколько высоких дубов. Тим лёг на траву под самым большим дубом и стал думать о том, что ему делать со своим богатством. Хорошо бы оно помогло ему подружиться со всеми — с мачехой, и с братом, и с учителем, и с товарищами по школе. А отцу он поставит мраморную плиту на могилу, и на ней будет надпись золотыми буквами: «От твоего сына Тима, который никогда тебя не забудет».

Если останутся деньги, Тим купит себе самокат, как у сына булочника, — с гудком и надувными шинами.

Он всё грезил и грезил наяву, пока наконец не уснул.

О господине в клетчатом Тим так больше ни разу и не вспомнил. Если бы он увидел его сейчас, то наверняка бы очень удивился: странный незнакомец беседовал с тремя жуликами, которые в прошлое воскресенье угощали Тима лимонадом.

Но, к счастью или, вернее, к несчастью, Тим этого не видел. Он спал.

Его разбудил резкий голос — голос господина в клетчатом. Он стоял здесь, под дубом, рядом с Тимом. Глядя на Тима в упор, он спросил не слишком приветливо:

— Ну что, выспался?

Тим кивнул, ещё не совсем проснувшись, приподнялся и на всякий случай ощупал снаружи внутренний карман своей куртки. Карман показался ему странно пустым. Тим быстро сунул в него руку и вдруг окончательно проснулся: карман и в самом деле был пуст — деньги исчезли.

Господин в клетчатом насмешливо прищурился.

— А де-де-деньги у вас? — запинаясь, пробормотал Тим.

— Ну нет, соня! Деньги у одного из троих мошенников, с которыми ты кутил в прошлое воскресенье. Он тебя выследил. Видно, такая уж у меня судьба: всегда я прихожу слишком поздно! Только он меня завидел, сразу пустился наутёк. Так-то мне и удалось тебя обнаружить.

— В какую сторону он побежал? Надо позвать полицию!

— Не очень-то я уважаю этих голубчиков... — Незнакомец поморщился. — На мой вкус, они слишком плохо воспитаны. А жулик всё равно уже за тридевять земель. Ну, а теперь вставай-ка, братец, да отправляйся домой. В следующее воскресенье придёшь опять!

— Я, наверное, больше не приду, — сказал Тим. — Так не бывает, чтобы всё везло да везло. Это мне отец говорил.

— Счастье и беда всегда приходят трижды. Слыхал такую поговорку? А ты ведь наверняка хотел себе что-нибудь купить, правда?

Тим кивнул.

— Ну вот. И всё это у тебя будет, если ты опять придёшь сюда в воскресенье и заключишь со мной одну сделку.

Незнакомец взглянул на часы и вдруг заторопился.

— До следующего воскресенья! — поспешно сказал он. И быстро пошёл прочь.

Тим медленно побрёл в сторону своего переулочка; в голове у него был полный сумбур.

Мачеха, как всегда, задала ему трёпку; сводный брат, как всегда, злорадствовал.

И опять потянулась длинная неделя.

Но в эту неделю Тим не унывал. Хотя господин в клетчатом и не вызывал у него особого доверия, он твёрдо решил заключить с ним сделку. Потому что сделка, думал Тим, это что-то вполне солидное и законное, не то что состояние, выигранное на подобранную монетку. Тут каждый что-то даёт и получает что-то взамен. И каждый оказывается в выигрыше. Может, конечно, показаться странным, что мальчик из пятого класса размышлял о подобных вещах, но в узких переулках, где взрослым волей-неволей приходится считать каждую копейку, дети рано начинают серьёзно относиться к деньгам.

Мысль о воскресенье помогла Тиму справиться со всеми неприятностями и огорчениями недели. Иногда ему думалось, что, может быть, это отец попросил господина в клетчатом последить за сыном и помочь ему, если с ним что-нибудь случится. Но потом ему приходило в голову, что отец, наверное, выбрал бы для такого поручения кого-нибудь посимпатичнее.

Так или иначе, Тим был вполне готов заключить сделку с незнакомцем; мало того, эта сделка его очень радовала. Он снова стал часто смеяться своим прежним детским

смехом, и смех его всем нравился. У него вдруг появилось множество друзей — гораздо больше, чем когда-либо раньше.

Странно: чего только он прежде не делал, чтобы добиться дружбы, каких только не прилагал усилий! Добровольно брался за любые поручения, помогал всем и во всём... А теперь каждый сам хотел стать его другом. И право же, он ничего для этого не предпринимал, только смеялся. Теперь ему охотно прощали всё то, за что раньше бранили. Один раз, например, на уроке арифметики Тиму вспомнилось, как он налетел второпях на господина в клетчатом, и он вдруг рассмеялся своим звонким, залиvistым, захлёбывающимся смехом. И тут же испуганно зажал рот рукой. Но учителю и в голову не пришло рассердиться. Смех прозвучал так весело и забавно, что расхохотался весь класс, а вместе с ним и учитель. Потом учитель поднял палец вверх и сказал: «Из всех взрывов я признаю только взрывы смеха, Тим. И то не на уроке!..»

С тех пор Тима прозвали «взрывным», и многие ребята не хотели ни с кем, кроме него, играть на переменке. Даже на мачеху и Эрвина действовал заразительный смех Тима — теперь и они иногда смеялись.

В общем, с Тимом творилось что-то непонятное, и виною тому был господин в клетчатом. Но Тим не отдавал себе в этом отчёта. Как ни велик был его горький опыт, вынесенный из жизни в узком переулке, он всё равно оставался простодушным и доверчивым мальчиком. Он и не замечал, как нравится всем его смех; он забыл, что со дня смерти отца прятал от всех свой смех, как скряга — сокровища. Он просто думал, что после всех злоключений на ипподроме стал намного умнее и научился отлично ладить с людьми. А ведь если бы он уже тогда знал, как дорог его смех, ему бы не пришлось, быть может, вытерпеть столько бед.

Однажды, возвращаясь из школы, Тим повстречался на улице с господином в клетчатом. Как раз за минуту до этого Тим следил за шмелём, кружившим над ухом спящей кошки; шмель, словно маленький самолёт, выбирал место, чтобы приземлиться. Это выглядело так забавно, что Тим громко рассмеялся. Но как только он узнал незнакомца с ипподрома, всю его весёлость словно рукой сняло. Вежливо поклонившись, он сказал:

— Добрый день!

Однако незнакомец сделал вид, будто не заметил Тима. Он только буркнул, проходя мимо:

— На улице мы не знакомы!

И, не оглядываясь, пошёл дальше.

«Наверно, так надо для заключения сделки», — подумал Тим. И тут же снова рассмеялся, потому что кошка, проснувшись, испуганно дёрнула ухом, на котором сидел шмель. Рассерженно жужжа, маленький самолёт полетел прочь, а Тим, насвистывая, свернул в свой переулок.

Лист четвертый

ПРОДАННЫЙ СМЕХ

В это воскресенье Тим хотел поскорее улизнуть из дому и пораньше прийти на ипподром. Но около половины третьего взгляд мачехи случайно упал на календарь, висевший на стене, и она вдруг вспомнила, что сегодня годовщина её свадьбы: как раз в этот день она вышла замуж за отца Тима. Она немного всплакнула (теперь это случалось с ней частенько), и вдруг оказалось, что дел по горло: надо отнести цветы на могилу, сбегать в булочную за тортом, намолоть кофе и пригласить соседку, переодеться, а значит, сначала погладить платье; Тиму было приказано вычистить всю обувь, а Эрвину идти за цветами.

Тиму очень хотелось, чтобы ему поручили отнести цветы на могилу отца. Если бы он поторопился, он успел бы ещё к началу скачек. Но когда мачеха была чем-нибудь расстроена (а она теперь только и делала, что расстраивалась), она не терпела никаких возражений: если ей перечили, она расстраивалась ещё больше и с громким плачем валилась в кресло, так что в конце концов всё равно приходилось ей уступать. Поэтому Тим и не пытался ей возражать и покорно отправился в булочную.

— Стучись с чёрного хода! Три раза! Скажи, очень важное дело!

Хозяйка булочной встретила Тима хмуро, но это его не обескуражило («Пусть ворчит сколько влезет... Смотри не уходи с пустыми руками!.. С места не сходи, пока старая карга тебе не отпустит!..»).

Тим передал заказ мачехи в точности («Шесть кусков орехового торта!.. Пусть отрежет от самого свежего!»).

К своему огорчению, он услышал от хозяйки булочной ответ, к которому мачеха его совсем не подготовила. Фрау Бебер — так звали булочницу — сказала:

— Сперва надо расплатиться за старое, а тогда уж я опять начну записывать в долг. Так и передай дома. У кого нет денег, может и без тортов обойтись. Так и скажи! На двадцать шесть марок сдобы накупили! Интересно, кто это у вас там всё поедает?! Для директора водокачки и то столько не заказывают! А уж у них-то в семье любят полакомиться — кому-кому, а мне это хорошо известно!

Тим онемел от удивления. Правда, изредка он получал от мачехи кусочек кренделя или коврижки. Но... на двадцать шесть марок сдобы! Да ведь это целые горы! Пирогов, пирожных, печенья, плюшек! Неужели мачеха съедает всё это тайком от него и от Эрвина, когда соседка приходит к ней пить кофе? Он знал, что приятельницы часто болтают на кухне, когда они с Эрвином уходят в школу. А может, это Эрвин тайно наведывается сюда за пирожками?

— Это мой брат покупает у вас в долг пироги? — спросил Тим.

— Бывает, что и он, — буркнула фрау Бебер. — Но чаще всего сдобу берёт к завтраку твоя мать. Ах да, ведь она тебе, кажется, мачеха... Да ты, никак, ничего об этом не знаешь?

— Нет, почему же, — поспешно возразил Тим, — конечно, знаю!

Но на самом деле он ничего не знал. Эта новость не возмутила его и даже не

рассердила. Ему только стало грустно, что мачеха лакомится потихоньку от него и от брата, а долг всё растёт.

— Так-то, — сказала фрау Бебер, давая понять, что разговор окончен, — а теперь отправляйся-ка домой и передай, что я тебе велела. Понял?

Но Тим не двинулся с места.

— Сегодня, — сказал Тим, — годовщина того дня, как отец женился на матери, то есть на мачехе. А потом... — Тим вдруг вспомнил про сделку, которую он заключит сегодня на ипподроме с господином в клетчатом, и поспешно добавил: — А потом, фрау Бебер, я отдам вам деньги сегодня вечером. И за ореховый торт тоже. Это уж точно!

— Сегодня вечером?

Фрау Бебер постояла с минуту в нерешительности, но в голосе Тима было что-то такое, что её убедило. Ей почему-то вдруг показалось, что он обязательно вернёт ей сегодня вечером весь долг. Или хотя бы часть.

Для верности она всё-таки спросила:

— А где ты возьмёшь деньги?

Тим состроил мрачную гримасу, словно разбойник на сцене, и ответил басом:

— Украду, фрау Бебер! У директора водокачки!

Он так похоже изобразил разбойника, что фрау Бебер рассмеялась, подобрела и отпустила ему шесть кусков орехового торта да ещё и седьмой в придачу — просто так, бесплатно.

Мачеха стояла в дверях, с нетерпением дожидаясь Тима. Казалось, она всё ещё (а может быть, уже опять) была чем-то расстроена. И не успел Тим подойти, как она затараторила без передышки:

— Лучше бы уж я сама пошла! Ореховый торт принёс? А про долг она что-нибудь говорила? Да что же ты молчишь?

Тим скорее откусил бы себе язык, чем передал ей свой разговор с фрау Бебер. Кроме того, он спешил на скачки, а для объяснений с мачехой потребовалось бы немало времени.

— Она мне один кусок даром дала... Можно, я пойду играть, ма? (Ему ещё ни разу не удалось выговорить до конца слово «мама».)

Мачеха тут же разрешила ему идти и даже дала на дорогу кусок торта.

— Какой тебе интерес слушать наши пересуды! Иди-ка лучше поиграй! Только смотри возвращайся вовремя! Не позже шести!

Тим со всех ног помчался на ипподром, жуя на ходу торт. Всего лишь три капли крема упали по дороге на землю да одна на воскресные синие штаны.

Господин в клетчатом стоял у входа. Хотя первый заезд давно начался, он не проявлял ни малейшего нетерпения и был, казалось, совершенно спокоен. Сегодня он выглядел приветливей, чем обычно. Он пригласил Тима выпить с ним лимонаду в саду за столиком и съесть кусок орехового торта. «Видно, такое уж сегодня воскресенье, — решил Тим. — Что ни шаг, то кусок торта».

Между тем незнакомец с убийственно серьёзным лицом отпускал такие забавные шуточки, что Тим то и дело покатывался со смеху.

«А всё-таки он приятный человек, — подумал Тим. — Теперь я понимаю, почему отец с ним дружил».

Незнакомец приветливо смотрел на него ласковыми карими глазами. Будь Тим чуть-чуть понаблюдательней, он бы вспомнил, что ещё в прошлое воскресенье у господина в клетчатом были водянисто-голубые глаза, холодные, как у рыбы. Но Тим не отличался особой наблюдательностью. Жизнь ещё мало чему его научила.

Наконец господин в клетчатом заговорил о сделке.

— Дорогой Тим, — начал он, — я хочу предложить тебе столько денег, сколько ты пожелаешь. Я не мог бы выложить их на стол, отсчитать звонкой монетой. Но я могу наградить тебя способностью выигрывать любое пари! Любое!.. Понял?

Тим понуро кивнул, но слушал он очень внимательно.

— Разумеется, не задаром. Всё имеет свою цену.

Тим снова кивнул. Потом срывающимся голосом спросил:

— А что вы за это хотите?

Незнакомец немного помедлил, в раздумье глядя на Тима.

— Тебя интересует, что я за это хочу?

Он растягивал слова, как жевательную резинку. И вдруг слова посыпались скороговоркой — теперь их едва можно было разобрать:

— Я хочу за это твой смех!

Как видно, он и сам заметил, что говорит слишком быстро, и потому повторил:

— Я хочу за это твой смех!

— И это всё? — смеясь, спросил Тим.

Но карие глаза поглядели на него с каким-то странным, грустным выражением, и смех его оборвался — не хватало счастливого, захлёбывающегося смешка.

— Ну так как же? — спросил господин в клетчатом. — Ты согласен?

Взгляд Тима случайно упал на тарелку с куском орехового торта. Ему вспомнилась фрау Бебер, долг и всё то, что он собирался купить, если бы у него было много денег. И он сказал:

— Если это честная сделка, я согласен.

— Ну что ж, мой мальчик, тогда нам остаётся только подписать контракт!

Господин в клетчатом вытащил из внутреннего кармана пиджака какую-то бумагу, развернул её, положил на стол перед Тимом и сказал:

— Ну-ка, прочти это внимательно!

И Тим прочёл:

«1. Этот контракт заключён... числа... года между господином Ч. Тречем, с одной стороны, и господином Тимом Талером, с другой, и подписывается обеими сторонами в двух экземплярах.»

— А что такое «обеими сторонами»? — спросил Тим.

— Так называются участники контракта.

— А-а-а!

Тим стал читать дальше:

«2. Господин Тим Талер передаёт свой смех в полное распоряжение господина Ч.Треча.»

Когда Тим во второй раз прочитал слова «господин Тим Талер», он показался сам себе почти совсем взрослым. Уже ради одних этих слов он готов был подписать контракт. Он и не подозревал, что этот небольшой второй пункт изменит всю его жизнь. Потом он прочёл дальше:

«3. В порядке вознаграждения за смех господин Ч.Треч обязуется заботиться о том, чтобы господин Тим Талер выигрывал любое пари. Этот пункт не имеет никаких ограничений.»

Сердце Тима забилось сильнее. Дальше:

«4. Обе стороны обязуются хранить полное молчание о настоящем соглашении.»

Тим кивнул.

«5. В случае, если одна из сторон упомянет какому-либо третьему лицу об этом контракте и нарушит оговорённое в пункте 4-м условие о сохранении тайны, другая сторона навсегда сохраняет за собой право:

а) смеяться или

б) выигрывать пари,

в то время как сторона, нарушившая условие, окончательно теряет право:

а) на смех или

б) на выигрывание пари.»

— Этого я не понял, — сказал Тим, наморщив лоб.

Господин Ч.Треч — наконец-то мы узнали его имя! — объяснил ему:

— Видишь ли, Тим, если ты нарушишь условие о сохранении тайны и расскажешь кому-нибудь об этом контракте, ты тут же потеряешь способность выигрывать пари, но и смеха своего назад уже не получишь. Если же, наоборот, я расскажу об этом кому-нибудь, ты получишь назад свой смех и при этом сохранишь способность выигрывать пари.

— Понятно, — сказал Тим, — молчать — это значит быть богатым, но никогда не смеяться. А проговориться — это снова стать бедным и всё равно не смеяться.

— Совершенно верно, Тим! Ну, читай-ка дальше.

«6. В случае, если господин Тим Талер проиграет какое-нибудь пари, господин Ч.Треч обязуется вернуть господину Талеру его смех. Но при этом господин Тим Талер теряет в дальнейшем способность выигрывать пари.»

— Тут вот в чём дело... — хотел было объяснить Треч.

Но Тим уже и так всё понял. Поэтому он перебил его:

— Я знаю! Если я когда-нибудь проиграю пари, я получу назад мой смех, но больше никогда уже не буду выигрывать.

Он поспешно прочёл последний пункт контракта:

«7. Это соглашение вступает в действие с того момента, как обе стороны поставят свою подпись под двумя экземплярами... числа... года.»

Слева уже стояла подпись господина Треча. И Тим нашёл, что это вполне порядочный и честный контракт. Он достал огрызок карандаша из кармана и хотел было подписать бумагу справа. Но господин Треч отстранил его руку.

— Подписывать надо чернилами, — сказал он и протянул Тиму авторучку, сделанную, судя по цвету, из чистого золота.

На ощупь она казалась какой-то странно тёплой, словно была наполнена комнатной водой. Но Тим не обратил на это никакого внимания. Он думал сейчас только об одном — о своём будущем богатстве — и смело поставил подпись под двумя экземплярами. Красными чернилами.

И не успел он подписать, как господин Треч улыбнулся самой очаровательной улыбкой и сказал:

— Большое спасибо!

— Пожалуйста, — ответил Тим и тоже хотел улыбнуться, но не смог изобразить на своём лице даже кривой усмешки. Губы его были крепко сжаты, и разжать их он был не в силах: его рот превратился в узенькую полосочку.

Господин Треч взял один из экземпляров контракта, аккуратно сложил его вчетверо и положил во внутренний карман пиджака. Другой экземпляр он протянул Тиму:

— Спрячь его хорошенько! Если контракт из-за твоей небрежности попадётся кому-нибудь на глаза — значит, ты нарушил условие о сохранении тайны. Тогда тебе плохо придётся!

Тим кивнул, тоже сложил свой экземпляр вчетверо и сунул его под подкладку фуражки — с одной стороны она немного отпоролась. Затем господин в клетчатом положил перед ним на стол две монеты по пять марок и сказал:

— А вот и фундамент твоего богатства.

И весело рассмеялся — смехом Тима. Потом он вдруг заторопился — подозвал официантку, уплатил по счёту, встал и поспешно сказал:

— Ну, желаю успеха!

И удалился.

Теперь и Тиму надо было спешить, чтобы успеть поставить на какую-нибудь лошадь, — начинался последний заезд. Он подошёл к окошку, взял квитанцию и, не долго думая, написал на ней имя: «Мауриция». Если контракт в его фуражке настоящий, эта лошадь всё равно придёт первой.

И Мауриция пришла первой.

Тим, поставивший в этот раз целых десять марок, получил в кассе множество ассигнаций — по двадцать, пятьдесят и даже по сто марок. Стараясь, чтобы никто этого не заметил, он спрятал деньги в карман своей куртки и быстро покинул ипподром.

Лист пятый

ДОПРОС

Выйдя за ворота ипподрома, Тим осторожно ощупал карман: там ли ещё выигранные деньги? Когда он услышал хруст ассигнаций, сердце его заколотилось. Он, Тим Талер, стал теперь богатым человеком! Он может поставить мраморную плиту на могилу отца. Заплатить долг фрау Бебер. Купить что-нибудь мачехе и Эрвину. А если захочет, даже приобрести самокат. С гудком и надувными шинами.

Чтобы полнее насладиться своим счастьем, Тим пошёл домой пешком. Ему хотелось купить по дороге какой-нибудь подарок мачехе, но было воскресенье и все магазины оказались закрытыми. Тим крепко сжимал рукой в кармане пачку выигранных денег.

Уже отойдя далеко от ипподрома, он встретил на улице троих ребят из своего класса и остановился с ними поболтать. Один из них вдруг спросил:

— Что это у тебя в кармане, Тим? Лягушка?

— Паровоз! — ответил Тим и хотел засмеяться. Но губы его сами собой сложились в узенькую полосочку.

Правда, ребята этого не заметили. Они хохотали над его ответом, и один из них крикнул:

— А ну-ка, покажи, какой там у тебя паровоз!

— Может, поедем на нём в Гонолулу? — предложил другой.

Тим только всё крепче сжимал в кармане пачку бумажек.

— Мне пора домой. До свиданья! — сказал он.

Но не так-то просто было отделаться от ребят. Они подождали, пока Тим прошёл немного вперёд, а потом, крадучись, догнали его, и один, внезапно схватив его за локоть, выдернул его руку из кармана.

К их изумлению, по улице разлетелись ассигнации — по двадцать, пятьдесят и даже по сто марок!

Это было тем более удивительно, что Тим жил в узком переулке и мальчишки прекрасно знали об этом.

— Откуда у тебя столько денег? — в недоумении спросил один из них.

— Ограбил директора водокачки! — ответил Тим и хотел, несмотря на всю свою досаду, рассмеяться. Но вместо улыбки на лице его появилась такая наглая гримаса, что мальчишки испугались.

Они, как видно, решили, что Тим сказал им правду, и, вдруг сорвавшись с места, бросились бежать со всех ног. Издалека до Тима донеслись крики:

— Тим Талер украл деньги! Тим Талер — вор!

Тим с грустью собрал свои бумажки и запихал их в карманы.

Потом он побрёл к речушке, протекавшей через город, сел на скамейку на берегу и стал смотреть на утиный выводок, копошившийся у самой воды.

Маленькие утята, переваливаясь, беспомощно ковыляли в траве, и ещё вчера Тим наверняка рассмеялся бы при виде этого зрелища. Но сегодня они даже не показались

ему забавными. И от этого ему стало ещё грустнее. Он глядел на них без всякого участия, как глядят на пустую стену. И он понял, что в это воскресенье он стал совсем другим мальчиком.

Только когда начало смеркаться, Тим побрёл домой.

Не успел он свернуть в переулок, как заметил, что перед дверью их дома стоит мачеха, окружённая соседками. Они взволнованно о чём-то толковали, но, едва завидев Тима, разбежались, словно испуганные куры, и скрылись в своих домах. Однако двери во всех домах остались чуть приоткрытыми, а на каждом окне, мимо которого он проходил, шевелились занавески.

Мачеха всё ещё стояла у полураскрытой двери. Вид у неё был такой, словно сейчас наступит конец света. На её бледном как мел лице угрожающе торчал острый нос. И как только Тим подошёл поближе, она, не говоря ни слова, отпустила ему пощёчину сперва по правой, потом по левой щеке и потащила за руку в дом.

— Где деньги? — взвизгнула она, едва затворив за собой дверь.

— Деньги? — ничего не подозревая, переспросил Тим.

И снова получил две затрещины, да такие, что в голове у него загудело, а на глаза навернулись слёзы.

— Давай сюда деньги, негодяй! Преступник! А ну-ка, отправляйся на кухню!..

Она чуть ли не силой поволокла его в кухню. Тим всё ещё не понимал, в чём дело. И всё же он вытащил деньги из кармана и положил их на кухонный стол.

— Господи, да ведь здесь сотни! — заорала мачеха и уставилась на Тима, словно перед ней был не Тим, а телёнок о двух головах.

К счастью, дверь в эту минуту отворилась, и в неё протиснулась запыхавшаяся фрау Бебер. За ней появился Эрвин — рот его был широко раскрыт, он пожирал глазами бумажки, лежащие на столе.

— Директора водокачки никто не грабил, — выпалила фрау Бебер, едва отдышавшись. — У них ни копейки не пропало!

Тима вдруг осенило. Так вот почему мачеха оказала ему такой приём! Ведь он шутя обещал фрау Бебер ограбить директора водокачки. И ребятам из школы сказал то же самое. А они видели, что у него в кармане много денег, и наябедничали. Так, значит, вот как было дело!

Он хотел было тут же всё объяснить, но мачеха снова разбушевалась и не дала ему выговорить ни слова. Она трещала без передышки:

— Ах, не у директора водокачки? Ну, так ещё где-нибудь! Говори, где украл деньги! Правду говори! Пока не пришла полиция. Весь переулок уже знает! Правду говори, слышишь!

И Тим сказал правду:

— Я ни у кого ничего не брал.

На этот раз оплеухи и подзатыльники посыпались на него градом. И неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы не вмешалась фрау Бебер и, удержав мачеху, не спросила Тима:

— Правда ведь, Тим, ты говорил мне, что сегодня вечером вернёшь весь долг за пироги?

— Долг за пироги? Да при чём тут долг за пироги? — вне себя от бешенства взвизгнула мачеха.

— Прощу вас, фрау Талер, разрешите мне поговорить с мальчиком, — остановила её булочница.

Мачеха с рёвом опустилась на табуретку, ухватившись за руку Эрвина.

А фрау Бебер между тем продолжала допрос:

— Говори правду, Тим! Откуда ты знал, что сегодня вечером у тебя будет много денег?

Тим на мгновение прикусил язык. Мысли кружились, словно стая вспугнутых воробьёв. «Только не проболтаться про господина Треча! И про договор! — твердил он про себя. — Не то он потеряет силу!»

Наконец Тим проговорил, запинаясь:

— Я... один раз... давно уже... нашёл... пять... десять... марок. И я хотел пойти на ипподром и поставить на какую-нибудь лошадь. — Теперь он снова говорил уверенно, без запинки. — Я думал, что, может быть, выиграю немного денег... И тогда я поставил на Маурицию и правда выиграл. Вот это всё!

Он показал рукой на кухонный стол. Потом вытащил из кармана отрывной талончик квитанции и приложил его к деньгам.

Фрау Бебер хотела получше рассмотреть талончик, но мачеха уже схватила маленькую полоску бумаги и внимательно изучала её не меньше трёх минут.

Никто в кухне не проронил ни слова. Тим стоял молча, выпрямившись, словно застыв. Эрвин в нерешительности искоса на него поглядывал. Фрау Бебер, сложив руки на груди, улыбалась.

Наконец мачеха снова бросила талончик на стол и встала с табуретки.

— Выигрыш на скачках — это шальные деньги, — произнесла она поучительно. — Они не заработаны честным трудом!

И вышла из кухни.

Теперь и фрау Бебер внимательно рассмотрела узенькую бумажку и, кивнув головой, сказала:

— Тебе повезло, Тим!

Из комнаты донёсся громкий голос мачехи. Она звала Эрвина.

Сын её послушно зашаркал из кухни, не сказав Тиму ни слова.

Мальчик, продавший свой смех, почувствовал себя вдруг отверженным. Стараясь сдержать слёзы, он спросил фрау Бебер:

— А разве выигрывать на скачках нечестно?

Булочница ответила не сразу. Помолчав, она сказала:

— Хозяева бойни тоже выиграли. В лотерее. И на эти деньги купили себе дом. А про них ничего плохого не скажешь.

Потом она взяла со стола тридцать марок и, вынув три марки из кармана своего передника, положила сдачу на стол:

— За пироги заплачено, Тим. Не унывай!

С этими словами она вышла. Тим услышал, как хлопнула входная дверь.

Теперь он остался один на кухне. Обида, отчаяние и грусть переполняли его

сердце.

Немного подумав, он сгрёб деньги со стола и сунул их в карман. Он решил уйти из дому. Насовсем. Далеко-далеко.

Но только он хотел открыть дверь квартиры, как услышал голос мачехи:

— Сию же минуту ложись спать!

Немного помолчав, она добавила:

— Деньги положи в кухонный шкаф!

Тим понял, что ветер переменился. Он послушался, отнёс деньги на кухню и, голодный, взволнованный, обессиленный, лёг в постель. Другая постель была пуста. Эрвин спал сегодня в комнате мачехи.

И, раньше чем Тим успел о чем-нибудь подумать, он уснул глубоким, тяжёлым сном.

Лист шестой

МАЛЕНЬКИЙ МИЛЛИОНЕР

На следующий день торговля в булочной фрау Бебер шла очень бойко. Лавка была полна любопытных — каждому хотелось услышать историю про выигрыш Тима. Эту историю фрау Бебер повторяла всё снова и снова, приправляя рассказ похвалами своему товару:

— ...А потом мальчонка и говорит мне, что собрался ограбить директора водокачки. Надо вам сказать, директор водокачки и всё его семейство в восторге от наших сдобных булочек! Ну так вот, я как услышала, что у мальчишки в кармане тысячи, думала, меня прямо удар хватит! Скорей надеваю воскресное платье и бегом на водокачку. Ведь было как раз воскресенье: мне всё равно туда заказной торт нести с надписью из крема: «Желаю счастья в день рождения!» Мой муж эти надписи прекрасно делает! Ну, и узнаю, значит, что там ни о каком ограблении и слыхом не слыхали! «Дорогая фрау Бебер, — говорит мне господин директор, — я знаю, вы женщина с понятием, и булочки у вас чудесные, но тут, видно, вышла ошибка. У нас, говорит, ничего не украли».

И так далее в том же духе...

Тим сделался героем дня. У соседей, в школе и даже дома. Мачеха, нацепившая на пальто рыжую лису, стала обращаться с ним осторожнее; сводный брат то и дело задавал ему разные вопросы насчёт скачек; соседи называли его не то в шутку, не то из зависти «маленьким миллионером», а на школьном дворе ему проходу не давали.

Тима радовало это всеобщее внимание. Он давным-давно уже простил тем троим ребятам, что они на него донесли, а мачехе — оплеухи и подзатыльники. Ему хотелось теперь шутить и смеяться вместе со всеми. Но как раз это-то у него и не получалось. Как только он пытался улыбнуться, на лице его появлялась наглая гримаса.

И вскоре он махнул рукой на эти попытки. Он перестал улыбаться. Он привык делать серьёзное лицо. А разве может случиться с мальчиком что-нибудь хуже этого?

Соседи начали поговаривать:

— Заважничал! Задрал нос!

Товарищи по классу стали его избегать, и даже мачеха, которая сделалась теперь немного спокойнее, называла его «кислятиной».

Впрочем, мачеха никогда уже больше не говорила, что деньги, выигранные на скачках, шальные. С некоторых пор она считала, что выигрыш на скачках вполне законное и очень почётное дело. Она даже как-то раз спросила Тима, не хочет ли он взять двадцать марок из выигранных денег, чтобы пойти в воскресенье на ипподром и поставить на какую-нибудь лошадь. До сих пор Тиму ещё не досталось ни копейки из этих денег: с мечтами о мраморной плите и о самокате пришлось пока распрощаться. А теперь — от обиды и из упрямства — он отказался и от двадцати марок. С тех пор как он узнал про долг за пироги, он стал смотреть на мачеху другими глазами. Он больше не доверял ей.

Всю эту неделю Тим думал о том, что хорошо бы на свете вовсе не было

воскресений. Он боялся, что мачеха уговорит его пойти на ипподром. И страх его был не напрасным. Уже в субботу вечером она начала разговор издалека:

— Хочешь ещё хлеба, Тим? Вообще-то говоря, когда человеку везёт, надо пробовать счастье до трёх раз. А впрочем, до завтра времени много. Ещё успеешь решить, идти тебе или нет. Правда?

И Тим, конечно, пошёл. Не только потому, что Эрвин и мачеха за завтраком повели разговор о скачках и не прекращали его до обеда и за обедом: Тиму хотелось испробовать силу контракта — странной бумаги, лежавшей под подкладкой его фуражки. Теперь он и сам уже толком не знал, что это такое — честное соглашение или подлая сделка?

Они поехали втроём на трамвае к ипподрому. Бледное лицо Эрвина впервые в жизни покрылось красными пятнами, а мачеха, как всегда, тараторила без передышки — о риске, о спекуляции на скачках, о слишком высоких ставках. Она вручила Тиму двадцать марок, осыпая его бесчисленными предостережениями, а потом ещё добавила:

— Только не ставь на Фортуну, Тим! В трамвае я слыхала, что у Фортуны никаких шансов! Не то она больна какой-то лошадиной болезнью, не то ещё что-то. Слышишь Тим? Только не на Фортуну.

Уж конечно, теперь-то Тим твёрдо решил поставить на Фортуну. Контракт лежал у него в фуражке — раздумывать было нечего. Да и мачехе было полезно доказать, что он лучше её разбирается в таких вещах.

Но как только они очутились на ипподроме, мачеха и Эрвин вообще забыли о существовании Тима — так захватило их то, что творилось вокруг. Нарядные дамы и элегантные господа, лошади, которых вели под уздцы маленькие жокеи в красных картузах, шум, болтовня, суматоха, толкотня возле кассы и у барьера — от всего этого глаза разбегались.

— А ты разве не будешь смотреть? — спросила мачеха, когда Тим отдал в окошко квитанцию и получил талон.

Тим мотнул головой.

— На какую лошадь ты поставил? — спросил Эрвин.

— На Фортуну! — ответил Тим громче, чем это было необходимо.

Мачеха взбеленилась.

— На Фортуну? Да ведь я же тебе сказала, что эта лошадь... что я слыхала в трамвае...

Выстрел, возвестивший начало скачек, перебил её болтовню. Послышался топот копыт, зрители начали шуметь, выкрикивая имена фаворитов, и мачеха с Эрвином бросились вперёд в надежде разглядеть лошадей, хотя это было нелегко из-за множества цилиндров, кепок и шляп. Но пробраться сквозь толпу им не удалось — они стояли теперь неподалёку от Тима, севшего в сторонке на траву. Время от времени Эрвин взволнованно кричал, обернувшись к Тиму:

— Фортуна выходит на третье место!

И снова:

— Фортуна перегоняет!

И, наконец, захлёбываясь от восторга:

— Фортуна впереди!

Но потом вдруг начало казаться, что Фортуна обессилела. Она споткнулась, её обошли, и Эрвин крикнул:

— Пропали наши денежки! Фортуна выдохлась!

Теперь мачеха повернула голову к Тиму, взгляд её говорил: «Вот видишь! Я же предупреждала! Вот не послушался!..»

Но когда до финиша оставалось уже совсем немного, Фортуна начала вдруг с невиданной скоростью навёрстывать упущенное время.

Эрвин орал как одержимый:

— Молодец, Фортуна! Ай да Фортуна! А ну-ка, а ну-ка, а ну-ка!..

И толпа выкрикивала всё громче и громче:

— Фортуна! Фортуна! Фортуна!

Потом раздался дружный рёв, и Тим понял: Фортуна победила! И господин Треч тоже победил.

Тим, собственно говоря, ещё и потому сел в сторонке, что надеялся увидеть господина Треча. Но из-под немногих клетчатых кепок, на которые наткнулся его взгляд, на него смотрели совсем незнакомые лица. Треча нигде не было. (А между тем он был здесь, на ипподроме, правда, на этот раз не в клетчатом. Переходя с места на место, он, прищурившись, внимательно наблюдал за мальчиком.)

Эрвин, запыхавшись, подскочил к Тиму.

— Выиграли! — заорал он во всю глотку. — Давай-ка сюда талон!

Но Тим крепко держал талон в руке и ждал, пока поредеет толпа у кассы. Только когда у окошка не осталось ни одного человека, он подошёл и получил свой выигрыш — две тысячи марок!

— Довольно большой выигрыш, — сказал он, протягивая деньги мачехе, — здесь должно быть две тысячи марок.

— А ты проверил деньги? Тебя не обсчитали?

— Да уж наверно не обсчитали, — ответил Тим.

— А ну-ка давай сюда! Я сама пересчитаю!

Чуть ли не выхватив деньги у него из рук, она принялась пересчитывать ассигнации; ошиблась, пересчитала снова и наконец сказала:

— Сошлось! Ровно две тысячи марок.

И тут все трое замолчали. Мачеха уставилась на пачку бумажек, которую держала в руке; Эрвин стоял с открытым ртом; лицо Тима, как всегда, оставалось серьёзным.

Наконец мачеха прервала молчание:

— Что же нам теперь делать со всеми этими деньгами?

— Не знаю, — сказал Тим. — Это твои деньги!

И мачеха разрыдалась; кто знает — от радости ли, от потрясения или от всего этого, вместе взятого. Она бросилась целовать то одного, то другого мальчика, а потом вытерла глаза носовым платком и сказала:

— Пойдёмте, дети! Это надо отпраздновать!

И опять Тим сидел в саду под каштаном за тем самым столиком, за которым сидел

когда-то с отцом, потом с мошенниками, а ещё в прошлое воскресенье с господином в клетчатом.

Мачеха была в приподнятом настроении и тараторила без передышки:

— Я прямо как чувствовала, что Тим неспроста поставил на Фортуну! Ну и хитрец же ты! — И она ласково потрепала его за ухо.

Потом она заказала лимонаду и каждому по куску торта, на этот раз не орехового, а шоколадного.

Эрвин болтал без умолку об игрушечной электрической железной дороге и о коричневых полуботинках на толстой подмётке. Только Тим сидел молча, не раскрывая рта, — мальчик, который не мог смеяться.

Лист седьмой

БЕДНЫЙ БОГАЧ

Теперь Тиму приходилось каждое воскресенье отправляться с мачехой и Эрвином на ипподром. Он делал это нехотя и иногда даже притворялся больным. Изредка ему удавалось улизнуть в воскресное утро из дому, и тогда он являлся домой поздно вечером. В такие дни мачеха с Эрвином ходили на скачки без него. Но им не везло. Если они и выигрывали, то не больше нескольких марок.

Потому Тиму приходилось в следующее воскресенье снова идти вместе с ними и с каждым разом всё увеличивать ставку. Вскоре он сделался самым знаменитым человеком на ипподроме — его там, как говорится, знала каждая собака.

Везенье его вошло в поговорку. О тех, кто часто выигрывал, говорили: «Везёт, как Тиму!»

Тим быстро сообразил, что ему лучше выигрывать не всегда одинаково — когда побольше, а когда и поменьше, — и часто ему удавалось это подстроить. Если он ставил на знаменитого рысака, на которого ставили и многие другие, выигрыш был не так уж велик; если же выбирал какую-нибудь захудалую лошадёнку, на которую почти никто не решался поставить, то выигрывал огромные суммы.

Мачеха, заявившая вначале, что все выигранные деньги принадлежат Тиму, а она только распоряжается ими как его опекунша, вскоре заговорила о «наших выигрышах», о «наших деньгах», о «нашем лицевом счёте в банке». Тим получал от неё всего лишь несколько марок на карманные расходы, и всё же ему удалось понемногу скопить на мраморную плиту. Эти деньги Тим решил отложить. Он обменял серебро и медь на ассигнации и спрятал их в большие старинные часы, так как случайно сделал открытие, что подставка у этих часов с двойным дном.

Мачехе неожиданное богатство словно в голову ударило. Очень скоро у неё оказалось ровно столько врагов, сколько было жителей в узком переулке. Своей бывшей подруге, с которой она когда-то пила по утрам на кухне кофе, она заявила прямо в лицо, что та слишком плохо одета и с ней стыдно показаться на улице. (Подарить подруге новое платье ей, разумеется, и в голову не приходило.) Пирог, торты и коврижку фрау Бебер она ругала на каждом перекрёстке и покупала теперь дорогое печенье и пирожные в кондитерской в центре города. (То, что фрау Бебер отпускала ей прежде целые горы сдобы в долг, разумеется, выпало у неё из памяти.)

Эрвин, которому фрау Талер всякий раз старалась потихоньку подсунуть ещё немного денег на карманные расходы, разыгрывал мальчика из богатой семьи. Он носил полуботинки на чудовищно толстой подмётке, длинные брюки и очень яркие галстуки. Кроме того, он потихоньку курил и изображал из себя знатока лошадей.

Только Тим втайне проклинал богатство, виновником которого был сам. Часами бродил он теперь в отдалённых кварталах большого города, надеясь встретить господина в клетчатом. Может быть, Треч согласится вернуть ему его смех, если Тим навсегда откажется от богатства? Но Треча нигде не было.

Господин в клетчатом, однако, не терял Тима из виду. Время от времени по

кварталу, где жил Тим, проезжал роскошный автомобиль, и в нём, откинувшись на кожаные подушки, сидел господин в клетчатом кепи. Заметив на улице Тима, он приказывал шофёру остановиться и с озабоченным, почти боязливым выражением лица наблюдал за мальчиком. Этот господин позаботился и о том, чтобы в квартиру Тима попал календарь, где рядом с рекламными стишками, воспевающими кофе, какао и масло, были приведены изречения знаменитых людей. На первой странице календаря можно было прочесть:

«К контракту надо относиться, как к браку: сначала взвесить все «за» и «против», а потом хранить верность.»

Ч.Треч.»

К счастью для Тима, мачеха оторвала и припрятала этот листок, потому что на оборотной стороне его был напечатан гороскоп — объяснение судеб по звёздам. Она родилась под созвездием Скорпиона.

Тяжелее всего Тиму было то, что очень скоро к нему стали враждебно относиться в переулке. Серьёзное выражение лица соседи принимали за признак высокомерия и занайства и решили между собой, что мачеха, Эрвин и Тим одного поля ягоды. «Выскочки!» — только так их теперь и называли.

Поэтому никто так не радовался, как Тим, — насколько он вообще мог ещё радоваться, — когда мачеха сняла квартиру в богатом квартале и они переехали из переулка в большой дом на широкой улице.

Мебель — разумеется, только старую — мачеха раздарила соседям по переулку — тем немногим, с кем она ещё разговаривала. Она хотела подарить и большие старинные часы, в которых были спрятаны сбережения Тима, но, к счастью, Тим вовремя услышал об этом и попросил её разрешить ему поставить часы в своей будущей комнате на новой квартире. Он просил об этом так горячо, что мачеха наконец согласилась; она была скорее удивлена, чем рассержена. Так сейф, отбивающий время, оказался вместе с Тимом в его собственной отдельной комнате, где он впервые в жизни мог без всякой помехи готовить уроки.

Мачеха, поселившись в новой квартире, наняла прислугу. Но ни одна прислуга не могла с ней ужиться. За Марией последовала Берта, за Бертой — Клара, Клару сменила Иоганна, и, наконец, когда Иоганна ушла, появилась пожилая женщина по имени Грит. Она сумела продержаться дольше всех, потому что не спускала мачехе ни одного слова и, когда та её ругала, огрызалась в ответ.

Так они то ссорились, то мирились, а время шло, пока наконец Тиму не исполнилось четырнадцать лет. Теперь пора было подумать, какую профессию ему избрать.

Мачеха настаивала и даже требовала, чтобы Тим поступил учеником в контору при ипподроме. Это имело свои причины. Год назад, как раз в тот день, когда Тиму исполнилось тринадцать лет, он поставил большую сумму на лошадь, которую только из милости в последний раз допустили к скачкам. Ни один человек, кроме Тима, не решился на неё ставить. Но раз на неё поставил Тим, лошадь, к изумлению всех

знатоков, пришла первой. Тим получил в окошке тридцать тысяч марок. После этого выигрыша он объявил мачехе, что теперь они достаточно богаты и больше он не будет играть на скачках. Ни слёзы, ни побои не могли изменить его решения. С этого дня он больше ни разу не был на ипподроме.

И вот теперь мачеха надеялась, что Тим снова почувствует вкус к скачкам, если поступит учеником в контору при ипподроме. Она даже вступила в переговоры с самым богатым в городе устроителем скачек. Но Тим упрямылся и говорил, что хочет пойти в моряки и отправиться в плавание и никогда больше не играть на скачках.

Однажды — это было через несколько дней после того, как Тим окончил школу, — мачеха снова завела свой обычный разговор о будущем Тима:

— Ведь ты уже не ребёнок, Тим! Так и так пора тебе приниматься за какое-нибудь дело. А в конторе ты со своими способностями можешь разбогатеть! Ведь я тебе только добра желаю, мой мальчик! Ведь не о себе думаю, только о тебе!

— Не пойду я в контору, — резко ответил Тим. — Я хочу отправиться в плавание!

Мачеха сперва рассердилась, потом разъярилась, а под конец расстроилась. Как всегда, она стала плакать и кричать, что он хочет её покинуть, чтобы на старости лет она осталась без гроша в кармане и пошла просить милостыню. Хочет бросить её и своего брата Эрвина на произвол судьбы, а сам стать богачом. Да и вообще он ничуть не привязан к своей семье! Даже никогда не улыбнётся!

Последнее замечание задело Тима куда больнее, чем могла подозревать мачеха. Кровь бросилась ему в лицо. Ему захотелось убежать сейчас же, сию же минуту! Но, с тех пор как он потерял свой смех, он приобрёл самообладание, редкое и удивительное для мальчика его лет.

Он и на этот раз настолько овладел собой, что мачеха ничего не заметила, разве только, что он покраснел.

— Дай мне в следующее воскресенье столько же денег, сколько тогда, в последний раз, — сказал он. — У меня, наверное, будет большой выигрыш.

И раньше, чем мачеха успела ответить, Тим выбежал из дому, помчался к реке, сел на уединённую скамейку на берегу и попытался справиться со своим волнением. Но это ему не удалось — он заплакал. Он не хотел плакать и боролся с собой, но рыдал всё горше и горше, пока наконец не дал полную волю своему отчаянию. Когда же рыдания стали стихать, а слёзы иссякли, Тим начал трезво и хладнокровно обдумывать своё будущее.

Он решил, что в следующее воскресенье снова поставит на какую-нибудь захудалую лошадь и выиграет много денег. Все деньги он отдаст мачехе, а сам просто убежит, бросив её и Эрвина. Может, наймётся юнгой на какой-нибудь корабль, может, ещё кем-нибудь. Насчёт денег ему беспокоиться нечего. Играть на скачках можно везде. А от богатства — теперь-то уж он знал это наверняка — всё равно никакой радости. Он отдал свой смех за то, что ему вовсе не нужно.

И тут же на берегу Тим принял ещё более важное решение: во что бы то ни стало он вернёт свой смех! Он отправится за ним в погоню и разыщет господина Треча, где бы тот ни скрывался, хоть на краю света.

Как было бы хорошо, если б в целом мире нашёлся хоть какой-нибудь человек —

пусть пьяный кучер или полоумный бродяга, — с которым Тим мог бы поделиться своим решением! Самые сложные вещи иной раз становятся простыми, когда поговоришь о них с кем-нибудь. Но Тиму нельзя было ни с кем говорить об этом. Он должен был замкнуться в своей тайне, как улитка в раковине. Сложенный вчетверо листок бумаги, лежавший теперь вместе с деньгами в больших старинных часах, сделал его самым одиноким мальчиком на земле.

Тим стал думать об отце и о деньгах, скоплённых на мраморную плиту. И он решил ещё вот что: прежде чем навсегда покинуть город, он поставит плиту на могилу отца. Он понимал, что это будет не так-то просто, но твёрдо надеялся преодолеть любые трудности.

Теперь он спокойно поднялся со скамьи: у него был план; оставалось только привести его в исполнение. И план этот придавал ему силы.

Лист восьмой

ПОСЛЕДНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Когда наступило воскресенье — последнее воскресенье, проведённое Тимом в родном городе, — мачеха уже за завтраком начала проявлять нетерпение. Она сварила сегодня особенно крепкий кофе и пила его жадными глотками, но почти ничего не ела. Тиму она дала немного больше денег, чем он попросил. Нарядившись в своё самое шикарное шёлковое платье, вышитое цветами, она достала из шкафа лису, чтобы надеть её, когда будет выходить из дому.

— Ах, как любопытно, как любопытно, — тараторила она, — выиграем мы сегодня или нет?! Ты уже знаешь, Тим, на какую лошадь будешь ставить?

— Нет, — ответил Тим. И это была правда.

— Так ты ещё и не думал об этом? Хочешь ставить прямо так, с бухты-барахты?

— Тим уж знает, что делает! — заявил Эрвин.

Успехи сводного брата на скачках внушали ему и зависть и уважение.

После завтрака они сели втроём в такси и поехали на ипподром. Едва выйдя из машины, мачеха бросилась было к окошку кассы. Но Тим сказал, что ему нужно сперва немного оглядеться, и мачеха сочла это вполне разумным — пусть потолкается в толпе, послушает, что говорят люди.

На ипподроме успели уже почти совсем позабыть Тима: ведь он целый год не играл на скачках. И всё же кое-кто его помнил; когда он проходил, некоторые зрители шептались, подталкивая друг друга локтями. Особенно большой интерес к Тиму проявлял какой-то человек с курчавыми тёмными волосами и странно колючими водянисто-голубыми глазами. Он вертелся вокруг Тима, словно верный пёс вокруг хозяина, и буквально не сводил с него глаз, как-то ухитряясь при этом оставаться незамеченным. Когда Тим начал читать список лошадей, человек этот встал с ним рядом.

— На Южного, кажется, никто не поставил! — заметил он как бы между прочим, даже не взглянув на Тима. — А ты что, тоже собираешься ставить?

— Да, — ответил Тим, — и как раз на Южного!

Теперь незнакомец повернулся к нему лицом.

— Очень смело, малыш! Ведь у Южного, можно сказать, никаких шансов!

— Увидим, — ответил Тим.

Ему вдруг почему-то захотелось рассмеяться. Но смеяться он не мог. Серьёзно и грустно смотрел он на незнакомца, который начал теперь подшучивать над смелым замыслом Тима и его надеждами на выигрыш. Он проводил Тима до самой кассы.

По дороге незнакомец всё продолжал шутить. Он подсмеивался над маленькими жокеями, внимательно вглядываясь при этом в лицо Тима. Но лицо Тима оставалось по-прежнему серьёзным.

Почти уже дойдя до окошка кассы, спутник Тима остановился; Тим тоже невольно замедлил шаг.

— Меня зовут Крешимир, — сказал незнакомец. — Я желаю тебе добра, малыш. Я

знаю, что на этом ипподроме ты ни разу не проиграл. Случай редкий и удивительный. Можно, я задам тебе вопрос?

Тим поглядел в водянисто-голубые глаза незнакомца, и они показались ему странно знакомыми. Они напоминали ему кого-то, только он никак не мог вспомнить, кого именно.

— Пожалуйста! — сказал он. — Спрашивайте.

Не сводя глаз с мальчика, Крешмир тихо спросил:

— Почему ты никогда не смеёшься, малыш? Тебе не хочется? Или... ты не можешь?

Тим почувствовал, что краснеет. Кто этот человек? Что он знает о Тиме? Ему вдруг показалось, что у этого человека глаза Треча. Может быть, это Треч так изменился? И хочет испытать Тима?

Пожалуй, он слишком долго медлил с ответом. Крешмир сказал:

— Твоё молчание достаточно красноречиво. Может быть, мне когда-нибудь удастся тебе помочь. Не забудь: меня зовут Крешмир. До свидания!

И человек исчез в толпе, запрудившей ипподром. Тим сразу потерял его из виду. Встревоженный, он подошёл к окошку кассы и поставил на Южного все деньги, какие у него были.

Едва отойдя от окошка, он наткнулся на мачеху и Эрвина. Наверняка они нарочно его здесь дожидались. Но на этот раз Тим не стал говорить им, на какую лошадь поставил. Зато он сегодня впервые вместе с ними следил за скачками.

Южный оказался необычайно темпераментным молодым жеребцом; он всего в третий раз участвовал в скачках. Поговаривали, что его слишком рано выпустили на ипподром. До сегодняшнего дня он оба раза приходил к финишу четвёртым. Правда, был один случай, когда в самом начале заезда он понёсся вдруг как стрела и, обойдя остальных, вырвался на полкорпуса вперёд. Но вскоре он отстал и пришёл, как и в первый раз, четвёртым.

Всё это Тим узнал из беседы каких-то двоих людей, стоявших неподалёку от него в толпе. Впервые в жизни он с волнением следил за скачками. Он боялся, что после разговора с Крешмиром его контракт с господином в клетчатом окажется недействительным. Результат скачек должен был показать, справедливы ли его опасения.

Выстрел возвестил начало первого заезда. Лошади побежали, и Южный сразу, как всегда, оказался на четвёртом месте. Двое мужчин рядом с Тимом разговаривали теперь о лошади, шедшей впереди. Но потом разговор снова перешёл на Южного. В возрастающем шуме до Тима доносились только обрывки фраз:

— Многому научился... бережёт силы... вырвется...

Однако шансов на победу у Южного, по-видимому, не было никаких. Он всё ещё держался четвёртым, но лошади, бежавшие впереди него, ушли далеко вперёд. Эрвин и мачеха все приставали к Тиму, чтобы он сказал им, на какую лошадь поставил. А Тима охватили сомнения. Теперь он со страхом следил за скачками. Южный едва заметно выдвинулся вперёд. До финиша оставалось уже совсем немного.

И вдруг лошадь, бежавшая впереди, споткнулась. Две другие, шедшие вслед за ней,

испуганно мотнув головами, подались в сторону. В это мгновение Южный пронёсся мимо них великолепным галопом и благополучно пришёл к финишу первым. В рёве толпы звучало скорее разочарование, чем восторг. Тим услышал, как рядом с ним кто-то сказал:

— Самые нелепые скачки из всех, какие я видел!

На большом табло в самом верху появилась надпись: «Южный». Тим вздохнул с облегчением. Как ему хотелось сейчас рассмеяться! Но вместо этого он молча вынул из кармана талончик и, протянув его мачехе, сказал:

— Мы выиграли! Получи, пожалуйста, деньги сама!

Фрау Талер в сопровождении Эрвина бросилась к окошку кассы. А Тим, не дожидаясь их возвращения, поехал на трамвае домой, достал из старинных часов контракт и деньги и, сунув контракт за подкладку фуражки, а деньги во внутренний карман куртки, хотел было уже выйти за дверь, как вдруг услышал, что мачеха с Эрвином поднимаются по лестнице. Он едва успел спрятаться за портьеру, закрывавшую вход в небольшой чуланчик. И тут же дверь квартиры отворилась, и мачеха стала громко звать его по имени. Тим не откликнулся.

— И куда это он запропастился? — услышал он снова голос мачехи. — Он такой чудной последнее время!

Голоса стали удаляться — теперь они уже доносились не то из кухни, не то из спальни. Тим услышал ещё, как Эрвин спросил:

— Теперь мы чертовски богаты, правда?

И резкий голос мачехи издали что-то ответил. До Тима долетело:

— ...сорока тысяч...

«Ну, — подумал Тим с холодным спокойствием, — теперь я наверняка им больше не нужен».

Он вышел из чулана, неслышно открыл и закрыл входную дверь, пробрался, прижимаясь к стене, под самыми окнами своей квартиры и бросился бежать со всех ног в сторону кладбища, на восточную окраину города.

Только когда толстый усатый кладбищенский сторож спросил его у входа, какой номер могилы ему нужен, он сообразил, что ошибся: мраморную плиту для отца надо было, наверное, заказать заранее где-нибудь в другом месте. И всё-таки Тим решил хотя бы что-нибудь разузнать.

— Не могу ли я заказать у вас мраморную плиту? — вежливо спросил он сторожа.

— Мраморные плиты у нас не разрешаются, только каменные! — буркнул усатый. — Да и вообще ты обратился не по адресу. Но мастерская надгробных памятников всё равно по воскресеньям закрыта!

И вдруг Тиму пришла в голову отчаянная мысль.

— Давайте спорить, что на могиле моего отца уже лежит мраморная плита! И на ней золотыми буквами написано: «От твоего сына Тима, который никогда тебя не забудет».

— Ты проиграл пари, мальчик, ещё не успев его заключить!

— Всё равно, давайте спорить! На плитку шоколада! (Он ещё раньше заметил плитку шоколада на подоконнике сторожки.)

— А у тебя хватит денег на плитку шоколада, если ты проиграешь?

Тим вытащил из кармана свои ассигнации.

— Ну как, спорим?

— Более дурацкого пари и не выдумаешь! — пробормотал кладбищенский сторож.

— Ну что ж, давай!

Они ударили по рукам и побрели по громадному, похожему на парк кладбищу, туда, где находилась могила отца Тима.

Уже издали они заметили троих рабочих в комбинезонах, возившихся у могилы. Толстый кладбищенский сторож ускорил шаг.

— Да ведь это... — Он фыркнул, как морж, и бросился бежать к могиле.

На могилу как раз положили новую мраморную плиту. На ней золотыми буквами были написаны имя и фамилия отца и даты его жизни. Внизу стояла подпись: «От твоего сына Тима, который никогда тебя не забудет».

Рабочие не обратили ни малейшего внимания на крик сторожа. Они показали ему какие-то бумаги, подтверждавшие, что плита эта положена на могилу вполне законно. Среди документов было даже специальное разрешение на замену каменной плиты плитой из мрамора. Сторож, как выяснилось, клевал носом, когда рабочие проходили мимо его сторожки, и им не хотелось его будить.

— А заплатить за всё это, — добавил один из них, — должен некий Тим Талер.

— Верно, — сказал Тим. — Вот деньги. — Он достал из кармана ассигнации и, сосчитав их, передал одному из рабочих. Теперь у него осталось всего пятьдесят пфеннигов.

Кладбищенский сторож, ворча, поплёлся обратно к сторожке.

Рабочие собрали инструменты, приподняли на прощание кепки и тоже пошли к выходу.

Тим, зажав в кулаке монету в пятьдесят пфеннигов, остался стоять один у могилы отца. В другой руке он держал свою фуражку, за подкладкой которой был спрятан странный, непонятный контракт. Он рассказывал тому, кого давно уже не было в живых, всё, что ему так хотелось бы рассказать хоть одному живому человеку.

Наконец он умолк, ещё раз осмотрел новую мраморную плиту и нашёл её очень красивой. Потом негромко сказал:

— Я вернусь, когда снова смогу смеяться. До скорого свидания! Но вдруг запнулся и прибавил: — Надеюсь, что до скорого...

Проходя мимо сторожки, он взял у рассерженного сторожа плитку шоколада. На последние деньги он купил трамвайный билет.

Куда он едет, он и сам не знал. Он знал только, что ему надо найти господина в клетчатом и вернуть проданный смех.

Лист девятый

ГОСПОДИН РИКЕРТ

Трамвайный вагон был почти пуст. Кроме Тима, здесь сидел только кругленький, небольшого роста пожилой человек с весёлым лицом, немного похожий на добродушного мопса.

Он спросил мальчика, куда тот едет.

— На вокзал, — ответил Тим.

— Тогда тебе придётся сделать пересадку. Этот трамвай не идёт к вокзалу. Это я знаю точно: я и сам еду на вокзал.

Тим держал свою фуражку на коленях и, ощупывая пальцами подкладку, слушал, как шуршит под его рукой сложенный вчетверо контракт. И вдруг ему пришло в голову, что теперь он должен стараться как можно чаще заключать самые невероятные пари. Может быть, какое-нибудь он и проиграет. Ведь тогда он вернёт свой смех!

И он сказал:

— Держу пари, что этот трамвай идёт к вокзалу!

Кругленький человечек рассмеялся и сказал то же самое, что и кладбищенский сторож:

— Ты проиграл пари, ещё не успев его заключить! — И добавил: — Ведь это «девятый»! Он ещё никогда не шёл до вокзала.

— И всё-таки я держу с вами пари! — сказал Тим с такой уверенностью, что человек с удивлением замолчал.

— Что-то уж чересчур ты в этом уверен, малыш. Так на что же мы будем спорить?

— На билет до Гамбурга, — быстро ответил Тим. Он и сам был обескуражен своим поспешным ответом. Эта мысль так неожиданно пришла ему в голову! И всё же она пришла не случайно. Ведь он давно уже решил отправиться в плавание.

— А ты что, собираешься ехать в Гамбург?

Тим кивнул.

Приветливое лицо «мопса» расплылось в улыбке.

— Тебе незачем спорить, малыш! Дело в том, что я тоже еду в Гамбург и взял два билета в двухместном купе. А тот господин, который должен был ехать со мной, задержался. Значит, ты можешь составить мне компанию.

— И всё-таки мне хотелось бы заключить с вами пари, — серьёзно ответил Тим.

— Хорошо! Давай поспорим. Но предупреждаю: ты проиграешь! А как тебя зовут?

— Тим Талер.

— Хорошее имя. Звучит, как звон монет.^[1] А моя фамилия Рикерт.

Они пожали друг другу руки. Так они одновременно и познакомились и заключили пари.

Когда по вагону прошёл кондуктор, господин Рикерт спросил его:

— Скажите, пожалуйста, этот трамвай идёт к вокзалу?

Только кондуктор хотел ответить, как вагон качнуло, и он остановился. Тим чуть не упал на господина Рикерта.

Кондуктор побежал на переднюю площадку. Как раз в эту минуту на неё вскочил чиновник управления городского транспорта с серебряными нашивками на кителе. Он взволнованно сообщил что-то кондуктору, тот взволнованно что-то ответил, потом вернулся в вагон и обратился к господину Рикерту:

— Сегодня вагон в порядке исключения пойдёт к вокзалу, потому что на нашей линии повреждён провод. Но обычно «девятый» не ходит по этому маршруту.

Он приложил два пальца к козырьку фуражки и снова пошёл на переднюю площадку.

— Чёрт побери, ловко же ты выиграл спор, Тим Талер! — рассмеялся господин Рикерт. — Сознайся-ка, ведь ты наверняка слышал, что на этой линии оборван провод. Ну, сознайся!

Тим грустно покачал головой. Ему гораздо больше хотелось проиграть этот спор, чем выиграть. Теперь ему окончательно стало ясно, что господин Треч обладает необыкновенными возможностями.

На вокзале господин Рикерт поинтересовался, где оставил Тим свой багаж.

— Всё, что мне нужно, со мной, — ответил Тим очень неопределённо и совсем не по-детски. — А паспорт у меня в кармане куртки.

У Тима и правда был при себе паспорт. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, он добился у мачехи, чтобы она выхлопотала ему собственный паспорт, ссылаясь на то, что ему придётся показывать паспорт в кассе на ипподроме. Этот довод убедил мачеху, тем более что Тим целый год вообще отказывался играть на скачках.

Но только теперь Тим понял, как необходим ему паспорт. Ведь он ехал в Гамбург.

Купе господина Рикерта оказалось в первом классе. На двери купе висела табличка с его именем: «Христиан Рикерт, директор пароходства».

А внизу на той же табличке стояло ещё одно имя, и, прочитав его, Тим побледнел: «Барон Ч.Треч».

Когда они сели на свои места, господин Рикерт спросил:

— Тебе нехорошо, Тим? Ты так побледнел!

— Это иногда со мной бывает, — ответил Тим (и нельзя сказать, чтобы это было неправдой, потому что с кем же этого иногда не бывает!).

Поезд шёл некоторое время вдоль Эльбы. Господин Рикерт глядел на реку, на её берега — видно было, что это доставляет ему удовольствие. Но Тим не смотрел ни в окно, ни на господина Рикерта.

Ласковый взгляд «мопса» время от времени незаметно останавливался на лице мальчика, но затем снова обращался к живописным берегам реки.

Господин Рикерт был озабочен: он не переставая думал об этом мальчике.

Наконец он решил подбодрить его каким-нибудь забавным рассказом о морском путешествии, но, едва начав рассказывать, тут же заметил, что мальчик рассеян и совсем его не слушает.

Только когда господин Рикерт перевёл разговор на барона Треча, место которого в купе занимал сейчас Тим, тот стал вдруг внимательным и даже разговорчивым.

— Барон, наверное, очень богат? — спросил Тим.

— Чудовищно богат! У него есть свои предприятия во всех частях света.

Пароходство в Гамбурге, которым я заведу, тоже принадлежит ему.

— Разве барон живёт в Гамбурге?

Господин Рикерт сделал неопределённое движение рукой, которое, как видно, должно было означать: «А кто его знает?»

— Барон живёт везде и нигде, — пояснил он. — Сегодня он в Гамбурге, завтра — в Рио-де-Жанейро, а послезавтра, может быть, в Гонконге. Главная его резиденция, насколько мне известно, это замок в Месопотамии.

— Вы, наверное, очень хорошо его знаете?

— Никто его хорошо не знает, Тим. Он меняет свой внешний вид, как хамелеон. Вот приведу тебе пример: много лет подряд у него были поджатые губы и колючие рыбки глаза. Причём могу поклясться, что они были водянисто-голубого цвета. А когда я встретился с ним вчера, оказалось, что глаза у него карие, добрые. И теперь он уже не надевает больше на улице чёрные очки от солнца. Но самое странное, что человек этот, на лице которого я — клянусь тебе! — никогда раньше не видел улыбки, хохотал вчера, словно мальчишка. И ни разу не поджал губ. А раньше он делал это поминутно.

Тим поспешно отвернулся к окну. Только что он невольно поджал губы.

Господин Рикерт чувствовал, что что-то в его рассказе одновременно привлекает и расстраивает мальчика. Он переменял тему разговора:

— А что ты собираешься делать в Гамбурге?

— Хочу поступить учеником кельнера на какой-нибудь пароход.

И опять Тим сам удивился своему внезапному решению: в эту минуту оно впервые пришло ему в голову. А впрочем, и это решение было не так уж неожиданно: ведь с чего-нибудь да надо же начинать, если решил отправиться в плавание.

На лице сидевшего напротив человека, похожего на добродушного мопса, появилась радостная улыбка.

— Послушай-ка, Тим, да ты ведь просто счастливчик! — не без торжественности произнёс господин Рикерт. — Когда ты собираешься ехать на вокзал, трамвай меняет ради тебя свой маршрут, а когда тебе нужно найти место, ты тут же натыкаешься на человека, который может тебе его предоставить!

— Вы можете устроить меня учеником кельнера?

— Кельнер на корабле называется «стюард», — поправил его директор пароходства. — Для начала ты поработаешь мальчиком в кают-компании, а может быть, юнгой. Но самое главное сейчас вот что: родители твои согласны?

Тим немного подумал, потом ответил:

— У меня нет родителей.

О мачехе он умолчал: он знал, что она ни за что бы не разрешила ему отправиться в плавание. Да и вообще он больше ни минуты не хотел думать о том, что оставил позади. Его занимало сейчас другое: была ли его встреча с господином Рикертом и вправду счастливой случайностью? Или и здесь, как в истории с мраморной плитой и с «девятым» трамваем, приложил руку господин в клетчатом?

Вместе со смехом Тим потерял и кое-что другое: доверие к людям. А в этом, как известно, тоже мало хорошего.

Господин Рикерт спросил его о чём-то, и Тиму пришлось сделать над собой

усилие, чтобы понять смысл вопроса, — голова его так и гудела от разных мыслей.

— Я спрашиваю, согласен ли ты, чтобы я о тебе немного позаботился? — повторил господин Рикерт. — Или, может быть, тебе не нравится моё лицо?

Тим ответил, не задумываясь:

— Нет, нравится! Даже очень нравится!

И это была правда. У него вдруг возникло чувство уверенности, что этот человек хотя и служащий, но вовсе не сообщник господина в клетчатом, который теперь — к этой мысли Тиму надо было ещё привыкнуть! — превратился в богатого барона Треча. И от этой уверенности Тим стал снова самым обыкновенным, доверчивым четырнадцатилетним мальчиком.

— Что с тобой? — прямо спросил его господин Рикерт. — Ты сегодня ещё ни разу не улыбнулся. А ведь у тебя было для этого столько поводов. С тобой стряслась какая-нибудь беда?

Больше всего на свете Тиму хотелось сейчас броситься господину Рикерту на шею, как это бывает в театре на сцене. Но ведь всё это было не в театре, а на самом деле. Жгучая тоска охватила Тима — тоска по человеку, которому он мог бы рассказать всё.

Ему было так трудно справиться с тоской, и отчаянием, и с чувством полной беспомощности, что блестящие крупные слёзы градом покатались по его щекам.

Господин Рикерт сел рядом с ним и сказал, словно между прочим:

— Ну-ну, не плачь! Расскажи-ка мне, что с тобой случилось!

— Не могу! — крикнул Тим, уткнувшись лицом в плечо господина Рикерта. Всё его тело сотрясалось от рыданий.

Маленький кругленький директор пароходства взял его руку в свою и не выпускал до тех пор, пока Тим не уснул.

Лист десятый

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Корабль, на который Тим должен был поступить помощником стюарда, назывался «Дельфин». Это был товаро-пассажирский пароход, курсировавший между Гамбургом и Генуей.

До отплытия парохода у Тима оставалось ещё три свободных дня. Это время он мог провести в доме господина Рикерта.

Дом господина Рикерта, белый, как облако на летнем небе, стоял на шоссе, проходившем вдоль берега Эльбы; на фасаде его красовался полукруглый балкон, поддерживаемый тремя колоннами. Высокое крыльцо под балконом охраняли два каменных льва весьма мирного и благодушного вида.

Со стеснённым сердцем глядел Тим на этот радостный, светлый дом. Раньше, когда он был ещё мальчиком из переулка и умел смеяться, всё это наверняка показалось бы ему волшебным сном — домом прекрасного принца из сказки. Но тому, кто продал свой смех, трудно быть счастливым. Серьёзный и грустный, прошёл Тим между двумя добрыми львами в белую виллу.

Господин Рикерт жил вместе со своей матерью, милой, приветливой старушкой; голова у неё была вся в белых кудряшках, а голосок как у девочки, и по всякому малейшему поводу она звонко и весело смеялась.

— Ты всё такой печальный, мальчик, — сказала она Тиму. — Так не годится. Да ещё в твоём возрасте! Ещё успеешь узнать, что жизнь не так сладка. Правда, Христиан?

Сын её, директор пароходства, кивнул и тут же, отведя мать в сторону, объяснил ей, что с мальчиком, судя по всему, случилось какое-то ужасное несчастье и поэтому он очень просит её обращаться с ним как можно бережнее.

Старушка с трудом поняла, о чём толковал ей сын. Она выросла в обеспеченной, жизнерадостной семье, вышла замуж за обеспеченного, жизнерадостного человека, и старость у неё была тоже обеспеченная и жизнерадостная. Она знала об узких переулках в больших городах только из трогательных историй, над которыми проливали горькие слёзы, а про ссоры, зависть, коварство и тому подобные вещи слыхом не слыхала да и не хотела слышать.

Всю жизнь она оставалась ребёнком. Она была словно вечно цветущий голубой крокус.

— Вот что, Христианчик, — сказала она сыну после того, как он рассказал ей всё, что знал, — пойду-ка я немного погуляю с мальчиком. Вот увидишь, уж у меня-то он рассмеётся!

— Будь осторожнее, мама, — предупредил её господин Рикерт.

И старушка обещала ему быть осторожнее.

Для Тима прогулки с ней оказались особенно тяжёлыми как раз потому, что он страшно привязался к этому милому ребёнку восьмидесяти с лишним лет. Когда она брала его за руку своей маленькой мягкой ручкой, ему хотелось подмигнуть ей и рассмеяться. Он даже подразнил бы её немного, как старшую сестру, — это ей вполне

подошло бы.

Но смех его был далеко. С ним разгуливал по белому свету странный господин в клетчатом — богатый барон Треч.

Теперь Тим понимал, что продал самое дорогое из всего, что у него было.

Во вторник старенькой фрау Рикерт пришла в голову замечательная идея. Она прочла в газете, что кукольный театр даёт сегодня представление по сказке «Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!». Это была сказка про принцессу, которая не умела смеяться. Фрау Рикерт помнила сказку очень хорошо и решила посмотреть представление вместе с мальчиком, который не умеет смеяться.

Она находила свою идею просто блестящей, но пока никому о ней не рассказывала. Всё утро она то и дело загадочно хихикала, а после обеда пригласила обоих «мальчиков» — господина Рикерта и Тима — пойти с ней на спектакль театра марионеток. И так как оба они ни в чём не могли отказать старушке, все трое отправились в кукольный театр.

Кукольный театр находился совсем близко от их дома. Он давал спектакли в Овельгёне, предместье Гамбурга, расположенном на самом берегу Эльбы; чистенькие домики, окружённые садами, словно выстроились в ряд у реки под её прежним высоким берегом. Здесь, в задней комнате небольшого трактирчика, и расставил свои ширмы театр марионеток.

Тесный зал был полон ребят. Только кое-где над спинками стульев возвышались головы матерей и отцов.

Фрау Рикерт тут же высмотрела три свободных места во втором ряду и, смеясь и жестикулируя, стала к ним пробираться. Её сын и Тим покорно следовали за ней. И не успели они занять места, как в зале погас свет и маленький красный занавес маленького театра поднялся.

Спектакль начался прологом в стихах: король вёл беседу с бродягой. Они повстречались ночью в чистом поле, когда взошла луна. Лицо у короля было бледное и грустное. У бродяги, даже при лунном свете, играл на щеках румянец, а с губ ни на минуту не сходила улыбка. Вот их беседа, послужившая прологом к сказке:

КОРОЛЬ.

Владенья наши облетела весть:
Принцесса без улыбки где-то есть.
Я человек серьёзный, смеху враг,
И с ней хочу вступить в законный брак.
Послушай, друг, получишь золотой,
Коль мне укажешь путь к принцессе той!

БРОДЯГА.

Да вон он, замок! Там она живёт!
Я сам спешу, сказать по правде, в замок тот.
Тебе ж, король, нет смысла торопиться:
Войду — и расхохочется девица!

КОРОЛЬ.

Напрасный труд! Хвастливые слова!
Она не рассмеётся! И права:
Кто не забыл, что ждёт в конце нас всех,
Того не соблазнит дурацкий смех.
Земля, конечно, шарик хоть куда,
Но всякий шарик — мыльная вода!
И тот, кто в этом дал себе отчёт,
Не станет хохотать, как дурачок.

БРОДЯГА.

Король, король, а видно, не дурак.
Всё вроде так. И всё-таки не так:
Выходит, в жизни к смерти всё идёт,
И цель-то смерть. Ан нет, наоборот!
Бокал с вином не для того блестит,
Чтобы потом сказали: «Он разбит».
Он для того искрится от вина,
Чтобы сейчас сказали: «Пей до дна!»
Ну что ж, что разобьют в конце концов!
Пока он цел. И полон до краёв!

КОРОЛЬ.

Что радости ему, что он блестит,
Раз день придёт, и скажут: «Он разбит»?

БРОДЯГА.

Да потому и радуется он,
Что знает: нет, не вечен блеск и звон!

КОРОЛЬ.

Ну, видно, мы друг друга не поймём.
Давай-ка к ней отправимся вдвоём.
Спешите! Смешите! А рассмешишь её,
И королевство не моё — твоё!

БРОДЯГА.

Что ж, по рукам, король! Но, право, верь,
Смех означает: человек не зверь.
Так человек природой награждён:
Когда смешно, смеяться может он!

Занавес опустился, и теперь в зале стало почти совсем темно. Только сквозь щёлочку в занавесе пробивалось немного света. Большинство ребят не поняли пролога и теперь шептались друг с другом, с нетерпением ожидая, когда же начнётся настоящее представление.

Только трое людей впереди, во втором ряду, сидели совсем тихо: каждый из них думал о своём. Старенькая фрау Рикерт сердилась, что она, оказывается, думает точно так же, как какой-то бродяга. Она была не слишком высокого мнения о бродягах, хотя и раздавала много денег нищим. Ей гораздо больше хотелось бы согласиться с королём — ведь он был такой серьёзный и такой грустный.

Господин Рикерт, сидевший справа от неё, вглядывался в полутьме в лицо Тима. Только один тоненький светлый луч падал на лоб мальчика, бледный, как у короля на сцене. Господин Рикерт боялся, что затея его матери оказалась не совсем удачной: ведь только вчера он видел, как Тим плакал.

У Тима была лишь одна мысль: «Только бы со мной сейчас никто не заговорил!» Его душили слёзы. И всё снова и снова в ушах его звучали последние строчки пролога:

Так человек природой награждён:
Когда смешно, смеяться может он!

Смеяться может... Может смеяться...

Занавес поднялся, и постепенно внимание Тима привлекла к себе очень бледная и очень серьёзная принцесса, выглядывавшая из окна замка.

В саду, окружавшем замок, как раз под окном принцессы, появился король-отец. Как только дочь его увидела, она тут же тихонько отошла от окна.

Его величество король сел на край бассейна у фонтана и стал петь грустную песню воде и цветам. Он жаловался им, что обращался ко всем знаменитым шутникам — шутам и дуракам — и испробовал все шутки, какие только есть на свете, чтобы заставить свою дочь рассмеяться. Но — увы! — безуспешно.

Потом король, вздыхая, поднялся. Дети в зале сидели не шелохнувшись.

Его величество бродил взад и вперёд по саду, сокрушаясь о себе и о своей дочери, а потом вдруг остановился и крикнул:

— О, если бы кто-нибудь её рассмешил! Я тут же отдал бы ему в жёны принцессу да ещё полкоролевства в придачу!

Как раз в это мгновение в сад вошли бродяга и грустный молодой король. Услышав вопль отчаяния, изданный королём-отцом, бродяга напрямик заявил:

— Ловлю вас на слове, ваше величество! Если я рассмешу принцессу, я получу её в жёны! Половину королевства можете оставить себе: вот этот господин, который меня сопровождает, отдаёт мне своё королевство целиком!

Король удивлённо взглянул на путников, оказавшихся невольными свидетелями его обещания. Бледный молодой король понравился ему гораздо больше, чем краснощёкий бродяга. Ведь у королей на этот счёт свои вкусы. Однако, не желая

нарушить слово, он сказал:

— Если тебе удастся, незнакомец, рассмешить принцессу, ты станешь принцем и её супругом!

Бродяге только этого и надо было. Он вдруг помчался куда-то со всех ног, оставив королей в саду наедине друг с другом.

Тут занавес упал и объявили антракт.

Теперь маленькие зрители не могли дожидаться продолжения. Всем хотелось знать — рассмеётся ли принцесса?

Тим втайне надеялся, что она останется серьёзной. Хотя с начала спектакля прошло совсем мало времени, она уже стала ему словно сестрой: вдвоём, взявшись за руки, они могли без страха глядеть в лицо смеющемуся миру. Но Тим слишком хорошо знал, как кончаются сказки. С тоской ждал он той минуты, когда принцесса рассмеётся.

И ждать ему пришлось недолго. Когда поднялся занавес, принцесса снова появилась в окне, а оба короля уселись на край бассейна перед фонтаном. За сценой слышались пение и смех, и вдруг в саду перед дворцом опять появился бродяга. Он вёл на поводке гуся в золотом ошейнике, а вслед за ним, положив руку гусю на хвост, семенил какой-то толстяк, — казалось, рука его приклеилась к перьям. Другой рукой он тащил за собой щупленького человечка, которого швыряло на ходу из стороны в сторону. Тот, в свою очередь, тянул за собой старушонку, старушонка — мальчонку, мальчонка — девчонку, а девчонка — собачонку. Казалось, какая-то волшебная сила нанизала их всех на одну верёвочку. Они прыгали и скакали, словно на невидимых пружинах — туда и сюда, вверх и вниз. И при этом так хохотали, что во дворцовом саду отдавалось эхо.

Принцесса высунулась из окошка, чтобы получше разглядеть это шествие. Она широко раскрыла глаза, но лицо её оставалось серьёзным.

«Не смейся, не смейся, сестрёнка! — мысленно просил её Тим. — Пусть они все смеются, все, кроме нас с тобой».

Но он просил напрасно. Грустный молодой король по рассеянности погладил собачонку, скакавшую самой последней, и вдруг рука его словно прилипла к собачьему хвосту. В испуге он схватился другой рукой за руку Короля-отца. И вот уже оба короля присоединились ко всем остальным, завершая эту диковинную процессию. По их судорожным движениям было видно, что им очень хотелось бы освободиться от странного колдовства, но это никак не удавалось. Пришлось им примириться со своим непривычным положением, и, пожалуй, они даже начинали находить в нём удовольствие. Ноги их, казалось, вот-вот пустятся в пляс, уголки губ подрагивали, и вскоре они уже стали смешно подпрыгивать и подскакивать, то и дело прыскавая со смеху.

В это мгновение из окошка слышался смех принцессы. Заиграла музыка. Все танцевали, скакали и хохотали до упаду, и дети в зале тоже хохотали и топали ногами от удовольствия.

Бедный Тим сидел, словно окаменев. Он был как скала в море смеха. Старенькая фрау Рикерт рядом с ним так смеялась, что даже закрыла лицо руками и наклонилась

вперёд. Из глаз её катились слёзы.

И тут Тим впервые заметил, как похожи движения смеющегося человека на движения плачущего. Он закрыл лицо руками, нагнулся вперёд и сделал вид, будто тоже смеётся.

Но Тим не смеялся. Он плакал. И сквозь слёзы повторял про себя: «Зачем ты рассмеялась, сестрёнка? Зачем, зачем ты рассмеялась?»

Когда занавес упал и зажёгся свет, старенькая фрау Рикерт вытащила из сумочки кружевной платочек, приложила его к глазам и, вытерев слёзы, протянула Тиму:

— На-ка, Тим, вытри и ты слёзы. Вот видишь! Я так и знала, что уж на этом спектакле ты обязательно будешь смеяться!

И старушка торжествуя поглядела на сына.

— Да, мама, — вежливо сказал господин Рикерт, — это была действительно счастливая мысль!

Но когда он произносил эти слова, лицо его оставалось грустным. Он понял, что мальчик по доброте душевной и от отчаяния обманул старушку. А Тим понял, что господин Рикерт всё понял.

Впервые с того рокового дня на ипподроме в душе его поднялся бессильный гнев против барона. Гнев словно захлестнул его. И в эту минуту он твёрдо решил, что добудет назад свой смех, чего бы это ему ни стоило.

КНИГА ВТОРАЯ

ШТОРМ И ШТИЛЬ

Кто смеётся, тот спасён!

Английская поговорка

Лист одиннадцатый

ЗЛОВЕЩИЙ БАРОН

К счастью для Тима, пароход отправлялся в Геную на следующий день утром. Старенькая фрау Рикерт махала платком со ступенек белой виллы, и Тим махал ей в ответ, пока вилла не скрылась из виду.

Директор пароходства сам проводил Тима на причал. Он купил ему брюки, куртку и ботинки, ручные часы и новенький матросский рюкзак. Протянув Тиму на прощание руку, он сказал:

— Выше голову, малыш! Когда через три недели ты вернёшься назад, мир будет казаться тебе совсем другим. И ты наверняка будешь снова смеяться. Решено?

Тим замялся. Потом быстро сказал:

— Когда я вернусь, господин Рикерт, я буду снова смеяться. Решено! — Он пробормотал ещё: — Большое спасибо! — но совсем невнятно, потому что ему сдавило горло, и взбежал по сходням на палубу.

Капитан корабля, человек угрюмый и мрачный, был не дурак выпить. До всего остального ему, собственно говоря, не было никакого дела. Он едва взглянул на Тима, когда тот ему представился, и буркнул:

— Обратись к стюарду. Он здесь тоже новенький. Будешь с ним в одной каюте.

Тим впервые в жизни очутился на пароходе. Он растерянно бродил по нему в поисках стюарда, то взбираясь, то спускаясь вниз по железным лестницам, шагал по узким коридорчикам, попадал то на нос, то на корму, то на нижнюю, то на верхнюю палубу. Экипаж корабля не носил формы. Поэтому Тим даже не знал, к кому обратиться. Блуждая по пароходу, он случайно попал через открытую настежь дверь средней палубы в какое-то небольшое помещение вроде маленькой гостиной; из середины её вела в глубь корабля покрытая ковром лестница с высокими полированными перилами. Снизу поднимался запах жареной рыбы, и Тим догадался, что там, как видно, и есть его будущее рабочее место.

Справа от лестницы находился камбуз, из которого неслись всевозможные вкусные запахи; прямо — за приоткрытой двустворчатой дверью — большой салон-ресторан; столы и стулья здесь были привинчены к полу.

Какой-то человек в белой куртке как раз расставлял приборы. Его фигура и большая круглая голова с курчавыми тёмными волосами показались Тиму знакомыми, хотя он и не мог вспомнить, кто это.

Когда мальчик вошёл в салон, человек в белой куртке обернулся и сказал, ничуть не удивившись.

— Ну вот ты и пришёл!

Тим был поражён. Он знал этого человека. И, как ни странно, даже помнил его имя. Его звали Крешмир. Это был тот самый человек, который задавал ему на ипподроме неприятные вопросы, а потом на прощание сказал: «Может быть, я смогу тебе когда-нибудь помочь...» Это был тот самый человек, чьи колючие водянисто-голубые глаза напоминали глаза господина в клетчатом, барона Треча, которого искал

Тим.

Крешимир не дал Тиму долго раздумывать. Он повёл мальчика в их общую каюту, бросил рюкзак Тима на койку, а потом вынул из своего рюкзака и протянул ему точно такие же клетчатые брюки и белую куртку, какие носил сам.

Новый наряд пришёлся Тиму как раз впору и был ему очень к лицу.

— Ты словно родился стюардом! — рассмеялся Крешимир.

Но, увидев серьёзное лицо Тима, осёкся и умолк. Он задумчиво поглядел на мальчика и пробормотал, обращаясь скорее к самому себе, чем к Тиму:

— Хотел бы я знать, что за сделку вы заключили!

Потом, словно стараясь отогнать неприятную мысль, он тряхнул головой, выпрямился и громко сказал:

— Ну, а теперь за работу! Отправляйся-ка на камбуз к Энрико и помоги ему чистить картошку. Если ты мне понадобишься, я тебя позову. Через зал направо!

Тиму пришлось до самого вечера чистить на камбузе картошку. Кок Энрико, старый пьяница из Генуи, точно так же, как и капитан, мало чем интересовался, кроме водки. На корабле капитан обычно не только хозяин и командир, но и образец поведения для любого из своих матросов. Если капитан строг и деловит, то и экипаж у него такой же. Если он ленив и небрежен, как это было здесь, на пароходе «Дельфин», то и вся команда, начиная с помощника капитана и кончая корабельным коком, ленива и небрежна.

Энрико без передышки рассказывал Тиму очень забавные истории на самой чудовищной смеси немецкого с итальянским, и, так как Тим ни разу не рассмеялся, кок решил, что мальчик, вероятно, его не понимает. Несмотря на это, он всё рассказывал и рассказывал свои истории, видно, для собственного удовольствия, и даже не обратил внимания на то, что Тим срезает с картошки слишком толстую кожуру.

Когда пароход, уже под вечер, вышел наконец из гамбургской гавани, Тиму пришлось пойти в салон-ресторан помогать Крешимиру. И всё время, пока он находился в салоне, он чувствовал на себе испытующий взгляд водянисто-голубых глаз стюарда. В замешательстве Тим даже перепутал некоторые заказы. Одной американке он принёс вместо виски лимонный сок, а какому-то шотландскому лорду поставил на стол вместо яичницы с ветчиной два куска орехового торта.

Крешимир всякий раз поправлял его ошибку без единого слова упрёка. И между делом вводил Тима в тайны его новой профессии:

— Подавай с левой стороны! Когда обслуживаешь правой рукой, левую держи за спиной! Вилка — слева, нож — справа, острой стороной к тарелке!

После ужина Тима снова послали на камбуз помогать повару мыть посуду. Он делал это неловко и был рассеян, потому что в голове его роилось множество вопросов. Почему барон не поехал в том купе, в котором Тим ехал в Гамбург с господином Рикертом? Почему Крешимир оказался вдруг стюардом на том самом пароходе, на который нанялся Тим? Почему господин Рикерт устроил его именно на этот пароход? Почему? Почему? Почему?

И вдруг Тим услышал «почему», сказанное вслух. Резкий голос спрашивал:

— Почему вы очутились на этом корабле?

А другой отвечал:

— А почему бы мне на нём не очутиться?

Это был голос Крешимира.

— Пройдёмте на палубу! — приказал первый голос.

Тим услышал шаги, гроыхавшие по узенькой железной лестнице, которая вела на корму. Потом шаги и голоса стихли. Но в ушах Тима они всё ещё продолжали звучать. Ему казалось, что он узнаёт голос, обращавшийся к Крешимиру. И вдруг — в эту минуту он как раз вытирал супницу, — вдруг он понял, чей это голос.

Это был голос человека, которому он продал свой смех, — голос барона Треча.

Супница выскользнула у него из рук и, упав на пол камбуза, разбилась вдребезги. Кок Энрико, вскрикнув: «Матта mia!», отскочил в сторону, а Тим бросился бегом вверх по лестнице, вслед за голосами.

Наверху, на корме, никого не было. Два корабельных фонаря тускло освещали кормовую палубу и покрытую парусом шлюпку. И вдруг Тим услышал шёпот. Он взглянул в ту сторону, откуда доносились голоса, и ему показалось, что за шлюпкой кто-то шевелится. Тим подкрался на цыпочках поближе и увидел, что из-за шлюпки торчат четыре ноги в ботинках. Больше ему ничего не удалось разглядеть. Но он был уверен, что голоса, доносившиеся из-за шлюпки, принадлежат Крешимиру и барону. Шаг за шагом, не дыша, Тим подходил всё ближе и ближе. Один раз скрипнула половица. Но двое людей, спрятавшихся за шлюпкой, как будто ничего не слышали.

Наконец Тим подошёл так близко, что смог подслушать разговор, который они вели между собой полuşёпотом.

— ...просто курам на смех! — шипел барон. — Уж не хотите ли вы меня уверить, что истратили все деньги, которые принесли вам акции?

— Как только вы передали мне акции, они сразу стали падать... С молниеносной быстротой, — спокойно заметил Крешимир.

— Согласен! — Барон рассмеялся купленным смехом. — Акции упали, потому что я пользуюсь некоторым влиянием на бирже. Но четверть миллиона, по моим расчётам, у вас всё-таки должно было остаться.

— Эту четверть миллиона я внёс в банк, который сразу затем лопнул, барон!

— Такое уж ваше счастье! — Барон снова рассмеялся.

И Тим почувствовал, что по спине у него бегают мурашки. Он готов был броситься на барона.

И всё-таки у него хватило ума понять, что он должен во что бы то ни стало дослушать разговор до конца.

— Даже если вам пришлось снова начать работать, — сказал теперь барон, — это ещё не причина наниматься именно на этот пароход, чтобы оказаться вместе с мальчиком.

На этот раз рассмеялся Крешимир.

— Никто не может мне этого запретить! — крикнул он.

— Тише! — зашипел Треч.

Крешимир продолжал вполголоса:

— Я продал вам свои глаза и получил взамен ваши — колючие, рыбы. За это вы

передали мне акции стоимостью в один миллион. Ни одна копейка из этого миллиона не попала в мой карман. Вы перехитрили меня. Но на этот раз я перехитрю вас, барон. Я дважды видел вас с мальчиком на ипподроме. Я следил за ним и установил, что после этого мальчик стал регулярно выигрывать на скачках. А затем я установил, что малыш стал мрачен и угрюм, словно больной одинокий старик.

Когда Тим услышал эти слова, сердце его заколотилось так, будто хотело выскочить, но он не шелохнулся.

Крешимир продолжал:

— Я всё равно выведу вас на чистую воду! Я доищу, что за сделку вы заключили с мальчиком, барон! Я наблюдаю за ним уже четвёртый год, и мне стоило немалого труда устроиться стюардом на этот пароход. А теперь...

— А теперь, — перебил барон Крешимира, — я снова предлагаю вам миллион. Наличными. Задаток прямо сейчас!

— На этот раз, барон, преимущество на моей стороне! — Крешимир говорил медленно, словно что-то обдумывая. — То, что мне известно, я могу использовать по-разному: потребовать назад мои глаза, принять от вас миллион или же, наконец, — и это было бы, пожалуй, совсем не так плохо — могу заставить вас расторгнуть контракт с мальчиком, каков бы ни был этот контракт.

Тим в темноте кусал свой кулак, боясь застонать.

Несколько минут на палубе царило молчание. Потом снова раздался голос барона:

— Моя сделка с мальчиком вас не касается. Но если вы так уж дорожите вашими старыми глазами, я готов, пожалуй, на известных условиях...

Крешимир, тяжело дыша, перебил его:

— Да, барон, я дорожу моими старыми глазами. Я дорожу моими старыми, простодушными, глупыми, добрыми глазами больше, чем всеми богатствами в мире. Хотя вам никогда этого не понять!

— Мне этого никогда не понять, — подтвердил голос барона. — И всё-таки я согласен на известных условиях расторгнуть нашу сделку. Будьте любезны, взгляните, пожалуйста, на своё лицо вот в это зеркальце!

За этими словами наступила напряжённая тишина. Тим обливался холодным потом — и от волнения, и оттого, что старался ни единым шорохом не выдать своего присутствия.

Наконец он услышал, как Крешимир тихо сказал:

— Вот они и опять мои!

— А теперь послушайте моё условие, — сказал барон.

Но Тим больше ничего не стал слушать. У Крешимира снова были его глаза! А он, Тим, слышал сейчас так близко свой смех, что, казалось, до него можно дотянуться рукой... Больше он не мог сдерживаться. Он бросился к шлюпке и крикнул:

— Отдайте мне мой...

Но тут он попал ногой в петлю каната, споткнулся, стукнулся головой об острый нос шлюпки и без сознания грохнулся на палубу.

Лист двенадцатый

КРЕШИМИР

Когда Тим проснулся, корабль качало; за толстым стеклом иллюминатора, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, танцевала звезда — сердито рдеющий Марс. Тим лежал на верхней койке каюты, в которой спал вместе со стюардом. Над Атлантическим океаном брезжил серый рассвет.

В каюте кто-то возился. Тим повернул голову. Это был Крешимир. В эту минуту он тоже повернул голову. При слабом свете лампочки, горевшей над койкой Крешимира, взгляды их встретились. У стюарда были добрые карие глаза.

— Ну, малыш, как ты себя чувствуешь? — ласково спросил он.

Тим ещё не совсем проснулся. Он никак не мог вспомнить, как он здесь очутился. И этот Крешимир, который сейчас его о чём-то спрашивал, был совсем другой, чем тот, которому он помогал вчера вечером в салоне-ресторане. Этот Крешимир был куда спокойнее, мягче, добрее.

Стюард подошёл поближе к койке Тима.

— Тебе лучше, малыш?

Теперь в памяти Тима постепенно стали всплывать события вчерашнего вечера. Голоса за дверью камбуза, разговор за шлюпкой, его собственный крик...

— Где барон? — спросил он.

— Этого я не знаю, Тим. На корабле его, во всяком случае, уже нет. Скажи мне только одно: ты вчера вечером подслушивал?

Мальчик кивнул:

— Я рад, господин Крешимир, что вы вернули свои глаза.

— А ты, Тим? Что бы ты хотел получить назад от барона?

— Мой... — Тим запнулся. Он вспомнил про контракт и крепко сжал губы.

И тут Крешимир хлопнул себя ладонью по лбу.

— Как же это я сразу не догадался! — воскликнул он. — Этот почтенный мошенник хохотал, как маленький мальчик! Ведь я чувствовал: что-то тут вроде не так — не подходит. Теперь я знаю, что это было: его смех! Вернее... — Крешимир поглядел прямо в глаза Тиму, — вернее, твой смех.

— Я этого не говорил! — крикнул Тим. — Неужели я... вчера вечером это крикнул?..

— Нет, Тим, ты не успел крикнуть. И в этом, наверное, твоё счастье. Ведь я знаю параграфы о молчании в контрактах господина барона. Ты ничего не сказал.

Но Тим всё равно не мог успокоиться. Ему необходимо было сию же минуту проверить, действителен ли ещё контракт. Надо было срочно поспорить с Крешимиром. О чём-нибудь совершенно невероятном.

Тим хотел было вскочить с постели, но, как только он приподнялся, у него закружилась голова и застучало в висках. Пришлось снова положить голову на подушку.

Крешимир подал ему приготовленную заранее таблетку и стакан воды:

— Вот, прими-ка, Тим! Сегодня тебе придётся полежать в каюте. А завтра всё пройдёт. У тебя ничего серьёзного, только шишка на лбу, — это сказал рулевой, а он раньше был санитаром.

Тим послушно проглотил таблетку, продолжая думать о том, какое бы пари ему заключить. Наконец он придумал одно пари и снова перевёл разговор на Треча: пари это касалось барона.

— Какое условие поставил вам барон, господин Крешимир? Ну, когда он вернул вам ваши глаза?

— Никакого! — рассмеялся Крешимир. — Когда ты вскрикнул и бухнулся на палубу, сбежались матросы, и барон поспешил стушеваться — спрятался в тень шлюпки. Тут я и шепнул ему: «Одно из двух: либо вы вернёте мне мои глаза без всяких условий, либо я сейчас расскажу кое о чем всем этим людям».

— А он?

Крешимир опять рассмеялся:

— Барон даже стал заикаться от волнения. Говорит: «Бе-бе-без всяких усло-вий!»

Тим быстро отвернулся к стене. Бесплодная попытка рассмеяться исказила его лицо.

— Дорого бы я дал, чтобы узнать, где сейчас барон, — пробормотал Крешимир.

Это была та реплика, которой ждал Тим. Он поспешно сказал:

— Давайте спорить...

— Можешь говорить мне «ты», — перебил его Крешимир.

— Тогда давай спорить, что через пять минут мы узнаем, где находится барон!

— А на что мы спорим, Тим?

— На кусок орехового торта!

— Ну что ж, это я могу тебе дать. Ведь если я не ошибаюсь, ты должен выиграть это пари, как и все остальные. Значит, по рукам!

Стюард протянул мальчику руку, и Тим пожал её.

В ту же минуту кто-то включил радио в соседней каюте. Передавали прогноз погоды. Потом стали сообщать новости из светской жизни.

Тима и Крешимира сначала раздражало, что радио помешало их разговору, но тут они прислушались. Диктор говорил:

«Известный предприниматель барон Треч, состояние которого, как утверждают в осведомлённых кругах, составляет несколько миллиардов долларов, устроил этой ночью в Рио-де-Жанейро банкет для промышленной и торговой верхушки бразильской столицы. В самом начале приёма барон покинул своих гостей и явился назад лишь спустя два часа, чем-то явно расстроенный. Было замечено, что по возвращении он всё время оставался в чёрных очках. Предполагают, что вновь дала о себе знать давнишняя болезнь глаз, от которой, как считалось, барон окончательно излечился. Нам сообщили по телефону, что банкет продолжается и барон, по всей вероятности, снова...»

За стеной каюты выключили радио, и тут же послышалось журчание воды. Как видно, открыли кран ракумыника.

Лицо Тима стало таким же серым, как рассветная мгла. Он снова выиграл спор и теперь знал, что контракт остаётся в силе. Но его поразило это странное сообщение.

— Как можно так быстро долететь до Рио-де-Жанейро? — растерянно спросил он.

— При таком богатстве всё возможно, — ответил Крешимир.

— Но ведь с такой скоростью и самолёт не летает!

На это стюард сначала совсем ничего не ответил. Потом он пробормотал:

— Я думал, ты хоть знаешь, с кем связался...

И вдруг страшно заторопился, боясь опоздать на работу. В дверях он ещё раз обернулся и сказал:

— Попробуй уснуть, Тим! Думать в постели — дело пустое.

К счастью, здоровая натура мальчика победила, и Тим в самом деле уснул. Когда он снова проснулся, было около полудня, Крешимир принёс ему полную миску супа и выигранный кусок орехового торта, и на душе у него вдруг стало как-то удивительно легко и спокойно. В первый раз за всё это время его страшную тайну разделял другой человек. А ведь этот человек оказался победителем в опасном единоборстве с бароном. Это вселяло в Тима надежду — нет, радостную уверенность, что всё обойдётся благополучно. В первый момент он даже забыл о странном сообщении из Рио-де-Жанейро, которое слышал по радио.

После обеда в каюту на минутку зашёл рулевой, громадный детина из Гамбурга по имени Джонни. Он справился о самочувствии Тима, оцупал его шишку удивительно бережными пальцами, дал ему ещё одну таблетку, а потом сказал:

— Завтра будешь в полной форме, малыш! Надеюсь, ты больше не попадёшь ногой в петлю или ещё в какую ловушку! Смотри!

С этими словами он вышел из каюты.

«Если б ты только знал, — подумал Тим, — в какую я попал ловушку!» И он снова заснул: рулевой дал ему снотворное.

Проснулся он ночью, когда Крешимир вернулся в каюту. Стюард оперся локтями о край койки Тима и сказал:

— Какая всё-таки подлость со стороны этого, негодяя!

— О чём вы... — Тим поправился: — О чём ты говоришь?...

— Да всё о том же! Я знаю, что ты должен молчать. Ну и прекрасно — молчи! Но мне-то известно, в чём дело. Он смеётся твоим смехом, а ты выигрываешь любое пари! Ну, а что будет, если ты проиграешь?

— Я только об этом и мечтаю, — тихо ответил Тим. Больше он ничего не сказал.

— Об этом я подумаю, — пробормотал Крешимир. Потом он разделся и тоже лёг в постель.

Когда каждый потушил лампочку над койкой, Крешимир стал рассказывать про свою родину, про деревню в горах Хорватии.

Семь дней в неделю голодал Крешимир в детстве. Семь дней в неделю он мечтал разбогатеть и наесться досыта. И вот однажды по деревне проехал автомобиль. За рулём сидел какой-то господин в клетчатом костюме. Этот господин подарил ему кулёк гранатов — целых семь штук, а каждый гранат стоил тогда динар. Мальчик прошёл пешком десять километров до побережья и продал гранаты на пляже.

— Да, Тим, у меня впервые оказались в руках собственные деньги, очень много

денег, как мне тогда казалось. Целых семь динаров. И знаешь, что я купил на них? Не хлеба, хотя мне очень хотелось хлеба, а кусок торта! Знаешь, такой торт — сверху крем, по углам вишни, а посередине половинка грецкого ореха. Про этот торт мне рассказывали в деревне девочки, побывавшие на побережье.

Все свои деньги я отдал за один кусок торта. И где-то за штабелем досок у причала я с жадностью уничтожил его в одну минуту. При этом я думал: «Так вот что едят каждый день на завтрак ангелы на небе!»

Потом меня вырвало. Мой живот был просто не приспособлен к такой пище. Когда я брёл по дороге обратно в свою деревню, я опять встретил автомобиль, в котором сидел господин в клетчатом...

Крешимир замолчал, и теперь Тим думал о маленьком мальчике из переулка, где всегда пахло перцем, тмином и анисом. Потом стюард стал рассказывать дальше: как господин в клетчатом начал с тех пор часто появляться в деревне с кульком гранатов; как в одно прекрасное воскресенье он поговорил с родителями Крешимира и устроил мальчика стюардом на один из своих кораблей; как он брал его иногда с собой в поездки и водил на ипподром; как Крешимир, легкомысленно играя на скачках, задолжал господину в клетчатом много денег и как он в конце концов продал ему лучшее, что у него было, — свои глаза.

— А теперь я вернул их назад! — заключил Крешимир. — И ты тоже вернёшь свой смех. Это так же верно, как то, что меня зовут Крешимир. Спокойной ночи!

У Тима стоял ком в горле. Срывающимся голосом он ответил:

— Спокойной ночи, Крешимир! Спасибо!

Лист тринадцатый

ШТОРМ

Рассказ Крешимира глубоко взволновал Тима. И море в эту ночь разбушевалось. Тим спал беспокойно — метался в постели, ворочался с боку на бок.

Вдруг в его чуткий сон ворвался грохот грома. Секунду спустя в глаза ему — сквозь закрытые веки — сверкнула ослепительно яркая молния. И снова — во сне или наяву? — раздался удар грома.

Тим вскрикнул и в испуге проснулся. Ему показалось, что сквозь грохот грома он расслышал свой собственный смех. Он протёр глаза, и взгляд его упал на иллюминатор: через круглое толстое стекло в каюту, прямо ему в лицо, пристально смотрели водянисто-голубые глаза.

Тим в ужасе снова смежил веки. Обливаясь холодным потом, не в силах пошевелиться, он так и остался сидеть, наклонившись вперёд. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он отважился опять открыть глаза и тихонько позвать Крешимира.

Стюард не отзывался. Там, за бортом, за тонкой железной стеной, бушевало море, с грохотом ударяя об неё через равные промежутки времени.

Тим не решался больше взглянуть в иллюминатор. Он позвал Крешимира погромче. Но тот всё не отзывался.

Тогда Тим крикнул так, что сам испугался своего голоса:

— Крешимир!

Но и на этот раз не последовало никакого ответа.

Тим закрыл глаза, чтобы не смотреть на иллюминатор, и ощупью нашёл над головой тоненький провод лампы. Когда провод оказался у него в руках, он от волнения рванул его изо всех сил. Но свет зажёгся, и Тим открыл глаза.

Как только исчезла темнота, попрятались по углам и страхи; Тим перегнулся через край койки и посмотрел вниз. Постель Крешимира была пуста.

И снова из углов каюты поползли страхи. Увидев в зеркале над умывальником своё искажённое испугом лицо, Тим испугался ещё больше.

Но каким-то странным образом это зрелище собственного отражения в зеркале дало ему толчок к действию. Он вскочил с постели и начал поспешно одеваться. У него было такое чувство, будто все страхи собрались в его отражении, а сам он от них свободен и может делать что хочет. Теперь у него хватило смелости выбежать из каюты в коридор. Ощупью пробрался он по качающемуся кораблю к железной лестнице и поднялся наверх. На палубе его окатила набежавшая волна, и он промок до костей. Но, хватаясь за тросы, он продвигался по качающемуся скользкому баку всё дальше и дальше; с отчаянной ловкостью вскарабкался на шлюпочную палубу и, добравшись наконец до штурвальной рубки, вошёл в неё. Здесь было тепло и дымно: маленькая лампочка из толстого стекла тускло освещала рубку.

Рулевой Джонни, великан из Гамбурга, смотрел на мальчика со спокойным удивлением:

— Что это тебе понадобилось в такую погоду здесь, наверху?

— Рулевой, где Крешимир?

Тим почти прокричал свой вопрос, чтобы заглушить рёв волны, ударившей в эту минуту о борт корабля.

— Крешимир болен, малыш. Но ты за него не беспокойся! У него аппендицит, а от этого в наше время не умирают!

— Где он? — упорно повторил Тим. — Где он сейчас?

— Неподалёку от нас случайно оказался патрульный катер. Он отвёз его на берег. А ты разве не слышал, как машина смолкла?

— Нет, — уныло ответил Тим. И, стараясь говорить спокойным голосом, добавил: — Крешимир не заболел. Всё это устроил барон. Я видал его глаза в иллюминаторе.

— Ты видал глаза барона в иллюминаторе? — рассмеялся Джонни. — Это, паренёк, тебе пригрзилось. Давай-ка раздевайся, возьми вон то одеяло и ложись спать тут на скамейке. Здесь у меня тебе наверняка не приснится эдакая дрянь!

В тёплой штурвальной рубке, поблизости от добродушного Джонни, Тиму и в самом деле стало казаться, что всё это просто ему померещилось. Но тут он снова вспомнил радиопередачу об исчезновении барона из Рио-де-Жанейро и своё отражение в зеркале над умывальником — дрожащее, искажённое гримасой лицо. И понял, что барон способен на всё. И в то же время решил никогда больше, насколько это будет в его силах, не бояться барона. Потому что, к счастью, Тим видел барона и в минуту слабости.

Наконец он молча лёг на привинченную к полу скамейку с матрацем. Скамейку качало вверх и вниз и из стороны в сторону, потому что качка здесь, наверху, чувствовалась ещё сильнее, чем внизу, в каюте.

Смятенные мысли и странное ощущение где-то под ложечкой не давали Тиму уснуть. Час проходил за часом, а он всё не спал и не спал. Джонни спокойно стоял у руля, раскуривая сигарету за сигаретой. Шторм понемногу начал стихать.

В течение всех этих часов Тим перебирал в уме самые невероятные пари. Пари, которое он теперь заключит, будет настолько нелепым и неисполнимым, что он проиграет его во что бы то ни стало. Барон нагнал на него страху — ну что ж! Пусть-ка теперь у него самого от страха поджилки трясутся! Однако, сколько Тим ни думал, он не мог выдумать такого пари, которое было бы не по плечу барону. Ну, предположим, Тим поспорит, что лесной орех больше кокосового. Во-первых, какой дурак согласится об этом спорить. И потом, вполне возможно, что Треч уж разыщет такое местечко на земле, где лесные орехи и вправду больше кокосовых, да ещё позаботится, чтобы их корабль туда причалил. И Тим отбрасывал это пари так же, как многие другие, придуманные в эту ночь. Случай с трамваем, в котором он ехал на вокзал с господином Рикертом, то и дело приходил ему в голову.

«А что, если выдумать что-нибудь такое, — подумал он вдруг, — чтобы нельзя было сослаться на оборванный провод? Что, если заставить эту громоздкую железную машину, называемую трамваем, оторваться от рельсов и взлететь в воздух? Ведь трамвай всё-таки не ласточка. А Треч, при всех своих дьявольских возможностях, всё же не чародей!»

Тиму показалось, что он нашёл ахиллесову пяту барона. Он приподнялся на локтях и сказал:

— Рулевой, знаете, в Генуе есть летающие трамваи!

— Ложись-ка и спи! — ответил Джонни, не особенно удивившись. — Опять тебе что-то примерещилось.

— Нет, рулевой, я вовсе не сплю. И это совершенно точно: в Генуе есть летающие трамваи. Давайте спорить на бутылку рома!

— Ерунда! — сказал Джонни. — Выдумки! Кроме того, мне не совсем ясно, откуда ты возьмёшь деньги на бутылку рома.

— Бутылка лежит у меня в рюкзаке, — соврал Тим. — Ну так как, спорим?

Джонни повернулся к нему лицом:

— Даже если бы ты спорил со мной на миллион, я всё равно бы в это не поверил. Слишком уж хорошо я знаю и Геную и трамваи!

— В таком случае вы можете спорить безо всякого риска. Бутылка рома — ведь это для рулевого просто клад!

— Даёшь мне честное слово, что, если я с тобой поспорю, ты тут же уляжешься и закроешь глаза?

— Честное слово! — крикнул Тим.

Тогда рулевой протянул ему руку и сказал:

— Если в Генуе...

Он запнулся, потому что в этот момент что-то пронеслось мимо окошка штурвальной рубки, стукнувшись на лету о стекло. Но, видно, так — какой-то пустяк, Джонни не обратил на это никакого внимания. Он повторил:

— ...если я увижу в Генуе хоть один летающий трамвай, я проиграл пари и ты получишь бутылку рома. А если не увижу ни одного, значит, бутылка в твоём рюкзаке — моя. Ну вот, а теперь будь-ка любезен лечь. Через три часа тебе выходить на работу.

На этот раз Тим и вправду уснул. Ему снилось, что он слышит во сне свой собственный смех. И в этот смех врывалось дребезжание трамвая, который проносился над его головой прямо по небу. Когда рулевой Джонни разбудил Тима на рассвете, в ушах его всё ещё дребезжало. И от этого звука ему было как-то не по себе.

Лист четырнадцатый

ПАРИ, КОТОРОЕ НЕВОЗМОЖНО ВЫИГРАТЬ

Тим хоть и не без тревоги думал о Генуе, в то же время никак не мог дожидаться, когда вдали покажутся очертания города.

Однако прошло ещё немало дней, прежде чем пароход «Дельфин» вошёл в генуэзскую гавань. Было это в ясный, сияющий голубизной полдень. Тим под каким-то предлогом забежал в штурвальную рубку и теперь стоял рядом с Джонни, глядя на приближающийся город; на нём были брюки в чёрно-белую клетку и фартук из грубого серого полотна, который дал ему надеть кок Энрико, пока он чистит картошку.

Дома на улицах Генуи были уже хорошо видны. Можно было различить даже автобусы и автомобили. С каждой минутой видимость становилась всё лучше и лучше.

Вдруг у Джонни вырвался возглас изумления — что-то среднее между клёкотом и рычанием. Тим удивлённо взглянул на него: рулевой зажмурился, потом осторожно открыл глаза, но только затем, чтобы тут же опять зажмуриться. Наконец он снова широко раскрыл глаза и сказал медленно, почти торжественно:

— Я схожу с ума!

Тим начинал понимать, в чём дело. У него пересохло в горле. Но он не осмеливался перевести взгляд на город. Он всё ещё не сводил глаз с рулевого.

Теперь и Джонни взглянул на Тима и, качая головой, сказал:

— Ты был прав, Тим, в Генуе есть летающие трамваи. Ты выиграл пари.

Тим сглотнул слюну. Какой смысл отводить глаза? Придётся это увидеть. Он повернул голову и стал смотреть вдаль — на город. Там на одной из улиц между домами летел по воздуху трамвай — самый настоящий трамвай: его было очень хорошо видно.

Но вдруг под колёсами трамвая оказались рельсы и твёрдая мостовая из булыжника. Трамвай теперь уже больше не летел, а катил по рельсам вдоль по улице.

— Это был просто мираж! — почти с восторгом крикнул Тим. — Я проиграл!

— Ты словно рад, что проиграл! — удивлённо сказал Джонни.

И Тим понял, что допустил ошибку. Но раньше чем он успел поправиться, Джонни продолжал:

— И всё-таки ты выиграл спор, Тим. Ведь мы спорили о том, увидим ли мы в Генуе хоть один летающий трамвай, а не о том, есть ли они там на самом деле. А видеть — мы его видели, во всяком случае — я. Тут уж никаких сомнений быть не может.

— Так, значит, я всё-таки выиграл? Вот хорошо! — сказал Тим. На сей раз он постарался произнести это с радостью. Но голос его был хриплым, и никакой радости в нём не чувствовалось. К счастью, в эту минуту Джонни был занят своим рулём.

— И как только тебе пришло в голову заключить такое дурацкое пари? — спросил он Тима через плечо. — Тебе что, часто так везёт в спорах?

— Да. Я ещё ни разу в жизни не проиграл ни одного пари, — равнодушно ответил Тим. — Я выигрываю любое.

Рулевой пристально взглянул на него:

— Только не воображай чересчур много, паренёк! Есть такие пари, выиграть которые просто невозможно.

— Например? — взволнованно спросил Тим. — Назовите мне хоть одно!

Рулевой снова остановил на нём испытующий взгляд, всего на одну секунду. С этим мальчиком творилось что-то неладное. Но Джонни привык отвечать на поставленный вопрос. И, сдвинув на лоб свою белую фуражку, он почесал в затылке. В это мгновение что-то снова пролетело мимо окошка рубки, стукнувшись о стекло. Джонни обернулся, но ничего не увидел. И вдруг он придумал:

— Пожалуй, я знаю одно пари, которого тебе ни за что не выиграть, Тим.

— Я согласен держать с вами это пари, рулевой, даже не зная, о чём оно. Если я проиграю, я отдам вам назад вашу бутылку рома.

— Хочешь купить кота в мешке, паренёк? Ну что ж! Я согласен. Ром всегда остаётся ромом. И раз уж ты во что бы то ни стало решил проиграть — пожалуйста! Итак, спорим... — Рулевой на минуту умолк, взглянул на мальчика и спросил: — Ты наверняка пойдёшь со мной на пари? Я это спрашиваю только из-за бутылки рома.

— Наверняка! — ответил Тим так решительно, что Джонни отбросил все свои сомнения.

— Тогда держи со мной пари, что ты ещё сегодня вечером станешь богаче, чем самый богатый человек на земле.

— Значит, богаче, чем барон Треч? — тихо спросил Тим. У него перехватило дыхание.

— Вот именно.

Тим протянул ему руку куда быстрее, чем ожидал Джонни. Это было пари, которое невозможно выиграть. Значит, Тим его обязательно проиграет. Он громко сказал:

— Спорю на бутылку рома, что ещё сегодня вечером я стану богаче, чем барон Треч!

— Ты, мальш, просто маленько того... — сказал Джонни, отпуская руку Тима. — Но, по крайней мере, я хоть получу назад мою бутылку.

В это мгновение в рубку вошёл капитан.

— А юнге что здесь понадобилось? — угрюмо спросил он Джонни.

— Я позвал его, чтобы он принёс мне чашку кофе, — ответил Джонни.

— Тогда пусть поторапливается.

Тим со всех ног бросился в камбуз. В эту минуту ему хотелось запеть. Но тот, кто не умеет смеяться, не может и петь.

Когда он вернулся в штурвальную рубку, неся на подносе чашку — по дороге кофе только два раза чуть-чуть расплескался, — то увидел, что капитан всё ещё стоит на том же месте.

Джонни, широко улыбнувшись, подмигнул ему за спиной капитана, и Тим ответил ему тем же, но с совершенно серьёзным лицом. Потом он выскочил из рубки и сбежал на палубу. Ему так хотелось сейчас расхохотаться! Но рот его только скривился в жалкое подобие улыбки.

Низенькая пожилая голландка, которая шла в это время по палубе навстречу Тиму, испугалась, увидев его искажённое гримасой лицо. Позже она сказала своей соседке по каюте:

— С этим мальчиком дело нечисто. Тут какая-то чертовщина. Надо запирать на ночь покрепче дверь каюты.

Тим, чтобы никому не показать своего волнения, спрятался на корме за кабестаном с намотанной якорной цепью и решил сидеть здесь, на свёрнутых канатах, сваленных в кучу, пока пароход не причалит к Генуе. Он слышал, что в Генуе есть знаменитый кукольный театр. Вот куда он пойдёт и будет смеяться там вместе со всеми. Но ещё приятнее было представить себе, как он гуляет по улице и вдруг улыбнётся кому-нибудь совсем незнакомому — маленькой девочке или, может быть, какой-нибудь старушке. И Тим погрузился в мечты о солнечном мире, полном света и дружелюбия. Солнце сияло всюду на голубом небе, светило ему прямо в лицо, и мечты от этого были ещё больше похожи на правду.

С судовой радиостанции скучным голосом передавали какое-то сообщение, но Тим не обращал на это никакого внимания. Он мечтал.

Через некоторое время сообщение начали повторять снова. Услыхав своё имя, Тим очнулся и стал прислушиваться. До него долетел конец фразы:

«...Талеру к капитану в штурвальную рубку».

Словно мыльные пузыри, лопнули радужные мечты. Тиму показалось, что солнце палит нестерпимо. Угрюмый капитан ещё ни разу за всё это время не обратил на него внимания. Раз он вызывает его к себе, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

Тим выбрался из-за кабестана с якорной цепью, прошёл по юту, взобрался, уже в третий раз за это утро, по железной лестнице на верхнюю палубу. Руки его, хотя он держался за холодные железные перила лестницы, были мокрыми от пота.

Когда он вошёл в рубку, капитан посмотрел на него как-то странно: в его взгляде не было и следа обычного равнодушия. Рулевой вглядывался в даль и даже не повернул головы в сторону Тима.

— Тебя зовут... — Капитан запнулся, откашлялся и начал снова: — Вас зовут Тим Талер?

— Да, господин капитан.

— Вы родились...

Капитан прочёл по бумажке, которую держал в руке, год и место рождения Тима, а также важнейшие даты его биографии.

И Тим после каждой даты отвечал:

— Да, господин капитан!

От напряжённого ожидания на глазах его выступили слёзы.

Когда допрос кончился и капитан опустил наконец руку с листком, наступила поразительная тишина. На полу рубки дрожал солнечный зайчик, а Тим упорно глядел на широкий затылок рулевого — тот всё ещё, не оборачиваясь, смотрел вперёд.

— Значит, я могу поздравить вас первым, — нарушил тишину капитан.

— С чем, господин капитан? — срывающимся голосом спросил Тим.

— А вот с чем... — Капитан кивком головы показал на бумажку, которую держал

в руке. И тут же спросил: — Вы что, приходитеесь родственником барону Тречу?

— Нет, господин капитан.

— Но вы знаете его лично?

— Да, знаю...

— В таком случае я зачитаю вам радиogramму:

«Барон Треч скончался тчк Сообщите Тиму Талеру назначении единственным наследником тчк Брат-близнец покойного новый барон Треч принимает опекунство до совершеннолетия тчк Генуя пароходство Треча „Феникс“ тчк Главный директор Грандицци».

Тим стоял с окаменевшим лицом, всё ещё не сводя глаз с затылка рулевого. Он выиграл самое невероятное пари на свете. Всего лишь за бутылку рома. Он, четырнадцатилетний мальчик, стал в это мгновение самым богатым человеком на земле. Но его смех умер вместе с бароном и теперь вместе с ним будет похоронен. Он, самый богатый человек на земле, беднее всех людей. Он навсегда потерял свой смех.

Затылок рулевого дрогнул. Джонни медленно повернул голову. Чужие, удивлённые глаза смотрели на Тима. Но Тим видел их всего лишь одно страшное мгновение. Джонни едва успел подхватить на руки упавшего без сознания Тима.

Лист пятнадцатый

СУМАТОХА В ГЕНУЕ

Широкое небритое лицо склонилось над Тимом:

— Ты меня слышишь?

— Да, рулевой, — прошептал Тим.

Заботливая рука приподняла его голову, и в рот его капля за каплей потекла вода.

Он снова услышал над ухом голос рулевого:

— Как же так вышло, что я видел в Генуе летающий трамвай? И почему барон так срочно умер? Почему ты радуешься проигранным пари и падаешь без чувств, когда выигрываешь?

В сознании Тима, которое понемногу стало проясняться, всё снова и снова звучали эти «почему», напоминая ему его собственные «почему», так и оставшиеся без ответа. Его охватило смятение, и он чуть снова не лишился чувств.

В эту минуту послышались голоса и шаги, и капитан вошёл в штурвальную рубку в сопровождении какого-то незнакомого человека.

Тиму, лежавшему на скамье, прежде всего бросился в глаза огромный, ослепительной белизны кружевной носовой платок, торчавший у незнакомца из верхнего кармана пиджака его чёрного костюма. Потом до него донёсся запах гвоздики. Этот запах буквально ударил Тиму в нос, когда незнакомец приблизился к нему, чтобы представиться:

— Диретторе Грандицци. Я считаю себя очень счастлив первый вас поздравить от имени всей нашей фирма, синьор! Я жалею, что ви нездоров, но я понимаю — небольшой шок. — Он развёл руками и склонил голову набок. — Ах, такой богатый в одна маленький минутка. Это чертовски не так легко, но...

Что говорил затем директор Грандицци, Тим не понял. Вслушиваться в его речь было слишком утомительно. Только последняя фраза дошла до него, потому что директор произнёс её, наклонившись к самому его уху:

— Теперь я пересаживать вас на баркас, синьор!

Но тут на сцену выступил Джонни.

— Предоставьте мальчика мне, — пробурчал он. — Я сам отнесу его на баркас. Господин капитан, вам придётся пока постоять у руля.

Несмотря на то, что корабль уже бросил якорь, общая суматоха была так велика, что капитан послушно поплёлся в штурвальную рубку и встал за руль.

К пароходу пришвартовался баркас пароходной компании, присланный за богатым наследником. Джонни с Тимом на руках спустился по трапу на баркас с такой лёгкостью, словно он нёс не Тима, а узелок с бельём. Директор Грандицци подбегал к нему то с одной стороны, то с другой, и его благоухающий кружевной платок развевался, словно хвост у пуделя, прыгающего вокруг своего хозяина.

Только теперь Тим заметил, что директор почти совсем лысый. Две последние чёрные пряди, красовавшиеся по обе стороны головы, были зачёсаны в виде остроугольного треугольника прямо на лоб. Это придавало круглому лицу директора

что-то опасное и делало его похожим на маску.

Очутившись на баркасе, рулевой посадил Тима в угол скамьи на корме. При этом он успел ему шепнуть:

— Тебе ещё нужно взять у меня две бутылки рома — твой выигрыш. Приходи в восемь часов к памятнику Христофора Колумба. Только один. А если тебе понадобится помощь — тем более приходи! Понял?

Тим не кивнул. Он только тихонько сказал: «Угу», потому что уже научился быть осторожным.

— Желаю удачи, малыш! — пробасил Джонни, взглянув на директора. Затем он пожал Тиму руку своей огромной лапицей и вернулся назад на корабль.

Как только баркас отвалил, Тима снова обдало запахом гвоздики. Директор Грандицци уселся с ним рядом. Двум нарядно одетым господам, сидевшим напротив, на носу баркаса, он сделал знак разговаривать потише. Те понимающе кивнули и стали о чём-то шептаться, поглядывая на Тима с нескрываемым любопытством.

— Синьор, я отвезу вас в отель, — вполголоса сказал директор. — Там вы будете отдыхать один часок, а потом наша пароходная компания ожидает вас на маленький приём.

Тим, который ещё только сегодня утром был юнгой и помощником стюарда на товаро-пассажирском пароходе средней величины, чувствовал себя несколько непривычно в роли богатого наследника, окружённого подчёркнутым вниманием. Но ему уже не раз приходилось терпеть всякие превращения в погоне за своим смехом, и к этой новой перемене он отнёсся довольно хладнокровно. Его мучило совсем другое: теперь его погоня не имела никакого смысла — ведь смех его умер.

В ответ на всё, что говорил директор Грандицци, Тим рассеянно кивал. Только один раз он покачал головой — когда директор сказал, что пресс-конференция назначена на восемь часов.

— Ах, вы не любите пресса, синьор? Но газеты — полезная вещь, синьор, очень полезная!

— Я знаю, — ответил Тим.

Здесь, в мягко покачивающемся баркасе, он чувствовал себя гораздо лучше.

— Раз вы признаёт необходимость газет, то зачем не хотите маленький конференция? — не отставал директор Грандицци.

— Потому что... — Тим лихорадочно придумывал предлог для отказа. — Всё это для меня так ново и неожиданно. Нельзя ли отложить конференцию на завтра?

— О, конечно, синьор. Но сегодня вечером...

— Сегодня вечером я хочу погулять один — осмотреть город, — резко перебил его Тим. (Грандицци говорил с такой подобострастностью, что его всё время хотелось одёрнуть.)

Однако директора не так-то легко было сбить с толку.

— Нет, нет, синьор, не один, — поспешно возразил он. — Вас теперь всегда будет сопровождать детектив — как это? — телохранитель. Вы ведь теперь такой богатый!

— А я хочу побродить по городу один! — крикнул Тим.

Нарядно одетые господа, сидевшие на носу, поглядели на Тима весьма озадаченно.

Один из них, балансируя на качающемся баркасе, подошёл к нему и спросил:

— Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? Моя фамилия Пампини. Я главный переводчик фирмы.

Он, как видно, решил использовать случай, чтобы представиться богатому наследнику. Но когда он протянул Тиму руку, баркас резко накренился вправо. Переводчик Пампини повалился прямо на колени Тиму, потом кое-как поднялся, бормоча тысячу извинений, но тут же снова повалился на колени к директору Грандицци.

Разъярённый директор наорал сначала на переводчика, потом на рулевого баркаса. Одного он обозвал болваном, другого — ослом. Тут он сообразил, что рулевой не понимает по-немецки, и повторил свои ругательства по-итальянски, причём на этом языке они оказались, по крайней мере, раз в пять длиннее.

Переводчик, ссутулившись, забился в угол скамейки на носу баркаса. В это время баркас причалил к ступеням мола.

На нижней ступеньке уже стоял наготове шофёр в синей форме, почтительно держа в руке синюю фуражку. С его помощью — он протянул руку Тиму и осторожно подтянул его к себе — и в то же время поддерживаемый под руку директором, правда скорее символически, Тим первым сошёл с баркаса на землю. Все обращались с ним так, будто он какой-нибудь очень старый и совсем больной господин.

Наверху, на молу, толпилось множество мужчин в чёрных костюмах — они заслоняли Тиму вид на Геную. Директор Грандицци стал по очереди представлять их Тиму. У всех у них были фамилии, оканчивающиеся на «ици» или «оци», и все эти фамилии Тим забывал в ту же секунду.

Самое странное в этой торжественной процедуре представления было то, что её устроили для четырнадцатилетнего мальчика в закатанных до колен клетчатых брюках, какие обычно носят коки, и в свитере с чужого плеча. По правде сказать, глядя на эту сцену, можно было помереть со смеху. Но все её участники оставались убийственно серьёзными, и это, пожалуй, было даже хорошо для бедного Тима.

Подкатил шикарный чёрный автомобиль, и шофёр почтительно распахнул дверцу. Сначала влез Тим, за ним — директор Грандицци; они сели на красные кожаные сиденья, машина тронулась; господа в чёрных костюмах с серьёзными минами и исполненными важности жестами выстроились в ряд и, подняв вверх правую руку, замахали им вслед.

Только теперь, в пути, Тим вспомнил про матросский рюкзак, подаренный господином Рикертом: он остался на пароходе вместе со всеми вещами. Тим рассказал об этом директору, но Грандицци только улыбнулся.

— О, разумеется, синьор, мы можем забрать ваши личные вещи с парохода. Но господин барон уже позаботился о вашем новом, более элегантном гардеробе.

— Барон? — с недоумением спросил Тим.

— Новый господин барон, синьор!

— Ах, вот оно что! — Тим откинулся на кожаную подушку сиденья и только сейчас увидел в окно улицу Генуи, по которой они проезжали — мраморный портал и медную дощечку у подъезда: «Отель Пальмаро».

Потом мимо окна пронёсся веер невысокой пальмы, круглая клумба с кустом лаванды посередине, и автомобиль мягко затормозил. Дверцу автомобиля поспешно растворили; швейцар в ливрее с золотым позументом подал Тиму руку и снова с такой осторожностью помог ему выйти из машины, словно Тим был не мальчишкой, а глубоким стариком. Теперь Тим стоял в самом низу широкой мраморной лестницы. Какой-то человек, приветственно махнув ему рукой с верхней ступеньки, крикнул:

— Добро пожаловать!

Человек этот был одет в клетчатый костюм, а на носу его красовались огромные чёрные очки от солнца.

— Новый господин барон, брат-близнец прежнего! — шепнул Грандицци на ухо Тиму.

Но Тиму как-то не верилось, что это брат-близнец.

И когда новый барон, спустившись с лестницы, воскликнул, смеясь: «О, какой у тебя прелестный разбойничий наряд!» — Тим догадался о том, о чём не догадывался директор. Он узнал этого человека по своему собственному смеху. Никакого брата-близнеца не существовало.

Барон был жив. А значит, жив был и смех Тима.

Лист шестнадцатый

РАЗБИТАЯ ЛЮСТРА

В роскошном номере отеля, представляющем собой анфиладу из трёх комнат, Тим впервые оказался наконец совсем один. Барон уехал на какое-то совещание, сказав, что зайдёт за ним, когда вернётся.

Тим как был, в клетчатых брюках и широком свитере Джонни, прилёг на тахту. Под головой у него была целая гора полосатых шёлковых подушек. Тим не сводил глаз с люстры, похожей на причудливое образование из застывших стеклянных слёз.

Впервые за долгое время он чувствовал себя снова почти совсем спокойно. Не из-за тех превращений, которые произошли с ним благодаря свалившемуся с неба богатству — об этих превращениях Тим пока ещё имел весьма слабое представление, — а из-за того, что теперь он знал твёрдо: смех его жив. И ещё ему во всей этой неразберихе стало ясно одно: барон — его опекун, а значит, он никуда больше не исчезнет; теперь они словно привязаны друг к другу. В погоне за своим смехом Тим, казалось, был почти у цели. Оставалось только найти уязвимое место барона... Увы, Тим тогда ещё не знал, что издали многое видно гораздо лучше, чем вблизи.

В дверь постучали, и Тим ещё не успел ответить «войдите», как в номер вошёл барон.

— Ты отдыхаешь? Прекрасно! — сказал Треч в дверях.

Потом его длинная, худощавая фигура сложилась вдвое, словно перочинный нож, и он уселся в роскошное кресло с инкрустацией из слоновой кости. Положив ногу на ногу, он с усмешкой взглянул на Тима.

— Последнее пари — просто блеск! Примите моё уважение, Тим Галер!

Тим глядел на барона и молчал.

Казалось, и это забавляет барона. Он спросил:

— А по совести говоря, ты что хотел — проиграть или выиграть это пари? Мне было бы очень интересно это узнать.

Тим осторожно ответил:

— Чаще всего пари заключают, чтобы выиграть.

— В таком случае, это была отличная находка! — воскликнул барон. Он вскочил с кресла и, скрестив руки на груди, начал ходить взад и вперёд по номеру.

Тим, полулёжа на тахте, спросил:

— А наш контракт ещё действителен? Ведь я заключил его с первым бароном Тречем, а не с его братом-близнецом.

Треч вернулся из спальни обратно в гостиную и на ходу ответил:

— Контракт был заключён с бароном Ч.Тречем. Меня зовут Чарлз Треч. А до этого я называл себя Цезаре Треч. И в тот раз Ч., и в этот раз Ч., мой юный друг!

— Но раз нет никакого брата-близнеца, — поинтересовался Тим, — кого же тогда похоронили вместо вас?

— Одного бедного пастуха, у которого не было никакой родни.

Треч говорил, словно смакуя каждое слово.

— В Месопотамии находится моя главная резиденция — небольшой замок. Там-то ему и устроили торжественные похороны.

Барон снова направился в дальнюю комнату. Тим услышал его удаляющийся голос:

— Ты никогда не слышал про людей, заключивших контракт с чёртом и подписавших его своей кровью?

Барон уже возвращался в комнату, где лежал Тим. Тим довольно равнодушно спросил:

— А разве чёрт есть на самом деле?

Треч снова опустился в кресло с инкрустацией из слоновой кости и почти простонал:

— Ты что, правда совсем дурачок или только прикидываешься? До чёрта тебе, кажется, вообще нет никакого дела!

Тим никак не мог понять, почему этот разговор так волнует барона. Однако, услышав слово «контракт», он насторожился. Он подумал, что Треч решил поговорить с ним насчёт контракта. Но барон всё продолжал разглагольствовать. Он говорил о Вельзевуле, властителе ада, о демонах Форказе, Астароте и Бегемоте, о ведьмах и о чёрной магии, о знаменитом волшебнике докторе Фаусте, у которого одно время был слугой известный чёрт Мефистофель.

Заметив, что на мальчика эти разговоры наводят скуку, он поднялся с кресла и пробормотал:

— Придётся действовать более прямо.

Тим снова положил голову на подушки. Правой рукой, свисавшей с тахты, он рассеянно теревил шёлковую домашнюю туфлю, — эти туфли принесли сюда, как только он вошёл в номер. Взгляд Тима снова обратился к люстре: в её стеклянных слезах множество раз отражалась крохотная и нелепо искривлённая, худощавая фигура барона.

— Хочешь выучить заклинание, — решительно спросил Треч, — которым доктор Фауст вызывал чёрта?

— Нет, — ответил Тим, не поворачивая головы. Он увидел, как исказились гримасой лица маленьких баронов в сверкающих каплях люстры.

— Тогда давай хоть я произнесу заклинание! — сказал барон. В голосе его звучала плохо скрытая досада.

— Как вам угодно, барон, — равнодушно ответил Тим.

И всё-таки любопытство его пробудилось, когда он увидел, как множество крошечных Тречей, отражённых в множестве переливающихся стекляшек, подняли вверх для заклинания свои тонюсенькие ручки.

Медленно, глухим голосом Треч принялся произносить какие-то неслыханные слова:

Багаби лака бахабе,
Ламак кахи ахабабе,
Ламак, ламек бахляз,
Кабахаги забаляс...

Как только барон дошёл до середины заклинания, люстра начала легонько покачиваться — наверное, оттого, что он так сильно размахивал руками, — и потревоженный громадный паук стал быстро спускаться с неё вниз на своём тонком канате.

Тим всегда терпеть не мог пауков, а тут ещё таинственное заклинание барона усилило чувство омерзения, и, схватив шёлковую домашнюю туфлю, он в бешенстве швырнул её в паука.

Барон как раз договаривал последние слова заклинания:

Бариолаз
Лагоцата кабелаз...

Вверху на потолке что-то хрустнуло, и вдруг громадная люстра с грохотом и звоном рухнула на пол рядом с креслом всем грузом своих переливающихся стеклянных слёз.

Тим испуганно поджал ноги. Барон, раскрыв рот и всё ещё подняв вверх руки, стоял за спинкой кресла с огромной шишкой на лбу.

Как видно, осколок люстры угодил ему в голову.

В номере стало необычайно тихо. Но грохот, вероятно, был слышен во всём отеле. Кто-то уже решительно колотил в дверь.

Только теперь барон опустил руки. Сгорбившись, усталой походкой окончательно выдохшегося человека подошёл он к двери, чуть приоткрыл её и сказал в щёлку несколько слов по-итальянски. Тим их, конечно, не понял. Потом он снова захлопнул дверь, прислонился к ней спиной и произнёс:

— Всё бесполезно. С простаком не сладишь!

Тиму эта фраза была так же малопонятна, как и таинственное заклинание. Не вставая с тахты, он приподнялся и спросил:

— Что бесполезно?

— Средневековье! — ответил барон без всякой видимой связи.

И Тим остался в полном недоумении. Больше он ничего не стал спрашивать, только сказал:

— Извините меня, пожалуйста, за люстру. Я хотел попасть в паука.

— Это пустяки. Нам просто поставят в счёт стоимость люстры, — пробормотал барон.

— Почему же нам? — переспросил Тим. Он вдруг вспомнил, что он чудовищно богат, и потому добавил: — За люстру, барон, заплачу я.

— Вряд ли это окажется возможным, — возразил Треч, и на губах его снова появилась усмешка. — Ты ведь ещё не достиг совершеннолетия, мой милый, а значит, не можешь истратить ни копейки без согласия опекуна. А опекун твой, как тебе хорошо известно, барон Треч. — Он поклонился с насмешливой улыбкой. — Но, разумеется, ты будешь получать деньги на карманные расходы.

Тим, юнга в клетчатых брюках и старом свитере, поднялся с тахты и тоже поклонился:

— И вам, барон, приходят иногда в голову блестящие идеи. Разрешите мне теперь переодеться. Я хотел бы остаться один.

В первый момент Треч уставился на мальчика, не произнося ни слова. Потом он вдруг весело рассмеялся. И, всё ещё продолжая смеяться, воскликнул:

— А ты, оказывается, способен на большее, чем я думал, Тим Талер! Поздравляю! Только теперь он заметил, что Тим, слушая его смех, побледнел.

Этот смех — весёлые раскаты и переливы, — которым он всякий раз, словно лассо, ловил своих собеседников, не подействовал на мальчика. По отношению к нему он не имел никакой силы. Ведь это был его собственный смех.

Треч поспешно направился к двери. Но прежде чем выйти из номера, он вытер рукавом своего пиджака полированную поверхность небольшого письменного столика, стоявшего на его пути, почти у самой двери; при этом он, искоса взглянув на Тима, пододвинул локтем на середину стола кожаный бювар с письменными принадлежностями.

Только после этого он открыл дверь и, оглянувшись через плечо, сказал:

— Всегда к вашим услугам, господин Талер! Я позову камердинера. Это очень преданный мне человек, родом из Месопотамии.

— Спасибо, — сказал Тим. — Я привык одеваться сам.

— Что ж, тем лучше, — усмехнулся барон. — Значит, на этом мы сэкономим.

Наконец он вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

На лестничной площадке барон постоял немного в раздумье.

— Парень, видно, решил заполучить назад свой смех, — пробормотал он. — Он презирает могущество, которое дают тёмные силы. Или равнодушен к нему. Он хочет света, а свет... — барон медленно направился в свой номер, — а свет, как известно, преломляется зеркалом. Надо будет попробовать этот способ.

Войдя в свои апартаменты, Треч тут же снова опустился в кресло. Над его головой висела точно такая же люстра, как в номере у Тима. Взгляд барона упал на легонько покачивающиеся стеклянные слёзы, и, вспомнив, как Тим швырнул туфлей в паука, он вдруг расхохотался.

Он так хохотал, то наклоняясь вперёд, то откидываясь назад, сотрясаемый смехом, что кресло под ним скрипело. Он хохотал, как мальчишка. Смех подымался откуда-то изнутри и выходил на поверхность, как пузырьки в стакане с газированной водой. И всё снова и снова рулада смеха оканчивалась счастливым, захлёбывающимся смешком.

Но барон был из тех людей, которые никогда не отдаются с весёлой беззаботностью своим чувствам. У него отсутствовал талант быть счастливым. Он имел привычку всё объяснять и разлагать на части, даже свои собственные чувства.

И на этот раз, как только смолк последний счастливый смешок, барон задумался над тем, чему он, собственно говоря, смеялся. И тут он с изумлением установил, что смеялся над самим собой, над своей неудачной попыткой завоевать расположение Тима при помощи фокусов с чёрной магией.

Итак, попытка не удалась. Треч оказался побеждённым. И всё-таки он смеялся.

Это было что-то новое для барона, совсем неожиданное.

Он поднялся с кресла и, шагая взад и вперёд по комнате, принялся рассуждать вслух.

— Поразительное дело, — бормотал он себе под нос, — я купил этот смех, чтобы обрести власть над сердцами и душами других людей. И вот... — он был так ошарашен, что даже остановился, — и вот я обрёл власть над самим собой, над моими настроениями, ужасающими капризами и причудами. У меня больше нет никаких настроений! Я их высмеиваю!

Он снова стал шагать взад и вперёд по комнате.

— Раньше я приходил в бешенство, когда, испытывая свою власть, оказывался побеждённым. Я мог буквально вцепиться зубами в ковёр от ярости. А теперь, даже потерпев поражение, я остаюсь победителем: я смеюсь!

Барон потрогал свою шишку на лбу — он выглядел при этом почти счастливым — и воскликнул:

— Невероятно! Всё, чего я добился в жизни, я получил благодаря коварству и обману, козням и лукавым победам над другими. И вдруг теперь что-то досталось мне само собой, просто так, без всяких усилий, только потому, что где-то внутри у меня сидит какое-то клочкотание, которое может в любой момент подняться на поверхность и явиться в моё распоряжение. Нет, смех стоит гораздо дороже, чем я предполагал! Да за него не жалко отдать целое королевство!

И снова этот длинный, худощавый человек бросился в кресло. Лицо его на мгновение стало лицом господина в клетчатом с ипподрома, замкнутым и хитрым.

«Ну что ж, гонись за своим смехом, Тим Талер! Гонись, гонись! Ты никогда не получишь его назад! Я держу его крепко, изо всех сил, зубами и когтями!»

Лист семнадцатый

БОГАТЫЙ НАСЛЕДНИК

Обычная форма юных богатых наследников выглядела во времена Тима так: короткие серые штаны, курточка в красную и чёрную полоску, белоснежная шёлковая рубашка, галстук в красную шотландскую клетку, такие же носки и коричневые замшевые полуботинки на толстой подмётке.

Тим стоял в этом костюме перед зеркалом в человеческий рост и причёсывался, в первый раз в жизни смочив предварительно волосы одеколоном. На ковре у его ног лежал раскрытый иллюстрированный журнал с фотографиями чемпиона по теннису. Тим старался уложить волосы точно так же, как у чемпиона. Наконец это ему кое-как удалось.

Некоторое время он пристально рассматривал своё лицо в зеркале, потом попробовал приподнять вверх уголки рта. Но это даже отдалённо не напоминало улыбку.

Тим грустно отвернулся от зеркала и стал бесцельно бродить по своему номеру из комнаты в комнату. Он покачался от нечего делать в кресле-качалке, подробно рассмотрел картины, висевшие на стенах — всё это были корабли в открытом море, — потом поднял телефонную трубку цвета слоновой кости, но тут же снова положил её на рычаг и, наконец, раскрыл кожаный бювар с вычурным тиснением, который барон, уходя, пододвинул на самую середину полированного письменного стола.

В бюваре лежала пачка почтовой бумаги. В левом верхнем углу первого листа было напечатано прямыми серыми буквами:

ТИМ ТАЛЕР
ВЛАДЕЛЕЦ ПРЕДПРИЯТИЙ «БАРОН ТРЕЧ И Ко».

Справа стояло:

«Генуя... числа... года».

В шёлковом боковом кармашке бювара лежали почтовые конверты. Тим вынул один из них и прочёл внизу под чертой: «Отправитель — Тим Талер. Генуя, Италия. Отель „Пальмаро“».

Тим сел в кресло у письменного стола, открыл авторучку, лежавшую рядом с бюваром, и решил написать письмо.

Когда он взял из стопки листок бумаги и отодвинул бювар, он заметил, что в полированной поверхности стола, словно в зеркале, отразилась наоборот надпись, напечатанная вверху листика. А если прочитать её?

РЕЛАТ МИТ
ЯИТЯИРПДЕРП ЦЕЛЕДАЛВ
«°К И ЧЕРТ НОРАБ»

При этом ему бросилось в глаза слово «черт».

«Похоже, там написано „чёрт“, — подумал Тим. — Но, это уж известное дело, — прибавил он мысленно, — когда чёрта помянут, он везде и мерещится».

Он положил листок поровнее и начал писать письмо.

Дорогой господин Рикерт!

Я добрался до Генуи не совсем благополучно. Барон умер, и теперь я его наследник. Но я этого вообще-то совсем не хотел. Скорее уж наоборот. К сожалению, сейчас я ничего не могу вам объяснить. Может быть, когда-нибудь после. Пожалуйста, постарайтесь установить связь со стюардом. Его зовут Крешимир, и у него аппендицит. Крешимир вам может всё рассказать, а я, к сожалению, ничего! Поговорите ещё, пожалуйста, с рулевым «Дельфина»; его зовут Джонни, и он родом из Гамбурга. Он знает всё.

Теперь я самый богатый человек на свете, и так называемый новый барон — мой опекун. Хорошего тут ничего нет, но, может быть, это мне поможет. Я стараюсь, чтобы барон не заметил, что я ничего этого не хочу. Вы, и Ваша мама, и стюард, и Джонни были ко мне очень добры. Может быть, Вы найдёте какой-нибудь выход для меня. Но, наверное, я должен выпутываться сам. И это, наверное, очень хорошо, что у меня есть план и цель, потому что это помогает мне забывать, что я теперь уже не настоящий человек.

Передайте, пожалуйста, привет Вашей маме, и большое Вам спасибо от Вашего грустного Тима Талера.

Только, пожалуйста, не пишите мне. Может быть, потом я пришлю Вам какой-нибудь тайный адрес.

Тим.

Он ещё раз прочёл письмо с начала до конца, потом сложил листок вчетверо и запечатал его в конверт. Но как раз в тот момент, когда он хотел написать адрес, за дверью послышались шаги.

Тим поспешно сунул письмо во внутренний карман своей куртки. В ту же секунду раздался стук в дверь, и, прежде чем Тим успел ответить «войдите», в его номер снова вошёл барон.

Он увидел рядом с раскрытым бюваром незавинченную ручку и спросил:

— Что, пишете личные письма, господин Талер? С этим вам надо быть поосторожнее. Впрочем, в вашем распоряжении имеется секретарь.

Тим закрыл бювар, завинтил ручку и сказал:

— Если мне понадобится секретарь, я его позову.

— Неплохо прорычал, юный лев! — рассмеялся барон. — Мне кажется, что, надев новый костюм, вы мгновенно усвоили новые манеры. Это весьма и весьма похвально!

Снова раздался стук в дверь. Треч недовольно крикнул:

— Che cosa vole?^[2]

— La garderoba per il signore Thaler!^[3] — ответил кто-то за дверью.

— Avanti,^[4] — буркнул Треч.

Слуга в длинном зелёном фартуке с поклоном внёс рюкзак Тима, положил его на подставку для чемоданов и остался стоять у двери.

Тим подошёл к нему, протянул руку и сказал:

— Большое спасибо!

Слуга с удивлением и даже как будто с неудовольствием неловко пожал протянутую ему руку.

— Non capisco!^[5] — пробормотал он.

— Он не понимает, — рассмеялся барон. — А вот это он наверняка поймёт!

С этими словами Треч вытащил из кармана пачку бумажных лир и одну из бумажек протянул слуге.

Слуга, просияв, воскликнул:

— Grazie! Mille grazie! Tante grazie, signore barone!^[6] — и, низко кланяясь, попятился к двери.

Треч запер за ним дверь и сказал:

— В прежние времена холоп, прежде чем переступить порог господских покоев, снимал обувь, а войдя, падал на колени и целовал своему господину носок сапога. Увы, эти благословенные времена ушли безвозвратно!

Тим не обращал внимания на слова барона. Его вдруг поразила мысль, что в рюкзаке лежит его фуражка, а за подкладкой фуражки — контракт с Тречем. Как бы невзначай он подошёл к рюкзаку, развязал его и тут же увидел фуражку — она лежала сверху. Взяв её в руки, он услышал, как под подкладкой зашуршала бумага. Тим вздохнул с облегчением.

Продолжая слушать разглагольствования барона, он старался незаметно вытащить контракт из-под подкладки и переложить его во внутренний карман куртки.

— В таком отеле, как этот, — продолжал свою речь барон, — вполне достаточно пожимать руку троим: портье, чтобы всегда говорил в случае надобности, что вы только что вышли, директору, чтобы не разглашал ваших тайн, и шеф-повару, чтобы вкусно кормил нужных вам людей.

— Я приму это к сведению! — заметил Тим.

Про себя он подумал: «Когда я снова смогу смеяться, я с радостью пожму руку всем слугам и горничным».

Зазвонил телефон. Тим взял трубку и сказал:

— Слушаю. Это Тим Талер.

— Ваш автомобиль подан, синьор! — раздался голос в трубке.

— Большое спасибо! — ответил Тим и нажал на рычаг.

Барон, пристально наблюдавший за Тимом, заметил:

— Никогда не называйте своего полного имени, мой милый! Вполне достаточно сказать «да», причём таким тоном, чтобы дать почувствовать недовольство: ведь вас потревожили. И никогда не говорите «большое спасибо», если вам сообщают, что автомобиль вас ждёт. Совершенно достаточно буркнуть «хорошо!». Богатство обязывает

к определённой невежливости, господин Талер. Очень важно уметь держать людей на расстоянии.

— Я приму это к сведению! — снова повторил Тим.

И снова подумал: «Ну погоди, дай только мне вернуть мой смех!»

Они вместе спустились по лестнице в зал — в таких фешенебельных отелях его обычно называют холлом, — и при их появлении некоторые господа поднялись со своих кресел и поклонились. Один из них подошёл поближе и произнёс:

— Разрешите, господин барон...

Даже не взглянув на него, барон ответил:

— Мы спешим. Позже.

Затем они сошли вниз по мраморной лестнице и направились к своему роскошному автомобилю.

Шофёр распахнул перед ними дверцу, и барон с Тимом опустились на красное кожаное сиденье.

Тим не заметил, что впереди и позади их автомобиля едут две другие машины с личной охраной. Не понял он и выкриков газетчиков, которые, бегая по улицам, размахивали своими листками:

— Il barone Treci é morto!

— Adesso un ragazzo di quattordici anni è il più ricco uomo del mondo!

Барон с улыбкой перевёл их выкрики Тиму: «Барон Треч умер! Четырнадцатилетний мальчик — самый богатый человек на земле!»

На перекрёстке машина остановилась перед светофором. Треч в это время давал Тиму указания, как надо вести себя на приёме, на который они сейчас ехали. Но Тим плохо его слушал — он засмотрелся на маленькую смуглую девочку с чёрными, как вишни, глазами, которая стояла на тротуаре рядом с продавцом фруктов и, широко раскрыв рот, старалась откусить кусок огромного яблока. Заметив взгляд Тима, она опустила руку с яблоком и улыбнулась мальчику.

Тим кивнул ей, снова забыв, как печально кончается всякий раз его попытка улыбнуться.

И девочка вдруг увидела, что лицо за стеклом автомобиля исказила ужасная гримаса. Она испугалась, заплакала и спряталась за спину продавца фруктов.

Тим закрыл лицо руками и откинулся на спинку сиденья. Барон же, наблюдавший за этой сценой в зеркало, опустил стекло со своей стороны и, смеясь, что-то крикнул девчужке по-итальянски.

Девочка с ещё мокрым от слёз лицом выглянула из-за спины продавца фруктов, робко подошла к машине и протянула своё яблоко барону. Когда Треч дал ей за это блестящую монету, она просияла, пискнула: «Grazie, signore!» — и рассмеялась.

В это мгновение машина тронулась, и барон протянул яблоко Тиму.

Но Тим невольно отдёргнул руку, и огромное красное яблоко, блестящее, словно лакированное, покатилося с его колен на пол, под ноги шофёру.

— Вам надо научиться, господин Талер, — сказал Треч, — заменять в будущем свою улыбку чаевыми. В большинстве случаев чаевые производят гораздо более сильное впечатление.

«Зачем же ты тогда купил мой смех?» — подумал Тим.

Вслух он сказал:

— Я приму это к сведению, барон. Спасибо, синьор!

Лист восемнадцатый В ПАЛАЦЦО КАНДИДО

Палаццо Кандидо, как ясно уже по итальянскому названию, — это белый дворец: снаружи — белый мрамор, внутри — белая штукатурка. Когда барон с Тимом поднялись по белой мраморной лестнице на первый этаж, их со всех сторон окружили директора. Все они показались Тиму какими-то странно знакомыми — наверное, это они тогда встречали его на пристани. Директора хранили почтительное молчание, пока барон разговаривал с Тимом.

— Этот дворец, — сказал Треч вполголоса, — представляет собой музей, и за то, что его предоставили в наше распоряжение, нам придётся заплатить много денег. В залах его висят картины мастеров итальянской и голландской школы. Нам придётся их осмотреть. Такого рода обязанности на нас налагает наше положение. Так как вы, господин Талер, вероятно, ничего не смыслите в живописи и вообще в искусстве, рекомендую вам осматривать картины молча, с серьёзным лицом. У тех картин, возле которых я буду покашливать, вы будете стоять несколько дольше, чем у других. Изображайте молчаливую заинтересованность.

Тим кивнул молча, с серьёзным лицом.

Но когда они в окружении свиты директоров начали обходить картинную галерею, Тим не стал следовать предписаниям барона. От картин, перед которыми Треч покашливал, он чаще всего сразу же отходил. Зато у тех картин, возле которых Треч не кашлял, Тим задерживался дольше.

В музее было больше всего портретов, написанных маслом. Лица людей на портретах голландских мастеров казались совсем прозрачными и удивляли выражением сосредоточенности; узкие губы их всегда были крепко сжаты. Лица на портретах итальянских художников отличались красивой смуглостью кожи, а из-за весёлых полукругов около уголков губ всё время казалось, что они вот-вот озарятся улыбкой. Как видно, голландские портреты были более знамениты — чаще всего барон покашливал перед ними; но Тиму нравились совсем другие лица — менее замкнутые, открытые, с ямочками возле уголков рта. Иногда барону приходилось чуть ли не подталкивать его, чтобы он отошёл от такого портрета, зато директора на «ици» и «оци» находили, что у мальчика совсем неплохой вкус. Когда Треч заметил это, он, не долго думая, решил прервать осмотр картинной галереи и сказал:

— Пора, однако, перейти к основной части нашего мероприятия, господа!

Теперь все направились в зал, где стояли празднично накрытые столы, составленные в форме буквы «П». Место во главе стола было украшено ветками лавра. Здесь должен был сидеть Тим.

Но прежде чем все заняли свои места, появился фотограф, щупленький, подвижный человечек с чересчур длинными чёрными волосами; волосы всё время падали ему на глаза, и он всякий раз откидывал их со лба величественным движением головы. Фотограф попросил всех присутствующих встать в полукруг так, чтобы Тим оказался в центре. Кроме директоров, здесь оказалось ещё много каких-то других

людей, но им Тим не должен был пожимать руку.

Щупленький фотограф прикрутил свой аппарат к штативу, поглядел в видоискатель и стал дирижировать собравшимися, изо всех сил размахивая руками и выкрикивая:

— Ridere, sorridere! Sorridere, prego!

Тим, стоявший впереди Грандицци, обернулся через плечо и спросил директора:

— Что он говорит?

— Он говорит, чтобы ты... простите, чтобы вы... Вернее, он говорит, чтобы мы улыбнулись... Улыбнитесь!

— Спасибо! — ответил Тим.

Он резко побледнел. Теперь фотограф обратился прямо к нему и повторил:

— Sorridere, signore! Улибайтэсь, пожалуйста!

И все уставились на мальчика. А он стоял, крепко сжав губы. Фотограф с отчаянием повторял:

— Улибайтэсь! О, пожалуйста, пожалуйста!

Барон, стоявший позади Грандицци, ни единым словом не пришёл Тиму на помощь.

И Тим сказал:

— Моё наследство — тяжёлая ноша, господин фотограф. И я ещё не знаю, что мне делать — смеяться или плакать. Разрешите мне пока подождать и со смехом, и со слезами.

По полукругу пробежал шёпот. Одни переводили слова Тима на итальянский, другие выражали удивление и восхищение. Только Треч весело улыбался.

Наконец снимок был сделан — правда, без улыбающегося наследника. После этого все сели за стол. По одну сторону от Тима сидел Грандицци, по другую — барон. Носовой платок директора Грандицци испускал аромат гвоздики. Казалось, что пахнет сладким перцем.

Прежде чем приступить к еде, директора произнесли множество торжественных речей — кто по-итальянски, кто на плохом немецком. И всякий раз, когда слушатели смеялись, кивали или аплодировали, они поглядывали на мальчика, сидевшего во главе стола.

Один раз барон шепнул Тиму:

— Вы устроили себе нелёгкую жизнь, господин Талер, слишком поспешно заключив пари.

Тим шёпотом ответил:

— Я знал, что меня ожидает, барон.

На самом же деле ещё никогда в жизни на душе у него не было так скверно, как сейчас, когда все рассматривали его, словно какую-нибудь диковинную зверюшку. Но твёрдое решение не уступать барону ни в чём укрепляло его силы и не давало падать духом.

Только на одно короткое мгновение Тим задумался — он вспомнил о рулевом Джонни. И тут вдруг он снова превратился в маленького мальчика и испугался, что сейчас разревётся. Но, к счастью, как раз в эту минуту барон поднялся, чтобы

произнести речь, и Тим снова взял себя в руки.

Прежде всего барон воздал должное способностям и деловым качествам своего умершего брата, затем перешёл к тем высоким задачам, которые стоят перед всяким, кто управляет огромным богатством, и, наконец, в коротких, энергичных выражениях пожелал юному наследнику сил и мудрости, чтобы разумно и с благой целью использовать столь грандиозное наследство. Потом он сказал несколько слов по-итальянски. Очевидно, это была шутка, и он сам рассмеялся ей, словно маленький мальчик.

Дамы и господа за столом были так очарованы его смехом, что тоже рассмеялись и принялись усиленно аплодировать.

На этот раз смех барона не задел Тима. Он всегда теперь носил на руке часы, которые подарил ему господин Рикерт в Гамбурге, и в эту минуту как раз смотрел на них. Часы показывали восемнадцать тридцать — половину седьмого. В восемь он должен встретиться с Джонни. А судя по тарелкам, бокалам и приборам, банкет затянется ещё надолго. Очевидно, Тиму придётся подняться из-за стола раньше всех. Но как это сделать? Ведь он здесь главное действующее лицо...

Банкет и в самом деле длился очень долго. Когда после супа, последовавшего за закусками, подали на стол главное блюдо — почки в белом вине, — было уже двадцать минут восьмого.

Мысли Тима были заняты только одним — предстоящей встречей с Джонни, и он даже сам не заметил, какие трудности ему пришлось преодолеть, чтобы выглядеть за столом хорошо воспитанным молодым человеком. Он ел так, как ели посетители ресторана на пароходе «Дельфин», и барон не успевал удивляться столь же прекрасным, сколь естественным манерам мальчика. Увидев, с какой грацией Тим накалывает на вилку кусочек почки, он пробормотал:

— Нет, я явно недооценивал этого паренька!

Когда стрелки на часах показали без двадцати восемь, Тим нагнулся к уху барона и шепнул:

— Мне нужно выйти.

Барон поспешно ответил:

— Туалет направо по коридору.

— Спасибо, — сказал Тим.

Он поднялся и прошёл мимо всех парадных столов к двери, сопровождаемый многочисленными взглядами. Он очень старался идти так, как ходит любой самый обыкновенный мальчик четырнадцати лет.

В коридоре ему вдруг пришло в голову приоткрыть дверь в зал и громко крикнуть им какое-нибудь словечко — вот бы они подскочили! Но здесь стоял слуга в золотой ливрее, и Тим со спокойным достоинством проследовал в туалет.

В ту минуту, когда он снова вышел в коридор, слуга в золотой ливрее как раз отвернулся, и Тим на цыпочках — ведь шаги по мрамору отдаются эхом — прошмыгнул через площадку на лестницу и поспешно сбежал вниз.

Перед порталом палаццо стоял швейцар в ливрее с золотыми галунами. Но он, как видно, не знал мальчика в лицо и посмотрел на него с хмурым безразличием. Тим

настолько осмелел, что даже спросил его, где находится памятник Христофора Колумба. Но швейцар его не понял. Он неуверенно показал рукой в сторону трамвайной остановки. И Тим быстрым шагом пошёл в указанном направлении.

Лист девятнадцатый

ДЖОННИ

Дождаясь трамвая — прошла, казалось, целая вечность, — Тим то и дело оглядывался через плечо на портал палаццо, но, кроме швейцара, неподвижно стоящего у дверей, там по-прежнему никого не было. Как видно, долгое отсутствие Тима ни у кого ещё не вызвало беспокойства. Тим с нетерпением изучал схему трамвайных маршрутов, среди которой было помещено длинное прямоугольное зеркало. И вдруг он — не в первый раз за эти сутки! — узнал благодаря отражению нечто новое о нравах барона. Он увидел в зеркало, что за выступом палаццо стоит тот самый автомобиль, на котором он приехал сюда вместе с бароном. За этим автомобилем виднелись ещё две машины, и возле первой из них стояло двое людей, о чём-то беседовавших друг с другом. Один из них в эту минуту как раз указывал рукой на Тима.

Теперь Тиму вспомнилось, что директор Грандицци, ещё когда они плыли на баркасе, говорил о детективах, которые будут его постоянной личной охраной. Может быть, это как раз и есть его тайные телохранители? Вот уж это было бы совсем некстати — ведь барон не должен знать, что Тим виделся с Джонни.

В эту секунду подошёл трамвай. У него было два прицепа с открытой площадкой — значит, и с той стороны площадки есть ступеньки!

Это было на руку Тиму. С тех пор, как он лишился своего смеха, он понемногу приучился в трудном положении рассуждать спокойно и хладнокровно. Он вскочил на площадку среднего вагона и, протолкавшись между стоявшими там людьми, успел, прежде чем тронулся трамвай, сойти с другой стороны площадки. И тут он со всех ног бросился бежать через улицу, проскочил под самым носом у несущейся на полной скорости гоночной машины и помчался по тротуару.

Прежде чем свернуть в узкий переулок, он ещё раз быстро оглянулся назад и увидел, что один из детективов как раз собирается перебежать улицу. Тогда Тим понял, что избавиться от телохранителей ему поможет только хитрость. К счастью, он находился в той части Генуи, которая славится своими запутанными переулками и проходными дворами; большинство домов имеет здесь два входа: парадный и чёрный. Тим с независимым видом вошёл в маленькую закусочную, в которой пахло тушёным мясом и оливковым маслом, и, тут же выйдя в другую дверь, очутился в переулке, где прямо перед домами стояли лотки с жареными каракатицами. Здесь он юркнул в какую-то дверь, над которой висела вывеска: «Trattoria» — «Закусочная», и, выскочив через чёрный ход трагтории, попал в переулочек с ювелирными лавками; пробежал вдоль витрин с россыпями драгоценных украшений, свернул в узенький поперечный переулочек на другой стороне и, очутившись в толпе болтливых, крикливых, ругающихся хозяек, догадался, что находится на небольшом рынке; снова пробежал через какую-то трагторию, где пахло прокисшим вином, и вдруг оказался перед раскрывшейся в эту минуту дверью подъехавшего автобуса. Не долго думая, он вскочил на подножку; дверь за ним закрылась, и автобус тронулся.

Кондуктор с улыбкой погрозил ему пальцем и протянул руку, чтобы получить деньги за проезд. Тим, совсем забывший о деньгах, машинально сунул руку в карман своей полосатой куртки и со вздохом облегчения нащупал в нём мелочь и бумажные деньги. Он протянул кондуктору одну из бумажек и сказал:

— Христофор Колумб.

— М-м-м? — переспросил кондуктор.

— Христофор Колумб! Памятник! — повторил мальчик, стараясь говорить как можно отчётливей.

Теперь кондуктор его понял.

— Il monumento di Cristoforo Colombo, — поправил он Тима поучительным тоном.

И Тим старательно повторил:

— Иль монументе ди Кристофоро Коломбо.

— Bene, bene! — улыбнулся кондуктор. — Хорошо, хорошо!

Потом он дал Тиму 85 лир сдачи, оторвал билет и объяснил знаками, что скажет, когда ему выходить.

Тим кивнул с серьёзным лицом и подумал: «Вот повезло!»

Радоваться по-настоящему он не мог, но ему стало легче.

Минут через десять — автобус, проехав мимо гавани, стал подниматься по переулку в гору — кондуктор, тронув Тима за плечо, указал рукой в окно на большой белый памятник, стоявший среди пальм перед огромным зданием со множеством стеклянных дверей.

Тим сказал по-итальянски единственное слово, которое знал:

— Грацие! Спасибо!

Потом он вышел из автобуса и, оказавшись на большой площади, растерянно огляделся по сторонам. Он понял, что большое здание — это вокзал. Часы над главным входом показывали без пяти минут восемь.

Среди людей на площади он не обнаружил своих детективов. Но и рулевого Джонни тоже нигде не было. Тим нарочито медленно поплёлся в сторону памятника, обошёл его кругом и только тут увидел рулевого — Джонни стоял, прислонившись к стволу огромной пальмы, сам чуть ли не с неё ростом. Трудно было его не заметить.

Тим бросился к нему со всех ног и повис бы у него на шее, если бы Джонни был не таким громадным.

— Я удрал, Джонни! — крикнул он, еле переводя дыхание. — Барон навязал мне каких-то детективов, но я...

— Барон? — с изумлением перебил его рулевой. — Я считал, что барон умер.

— Он превратился в своего брата-близнеца!

Джонни свистнул сквозь зубы. Потом он взял Тима за руку и сказал:

— Пойдём посидим с тобой тут в одном кабачке. Пусть-ка попробует нас разыскать!

И он повёл за собой Тима по бесконечным переулкам и переулочкам.

То, что Джонни назвал «кабачком», заслуживало, собственно говоря, лучшего названия. Помещение, по форме похожее на коридор, постепенно расширялось и заканчивалось полутёмным, почти квадратным залом. Пол здесь был из струганых

досок, тёмные деревянные полки по стенам чуть ли не до самого потолка уставлены бутылками всех форм, цветов и размеров. Выглядело всё это очень торжественно, словно собор из бутылок.

Рулевой подвёл Тима к свободному столику в самом дальнем углу квадратного зала. Теперь тот, кто входил в дверь, не мог бы их увидеть. Когда подошёл кельнер, Джонни заказал два стакана красного вина. Потом он вытащил из левого и из правого внутреннего кармана своей куртки по бутылке рома, поставил под стул Тима и сказал:

— Вот он, твой выигрыш. Я прячу его из-за кельнера. Ещё подумает, что мы собираемся распить здесь принесённое вино.

Тим, в свою очередь, тоже вытащил что-то из внутреннего кармана куртки. Это было письмо к господину Рикерту.

— Ты отвезёшь его в Гамбург, Джонни? Я боюсь отправлять его почтой.

— Будет сделано, малыш!

Письмо переключало в карман рулевого. Потом Джонни сказал:

— А ты стал прямо пижоном, Тим! Ну как, здорово быть богатым?

— Немного утомительно, — ответил Тим. — Но вообще-то можно вести себя как хочешь. Если неохота смеяться, можешь не смеяться, даже когда фотографируют! А это не так уж мало.

— А ты что, против того, чтобы смеялись? — озадаченно спросил Джонни.

Тим понял, что проболтался. Он чуть себя не выдал. А ведь ни один человек на свете не должен узнать от него, что он продал свой смех. Но ему так и не удалось исправить свою ошибку каким-нибудь невинным объяснением, так как Джонни заговорил снова. Казалось, он попал в свою стихию: говоря о смехе, он даже выражался более гладко, чем обычно.

— Я согласен, — сказал он, — что вежливые улыбочки и смешки действуют на нервы. Ничего нет противнее, чем когда тебе в «Доме моряка» с утра до вечера умильно улыбаются какие-то старые дуры. Улыбаясь, уговаривают воздержаться от алкогольных напитков; улыбаясь, накладывают на тарелку кислую капусту; улыбаясь, призывают молиться перед сном. Даже аппендицит тебе из брюха вырезают и то с улыбочкой. Улыбочки, улыбочки, улыбочки... Ей-ей, просто никакого терпения не хватит!

Кельнер принёс вино и профессионально улыбнулся, подавая стаканы. Тим закусил губу; он сидел, не подымая глаз от стола, и Джонни с удивлением заметил, что мальчик готов расплакаться. Он замолчал, дожидаясь, пока уйдёт кельнер. Но и тогда он лишь поднял свой стакан и сказал:

— За твоё здоровье, Тим!

— За твоё здоровье, Джонни!

Тим только чуть пригубил вино — оно показалось ему кислым.

Ставя на стол пустой стакан, Джонни пробормотал:

— Хотел бы я доискаться, в чём тут дело...

Но Тим его понял. Он вдруг оживился и зашептал:

— Постарайся поговорить с Крешмиром. Он всё знает и может тебе рассказать. А я не могу. Мне нельзя.

Рулевой задумчиво посмотрел на мальчика. Наконец он сказал:

— Кажется, я кое о чём догадался... — Потом он нагнулся к Тиму через стол и, глядя ему прямо в глаза, спросил: — Скажи-ка, а этот тип показывал тебе какие-нибудь фокусы?

— Нет, — ответил Тим. — Ничего он мне не показывал. Только один раз сказал наизусть какой-то старинный заговор.

И тут Тим рассказал рулевому о странном разговоре в номере отеля, о заклинании и о том, как рухнула люстра.

История с люстрой невероятно развеселила Джонни. Он прямо взревел от смеха и так колотил кулаками по столу, что стаканы заплясали, а вино расплескалось. Задыхаясь от хохота, он еле выговорил:

— Вот умора! Нет, это просто блеск! Да понимаешь ли ты, что стукнул эту старую обезьяну по самому больному месту? А, Тим? Нет, серьёзно, малыш?!

И Джонни снова покатился со смеху.

— Ты не мог бы сделать ничего лучшего, — продолжал он, в изнеможении откинувшись на спинку стула, — чем разнести эту люстру. Такого этот господин просто не переносит!

Рулевой со смехом поднял руки вверх, изображая, как барон произносит заклинание, и с комической торжественностью проговорил:

О повелитель крыс, мышей,
Лягушек, блох, клопов и вшей!

Тим тоже невольно откинулся на спинку стула. Ему стало вдруг так спокойно оттого, что хоть один человек на свете осмелился высмеивать барона и потешается над ним. Впервые за долгое время он снова услышал смех, который был ему не противен.

Когда Джонни, насмехаясь, договаривал своё шутливое заклинание, Тим, опустив глаза, смотрел на струганые доски пола. И вдруг он увидел огромную жирную крысу. Пронзительно пищая, она с дьявольским бесстрашием подскочила к ноге Джонни, явно собираясь его укусить.

Тим всегда не переносил крыс. Он вскрикнул:

— Рулевой, крыса!

Но и Джонни уже успел заметить злобного зверька. Он действовал с замечательной ловкостью и присутствием духа. Отдёрнув ту ногу, на которую спешила взобраться крыса, он с невероятной быстротой высоко поднял другую и одним, хорошо рассчитанным ударом покончил со своим коварным врагом. Тим на мгновение отвернулся: при виде раздавленной крысы ему чуть не стало дурно.

Но Джонни, неустрашимый Джонни, сказал, улыбаясь во весь рот:

— Ага, повелитель шлёт вперёд своих гонцов! Выпей-ка вина, Тим, и не смотри в ту сторону!

На этот раз Тим отхлебнул большой глоток и почти тут же почувствовал действие вина. Ему стало лучше, но голова слегка закружилась.

— Теперь у нас почти не осталось времени, Тим, — сказал Джонни. — Вот-вот он явится собственной персоной! Хочу сказать тебе только одно: того, во что ты не веришь, нет и на самом деле! Ты меня понял?

Тим, не понимая, покачал головой. Голова у него кружилась всё сильнее.

— Я хочу сказать, — пояснил Джонни, — что тебе надо всегда разносить люстры, если барон вздумает снова тебя допекать. Смекнул?

Тим кивнул. Но он только наполовину понял то, что хотел сказать Джонни. Глаза его слипались. Ему ведь пришлось до этого выпить вина ещё в Палаццо Кандидо, а он совсем не привык к таким напиткам.

— Старайся насмеяться над этой старой обезьяной, — продолжал Джонни. — Ты теперь достаточно богат, чтобы вести себя свободно. Разумеется, я говорю о внешней свободе. Внутренняя свобода, мальщ, покупается совсем другим богатством — смехом. Существует старая английская пословица... как это... сейчас вспомню... — Рулевой наморщил лоб. — Удивительное дело, — пробормотал он, — только сейчас была в голове и вдруг вылетела. Ну, прямо так и вертится на языке. Видно, хлебнул лишнего.

— И мне тоже как-то не по себе от вина, — проговорил Тим, еле ворочая языком.

Но Джонни его не слушал — он всё старался вспомнить пословицу. И вдруг он крикнул:

— Ага, вспомнил: «Teash me to laugh, save me soul!» Как это я мог забыть?

Он со смехом постучал себя по лбу и вдруг, всё ещё продолжая смеяться, повалился с побелевшим лицом со стула на пол и застыл без движения неподалёку от убитой крысы.

Тим, мгновенно протрезвев, вскочил и стал испуганно озираться, ища помощи, но тут взгляд его случайно упал на кельнера, равнодушно смотревшего на происходящее. В этот момент он как раз получал деньги с какого-то господина. Господин этот стоял к Тиму спиной. Но Тим узнал его с первого взгляда. Это был барон.

И тут Тим снова превратился как бы в другого Тима. Внешне спокойный, он кивком головы подозвал кельнера, а потом опустился на колени рядом с Джонни. Рулевой, не приходя в сознание, медленно и с трудом, но всё же вполне отчётливо повторял английскую поговорку.

В ту же минуту Тим увидел рядом с собой склонившегося кельнера и барона, стоящего за его спиной.

— Господин Талер! Какая счастливая случайность! — воскликнул Треч с хорошо разыгранным изумлением. — Мы ищем вас уже больше часа!

— Если с рулевым что-нибудь случится, — не слушая, крикнул Тим, — я заявлю на вас, барон! И на кельнера тоже!

Теперь Треч развеселился.

— Для волнения нет никаких причин, господин Талер! — заметил он с улыбкой. — Его здоровью это не повредит! Правда, со службы нам придётся его уволить. Но человек такой силы без труда найдёт себе работу в доках.

Между тем посетители пивной начали проявлять любопытство и, столпившись у столика, стали, перебивая друг друга, подавать разные полезные советы. Они, как видно, считали, что Джонни пьян.

Треч, стремясь, как всегда, избежать публичной сцены, потянул Тима за рукав к выходу.

— Ваш портрет, господин Талер, напечатан сегодня во всех газетах. Будет очень неприятно, если вас тут узнают. О рулевом вы в самом деле можете не беспокоиться. Пойдёмте!

Несмотря на сопротивление Тима, не хотевшего оставлять Джонни одного в таком состоянии, барону удалось в конце концов вывести его на улицу.

Нельзя было допустить, чтобы Треч успел обо всём догадаться. Кроме того, у Тима было смутное чувство, что в этой странной, запутанной игре, где участвовала и дохлая крыса, и упавший в обморок рулевой, и английская пословица, выиграл не барон, а Джонни.

И Тим покинул пивную, до потолка уставленную бутылками, гораздо более спокойно, чем могло показаться.

Роскошный автомобиль, ожидавший их у входа, загораживал чуть ли не весь переулок. Позади него стояли ещё две другие машины, и Тим заметил, что в них сидят оба хорошо известных ему субъекта. Из озорства он кивнул им, и они, слегка огорошенные, кивнули в ответ.

В машине, откинувшись на красную кожаную спинку заднего сиденья, сидел директор Грандицци. Когда барон и Тим уселись с ним рядом, он захихикал:

— Ах ви маленькая беглец! Ви неплох водить нас за нос, синьор! Но моя мудрый друг Астарот...

— Заткнись, Бегемот! Он не в курсе! — рявкнул барон на директора с необычной для него грубостью.

Но тут же, обратившись к Тиму, любезно разъяснил ему, что они с Грандицци являются членами так называемого «Клуба Ваала» и иногда называют друг друга смеха ради клубными прозвищами.

У Тима было смутное ощущение, что он уже слышал как-то раз от барона про Астарота и Бегемота, но он не мог вспомнить, где и когда это было. Тем более, что всё это время повторял про себя английскую поговорку, которую сказал ему Джонни.

Когда автомобиль проезжал мимо памятника Христофора Колумба, Треч сказал Тиму:

— Завтра рано утром мы вылетаем в Афины, господин Талер! Самолёт принадлежит фирме. Он будет ждать нас на аэродроме ровно в восемь часов.

Тим кивнул, ничего не ответив. Он, наверное уже в десятый раз, повторял про себя английскую поговорку. Наконец он решился спросить Грандицци:

— А что это значит: «Тич ми ту лаф, сейв май соул»?

— На каком это языке? — осведомился Грандицци.

— На английском, — спокойно ответил барон. — Старая пословица, такая же глупая, как большинство пословиц. — Он повторил фразу с хорошим английским произношением. Потом вполголоса перевёл: — «Кто смеётся, тот спасён!» А буквально: «Научи меня смеяться, спаси мою душу!»

Тим сказал как можно равнодушнее:

— А-а, понятно!

И больше не произнёс ни слова. Он всё повторял и повторял про себя эту пословицу, только теперь у него получалось: «Научи меня смеяться, рулевой!»

Лист двадцатый

ЯСНЫЙ ДЕНЬ В АФИНАХ

Самый большой филиал концерна барона Треча находился в Афинах — древней столице Греции. В этом городе барон был необычайно оживлён и любезен. Он старался даже по возможности оградить Тима от директоров и банкетов. Вместо этого он водил его гулять по улицам. Правда, на некотором расстоянии вслед за ними всегда ехал автомобиль, и по первому знаку Треча шофёр мог подкатить к тротуару и распахнуть дверцу.

Барон не стал показывать Тиму те достопримечательности, ради которых приезжает в Афины большинство иностранных туристов. Он не поднимался с ним на Акрополь — поглядеть, как блестит между белыми колоннами весёлой голубизной Эгейское море; не водил его смотреть на мраморные статуи, излучающие — от ямочек у щиколотки до полукругов возле уголков губ — божественный смех; не показал ему ясно сияющего неба над высокими храмами. Вместо всего этого он повёл его на афинский рынок.

— По крайней мере, половина тех денег, которые получают здесь за товары, попадает в мои руки, — сказал он Тиму. — Вы, господин Талер, как мой наследник, должны знать, каким образом создаётся наше богатство. Ну разве не наслаждение глядеть на эти краски?

Треч отправился с Тимом прежде всего в рыбные ряды. Выпучив глаза, со сверкающей красной полосой под жабрами, лежали здесь рыбы тысячами, в больших открытых холодильниках. Богатства моря были представлены во всей своей роскоши. Блестало серебро, отливала голубизной сталь; то тут, то там виднелись ярко-красные и матово-чёрные пятна и полосы. Но барон смотрел на всё это глазами торговца.

— Этот тунец доставлен сюда из Турции, — объяснял он. — Мы покупаем его там совсем дёшево. А эта треска из Исландии — одна из самых прибыльных наших торговых операций. Хамса, каракатицы и сардины привезены из Италии или пойманы здесь, в Греции. На этом много не заработаешь. А теперь пройдем дальше, господин Талер!

Треч прямо упивался рынком. Они остановились возле оштукатуренной стены, на которой висели ободранные бараньи туши со свесившимися набок языками.

— Эти бараны доставлены из Венесуэлы, — сказал барон. — А вон тех свиней мы закупили в Югославии. Весьма выгодное дело!

— А ещё что-нибудь, кроме рыбы, покупается здесь, в Греции? — спросил Тим.

— Конечно, — рассмеялся Треч. — Кое-что поставляет нам и эта страна: изюм, вино, бананы, кондитерские изделия, оливковое масло, гранаты, шерсть, ткани, инжир, орехи и бокситы.

Треч перечислял товары с такой торжественностью, словно читал вслух Библию. Тем временем он привёл Тима в молочный ряд, где на столах Повсюду возвышались горы белоснежного творога. Странная это была прогулка. Протискиваясь сквозь толпу, они шли всё дальше и дальше мимо торговцев, азартно расхваливающих свой товар, и

громко торгующихся покупателей. Когда они проходили по рыбному ряду, им пришлось шагать по лужам, в которых плавал нарезанный кружочками лук; возле бараньих туш они обходили ручейки стекавшей крови, а когда стали пробираться между лотками с овощами и фруктами, то всё время смотрели под ноги, чтобы не наступить на кожуру и не поскользнуться.

Прямо перед Тимом вертелись трое мальчишек. На глазах у всех они перебежали от лотка к лотку, таская маслины. Никто не обращал на них никакого внимания; даже продавцы, сердито прикрикнув, тут же снова начинали торговаться с покупателями. Воришки весело хохотали.

Прошло не меньше двух часов, показавшихся Тиму кошмарным сном, прежде чем он, взбудораженный и измученный, покинул рынок, с его толкотнёй, шумом, выкриками, — это гигантское чрево города с чудовищным аппетитом, приводившим в такое восхищение барона.

По знаку барона к тротуару подъехала машина. На сей раз это был автомобиль поменьше, с чёрными кожаными сиденьями. Треч приказал шофёру ехать к Византийскому музею.

— Вам должно там понравиться, господин Талер, — обратился он к Тиму. — Но почему — я вам пока не скажу.

У Тима это «почему» не вызвало ни малейшего любопытства. Он изнемогал от усталости и очень хотел есть. Однако он ни единым словом не обмолвился об этом барону. Он решил как можно реже показывать свою слабость этому странному торговцу, купившему его смех. Поэтому он, не моргнув глазом, позволил ему отвезти себя в Византийский музей.

Картины, к которым барон подводил Тима, назывались иконами. Их, как ему объяснил Треч, писали монахи, в течение многих сотен лет придерживавшиеся в живописи одних и тех же строгих канонов. Понемногу Тим начал понимать, почему барон привёл его сюда.

Лица на иконах, с большими глазами, неподвижно уставленными в одну точку, и с длинными носами, делящими их овал на две половины, были лицами без улыбок. Этим они походили на бледные лица на портретах голландских мастеров, которые Тим видел в Палаццо Кандидо в Генуе. Тиму они показались чужими и странными. Особенно долго держал его Треч перед иконой, изображающей святого Георгия в ярко-красном плаще на фоне мрачного скалистого пейзажа, выдержанного в оливково-зелёных тонах. Тим даже начал бормотать про себя пословицу Джонни: «Научи меня смеяться, рулевой!»

И, удивительное дело, вспомнив о Джонни, Тим вдруг увидел иконы совсем другими глазами. Он заметил, что монахи, писавшие иконы, разрешили изображённым на них животным и растениям всё то, в чём отказали людям, — радоваться, цвести, смеяться. Пока Треч восхищался святой дисциплиной иконописцев, Тим открыл малый мир, тайно живший на этих досках: улыбающихся собачонок, подмигивающих грифов, весёлых птиц и смеющиеся лилии. Ему вспомнилась фраза, которую он слышал в гамбургском кукольном театре: «Так человек природой награждён: когда смешно, смеяться может он!» Здесь было всё наоборот: смеялись звери, а человек глядел на мир

сурово и беспощадно.

Когда они спустились на первый этаж музея, Треч остановился побеседовать с директором, которому уже дали знать о посещении музея бароном. Тем временем Тим вышел через распахнутую высокую дверь на небольшой балкончик. Посмотрев вниз, он увидел под балконом маленькую девочку — она рисовала веточкой какие-то линии на площадке перед входом в музей, а потом выкладывала по ним узор из пёстрых камешков. Как видно, она только что побывала в том зале, где была выставлена мозаика, и теперь пыталась сама выложить картину мозаикой.

Тим стал следить за узором и заметил, что он постепенно превращается в лицо с иконы, только рот на этом лице не такой, как на иконах, а полукругом, концами кверху: это лицо улыбалось.

Задумчиво поглядев на свою картину, девочка положила зелёный камешек вместо глаза. И вдруг, откуда ни возьмись, выскочил какой-то мальчишка, посмотрел, оттопырив губы, на её почти готовое творение и проехался по нему носком башмака. Лицо разбилось. Девочка с испугом взглянула на юного варвара, и из глаз её покатались крупные слёзы. Всхлипывая, она стала снова старательно собирать и укладывать камешки. Мальчишка стоял рядом с ней, засунув руки в карманы. Взгляд его выражал мужское презрение.

Тима охватило бешенство. Он хотел сбежать вниз и заступиться за девочку. Но как только обернулся, увидел барона: тот стоял за его спиной, вероятно тоже наблюдая за этой сценой.

— Не вмешивайтесь, господин Талер, — сказал он с улыбкой. — Конечно, весьма огорчительно, что этот мальчик так поступил. Но так уж повелось на земле. Так же варварски, как этот молодой человек растоптал картину, топчут грубые солдатские сапоги вдохновенные произведения искусства, а когда война позади, те же самые варвары с поджатыми губами отпускают средства на восстановление разрушенного. А зарабатываем на этом мы. Наша фирма реставрировала после окончания войны больше тридцати церквей в Македонии, и прибыль от этого составила около миллиона драхм.

Тим заученно пробормотал свою обычную фразу:

— Я приму это к сведению, барон. Но сейчас, — добавил он, — мне хотелось бы пойти пообедать.

— Отличная мысль! — рассмеялся Треч. — Я знаю здесь один превосходный ресторан под открытым небом.

И, не удостоив больше ни единым взглядом картины на стенах и детей на площадке у входа, барон зашагал к воротам музея, у которых стояла его машина. Тим молча последовал за ним.

Ресторан, к удивлению Тима, оказался совсем не таким шикарным, как те, в каких обычно любил обедать Треч. В саду, уставленном столиками, их почтительно приветствовали хозяин заведения, директор и старший кельнер. Барон говорил с ними по-гречески, а с Тимом — по-немецки. Знатных гостей провели к угловому столику, специально для них накрыли его белоснежной скатертью, поставили цветы, принесли из помещения подсобный маленький стол для посуды. Все посетители ресторана следили за этими приготовлениями с напряжённым вниманием. Некоторые шептались,

украдкой указывая на Тима.

— Разве и здесь мой портрет напечатан в газетах? — шёпотом спросил Тим.

— О, разумеется, — ответил барон, не позаботившись даже о том, чтобы хоть немного понизить голос. — В Греции, господин Талер, ничему так не удивляются, как богатству, потому что страна эта очень бедна. Для таких, как мы, Греция — прямо рай. Даже в этом захудалом ресторанчике нам подадут воистину королевский обед. Я хочу сказать, что его, не колеблясь, можно было бы предложить самому королю. Здесь богатству оказывают королевские почести. Потому-то я так и люблю Грецию.

Треч, наверное, ещё долго бы разглагольствовал в том же духе, вызывая у Тима глухое раздражение, если бы не вошёл кельнер и не шепнул ему что-то на ухо.

— Меня вызывают к телефону! Мой любимый ресторан уже широко известен, — сказал он Тиму. — Извините!

Барон поднялся и последовал за кельнером в помещение.

Тим стал теперь наблюдать за столиком, стоявшим наискосок от его стола. Это был единственный столик, откуда на него не бросали назойливых любопытных взглядов. Он увидел там две семьи. Одна состояла из полной черноволосой мамы с родинкой на щеке и двух дочек: младшей — лет пяти, и другой — года на два постарше; вторая семья играла возле стола в олеандровом кусте. Она состояла из большой серой мамы-кошки и трёх котят — двух чёрненьких и одного серого.

Мама-гречанка очень нервничала; мама-кошка — тоже. Когда младшая девочка влезла на клумбу, выпачкалась и потянула в рот листья, мама с родинкой наградила её сердитыми шлепками. С каждым новым шлепком малышка ревела всё безутешнее.

Мама-кошка вела себя точь-в-точь так же. Как только какой-нибудь из её котят приближался к ней или прыгал ей на хвост, она сердито фыркала. Один чёрный котёнок преследовал её особенно упорно. Вдруг он плаксиво мяукнул: она изо всех сил хлопнула его лапой по голове, правда спрятав при этом когти; тоже, можно сказать, отшлёпала. Котёнок опять попытался к ней приблизиться, и она снова шлёпнула его лапой. Мяуканье и детский рёв становились всё громче.

Тим отвёл наконец взгляд: он больше не мог смотреть на всё это. Как раз в эту минуту возвратился барон. И снова оказалось, что он наблюдал за той же сценой, что и Тим, и как бы угадал его мысли. Садясь на своё место за столиком, он сказал:

— Как видите, господин Талер, разница между человеком и зверем не так уж велика. Она, так сказать, едва уловима.

— Я уже знаю три совершенно различных мнения на этот счёт, — в некотором замешательстве ответил Тим. — В одной пьесе, которую я видел в гамбургском театре, говорилось, что смех отличает человека от зверя — ведь только человек умеет смеяться. Но на иконах в музее было всё наоборот: смеялись цветы и звери, а люди — никогда. А теперь, барон, вы мне говорите, что между человеком и зверем вообще нет никакой разницы.

— На свете нет таких простых вещей, чтобы их можно было исчерпать одной фразой, — ответил Треч. — А зачем нужен человеку смех, дорогой господин Талер, вообще никто точно не знает.

Тим вспомнил вдруг одно замечание Джонни и повторил его вслух, скорее для

самого себя, но всё же достаточно громко, чтобы барон мог его расслышать:

— Смех — это внутренняя свобода.

На Треча эта фраза произвела совершенно неожиданное действие. Он затопал ногами и заорал:

— Это тебе сказал рулевой!

Тим посмотрел на него с удивлением, и вдруг он ясно понял, почему барон купил у него смех. Он понял и другое. Так вот чем нынешний барон Треч так сильно отличается от мрачного господина в клетчатом с ипподрома! Нынешний барон стал свободным человеком. И его привело в бешенство, что Тим разгадал его тайну.

Тем не менее барон, как всегда, тут же овладел собой и с обычной светскостью умело переменял тему разговора:

— Положение на масляном рынке, господин Талер, становится для нас угрожающим. Мне придётся завтра же с руководящими господами нашей фирмы обсудить необходимые срочные меры. Такие совещания обычно устраиваются в моём замке в Месопотамии, и я надеюсь, что вы не откажетесь меня туда сопровождать. То, с чем вам необходимо ещё ознакомиться в Афинах, мне придётся показать вам как-нибудь в другой раз.

— Как вам угодно, — ответил Тим с наигранным равнодушием.

На самом же деле у него не было более страстного желания, чем увидеть месопотамский замок — таинственное убежище, где барон, словно паук в углу, плёл свою паутину.

Что касается самого Треча, то ему, как видно, совсем не хотелось покидать Афины. Когда принесли и поставили на стол заказанные блюда, он глубоко вздохнул:

— Вот и последняя наша трапеза в этой благословенной стране. Приятного аппетита!

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЛАБИРИНТ

*Смех — не маргарин...
Смехом не торгуют.*

Селек Бай

Лист двадцать первый

ЗАМОК В МЕСОПОТАМИИ

Тим уже во второй раз летел в маленьком двухмоторном самолёте, принадлежащем фирме барона Треча. Они поднялись с аэродрома на рассвете, и ему едва удавалось отличать в окошке самолёта море от неба. И вдруг он увидел внизу, за темневшим вдали гористым островком, солнечный шар. Казалось, солнце вынырнуло из моря — так быстро оно взошло.

— Мы летим на восток, навстречу солнцу, — пояснил Треч, — в Афинах оно взойдёт немного позже. Мои подданные, в том числе и слуги в замке, поклоняются солнцу. Они называют его Эш Шемс.

Тим ничего не ответил — он молча смотрел вниз, на море: свинцово-серое, оно всё светлело и светлело, пока не стало бутылочно-зелёным.

Тим не боялся лететь по воздуху, но и не радовался полёту. Он даже не удивлялся. Тот, кто не умеет смеяться, не может и удивляться.

Барон объяснял ему теперь «положение на масляном рынке», которое было Тиму глубоко безразлично. Тем не менее он усвоил, что фирма перессорилась с большинством крупных молочных хозяйств и что какая-то другая фирма, объединившая предпринимателей Норвегии, Швеции, Дании, Германии и Голландии, поставляет на рынок более качественное и более дешёвое масло, чем фирма Треча. По этой-то причине они и летят сейчас в замок в Месопотамии. Там барон надеется «выяснить существо вопроса» и «принять необходимые меры». Два других господина тоже вылетели по направлению к замку: один из них, некий мистер Пенни, — из Лондона; другой, синьор ван дер Толен, — из Лиссабона.

Самолёт уже пролетел над Анатолийским плато, а барон всё ещё говорил о сортах масла и о ценах на масло. При этом он то и дело употреблял такие выражения, как «фронт сбыта», «завоевание потребителя», «подготовка наступления на рынок», словно был генералом, готовящимся выиграть крупную битву.

Когда барон сделал паузу, Тим сказал, чтобы принять какое-нибудь участие в разговоре:

— У нас дома всегда ели только маргарин.

— На маргарине не разживёшься. Хлеба с маслом, как говорится, из него не сделаешь, — буркнул барон.

— Почему? — возразил Тим. — Мы всегда его мазали на хлеб! У нас и жарили на нём, и пекли, и тушили овощи.

Теперь барон стал слушать его внимательнее.

— Выходит, для вас маргарин был и смальцем, и постным маслом, и сливочным — так, что ли?

Тим кивнул.

— Наверное, в одном только нашем переулке каждый день уходило не меньше бочки маргарина.

— Интересно, — пробормотал Треч. — Весьма интересно, господин Талер!

Тактический манёвр с маргарином — переход в наступление, завоевание масляного рынка... Почти гениально!

Барон погрузился в размышления; казалось, он застыл в своём кресле. Тим был рад, что барон оставил его в покое; он разглядывал в окошко самолёта пронесившиеся под ним горы и долины, вершины и ущелья, и караваны ослов, двигавшиеся по горам из разных мест в одном направлении — очевидно, туда, где сегодня был базарный день. Лётчик, чтобы доставить удовольствие мальчику, старался лететь как можно ниже, и Тим мог довольно хорошо разглядеть погонщиков и погонщиц ослов. Правда, все лица представлялись ему с высоты одинаковыми светлыми кружочками — с бородой и усами или без бороды и усов, — и ему приходилось судить о людях, проходивших внизу, только по их одеждам. А костюмы их были так непривычны для его взгляда, что и люди представлялись ему фантастическими персонажами, каких можно увидеть разве что в цирке. Но, конечно, это была суцая чепуха, потому что если бы проходившие внизу были причёсаны и одеты так, например, как жители его родного города, Тим не нашёл бы в них ничего необычного, пожалуй, кроме чуть более тёмной кожи. Но четырнадцатилетнему мальчику, так неожиданно очутившемуся в дальних странах, можно, пожалуй, и простить такое неверное представление о никогда не виданных народах. Впрочем, уже очень скоро Тиму пришлось убедиться, познакомившись с Селек Баем, что о новых знакомых и о других народах никогда не следует судить чересчур поспешно.

Этот Селек Бай выехал верхом из оливковой рощицы в ту самую минуту, когда самолёт приземлился на площадке, расположенной высоко в горах, и Тим самым первым спустился по трапу на землю. Треч приветствовал подъехавшего Селек Бая на арабском языке с изысканной любезностью. Низко поклонившись, он незаметно шепнул Тиму:

— Это самый крупный коммерсант среди солнцепоклонников и их глава. Он получил высшее образование в вашем родном городе. Сейчас начнёт говорить с нами по-немецки. Отвечайте ему почтительно и поклонитесь как можно ниже.

Селек Бай обратился к Тиму, приведя его этим в некоторое замешательство. Старик был одет в очень странный костюм; впрочем, отдельные части этого костюма Тим постепенно, кажется, начинал узнавать: рубашка, жилет, пиджак и что-то вроде длинного халата. Кроме того, цветной платок, повязанный вокруг живота, и, наконец, юбка, какие носят женщины, из-под которой выглядывали длинные шаровары. Всё это было замечательно ярких и красивых цветов, среди которых особенно выделялся оранжево-красный. На тёмном бородатом лице Селек Бая почти не было морщин. Из-под густых бровей внимательно глядели на Тима умные голубые глаза.

— Я полагаю, молодой человек, что вы и есть тот самый знаменитый наследник, о котором кричат все газеты, — сказал он по-немецки с удивительно хорошим произношением. — Приветствую вас и да благословит вас бог.

Старик поклонился, и Тим последовал его примеру. Его смятение возросло: ведь этот человек, пожелавший ему божьего благословения, был главой солнцепоклонников! Но Тим давно уже научился скрывать свои чувства. Он вежливо ответил Селек Баю:

— Я очень рад познакомиться с вами. Барон мне много о вас рассказывал. (Это было неправдой, но Тиму приходилось теперь часто слышать подобную вежливую ложь, и он научился ей подражать.)

Открытая коляска на высоких колёсах с парой лошадей в упряжке доставила их к замку.

Селек Бай сопровождал их всю дорогу верхом, беседуя с бароном по-арабски.

Когда коляска обогнула оливковую рощицу, их взглядам открылся замок, возвышающийся над отлогим склоном горы: чудовищное нагромождение из кирпичей с зубчатыми башенками по углам крыши и головами драконов, извергающими дождевую воду.

— Не думайте, пожалуйста, что это я сам выстроил такое страшилище, — обратился барон к Тиму. — Я купил эту штуку у одной взбалмошной английской леди исключительно потому, что мне люб этот уголок земли. Только парк здесь разбит по моему собственному плану.

Парк, спускавшийся террасами вниз по склону горы, был выдержан во французском стиле. Кусты и деревья, подстриженные в виде кеглей, шаров и многогранников, были рассажены, казалось, не без помощи циркуля и линейки — такими прямыми выглядели здесь аллеи, такими круглыми — площадки и клумбы. Каждая терраса отличалась от другой своим орнаментом. Все дорожки были посыпаны красным песком.

— Как вам нравится парк, господин Талер?

Эта оболваненная природа, растения, которые так безжалостно обкорнали, показались Тиму несчастной жертвой человеческой тупости, и он ответил:

— По-моему, это хорошо решённая арифметическая задача, барон!

Барон рассмеялся:

— Вы выражаете своё неодобрение очень вежливо, господин Талер. Должен отметить, что вы отлично развиваетесь!

— Когда такой молодой человек говорит не то, что он думает, — это значит, что он развивается очень плохо, — вмешался в разговор Селек Бай, перегнувшись в седле в сторону коляски.

Он сказал это довольно громко, стараясь заглушить скрип колёс.

Треч возразил ему что-то по-арабски, и, как показалось Тиму, довольно резко. Верховой ничего не ответил барону. Он только поглядел на мальчика долгим задумчивым взглядом. Вскоре он попрощался и, огибая холм, поскакал в сторону дальней горы.

Барон, посмотрев ему вслед, сказал:

— Золотая голова, только чересчур уж высокоморален. Он прочёл в заграничных газетах, что я выдал гроб пастуха Али за мой собственный, а сам, не долго думая, превратился в моего брата-близнеца. Конечно, он будет молчать, но за это требует, чтобы я в порядке покаяния выстроил для его единоверцев новый храм. И пожалуй, мне не остаётся ничего другого, как пойти на это.

— Если бы я мог, я бы сейчас рассмеялся, — серьёзно ответил Тим.

Но вместо него рассмеялся барон. Он смеялся с переживаниями, с коротким

счастливым, захлёбывающимся смешком в конце каждой рулады. И на этот раз Тима не угнетал его собственный смех. Он даже был рад, что теперь смех его всегда рядом с ним, так близко, что, кажется, протяни руку — и достанешь. Иногда ему даже думалось, что когда-нибудь он и в самом деле быстро протянет руку и схватит свой смех, — выпал бы только подходящий случай. Он не понимал, что это только так кажется. Тим решил сопровождать барона всегда и повсюду.

Коляска остановилась у подножия широкой лестницы, которая вела вверх от террасы к террасе, до самого замка. Отсюда, снизу, она казалась гигантской, почти бесконечной. Но что было в ней самое удивительное — это собаки: каменные фигуры собак, стоявшие на ступеньках по обе стороны лестницы. Словно оцепенев в своём каменном молчании, они глядели, вытаращив глаза, вниз, в долину. Здесь были, наверное, сотни собак самых разных пород: доберман-пинчеры, таксы, сеттеры, фокстерьеры, афганские борзые, чау-чау, спаниели, боксёры, шпицы и мопсы, — яркая цветная керамика. Получалось, что справа и слева, вдоль всей лестницы, вход в замок охраняет огромная пёстрая свора.

— Старая леди была большой любительницей собак, — пояснил барон.

А Тим ответил:

— Да, это заметно.

Треч собирался было дать указание кучеру ехать по извилистой горной дороге, начинающейся слева от лестницы, как вдруг из-за керамического бульдога, стоящего примерно на середине лестницы, вышел какой-то человек и помахал им рукой.

— Это синьор ван дер Толен, — сказал Треч. — Давайте вылезем и поднимемся к нему. Мне хотелось бы ошарашить его моими планами насчёт маргарина. Вот он изумится!

Они вылезли из коляски, и барон чуть ли не бегом бросился вверх по ступенькам. Тим медленно подымался вслед за ним, внимательно разглядывая керамических собак. Его не интересовали разговоры о маргарине. Откуда ему было знать, какую важную роль сыграет маргарин в его жизни!

Лист двадцать второй

СИНЬОР ВАН ДЕР ТОЛЕН

Внутреннее устройство замка доказывало, что барон, так любивший посещать выставки картин и художественных изделий, обладает в вопросах быта изысканным вкусом. Все предметы обстановки — даже пепельницы, дверные ручки и коврик в ванной — были просты, красивы и, очевидно, очень дороги. Комната Тима представляла собой приятное полукруглое помещение в одной из башен. Из окна её был виден парк и долина с оливковой рощицей. Даже маленький аэродром можно было разглядеть во всех подробностях: посадочная площадка, окружённая, согласно предписанию, прожекторами, а рядом с ней несколько ангаров для самолётов и низкое длинное строение, в котором размещались радиостанция и служба погоды.

Когда Тим выглянул из окна, он увидел на посадочной площадке два самолёта. Третий в эту минуту как раз приземлялся; какой-то пёстро одетый всадник неподвижно стоял возле белой стены длинного здания. Как видно, это был Селек Бай.

Вдруг Тим Талер услышал, что кто-то вполголоса зовёт его по имени:

— Господин Талер!

Тим отвернулся от окна и открыл дверь. За дверью стоял синьор ван дер Толен, с которым он вчера обменялся всего лишь несколькими вежливыми фразами на лестнице с собаками, так как барон почти без передышки болтал о маргарине.

— Нельзя ли мне поговорить с вами, господин Талер? Но так, чтобы об этом не узнал барон.

— Я ничего не скажу барону, если вы этого не хотите. Только где он сейчас?

— Он едет на аэродром встречать мистера Пенни.

Синьор ван дер Толен вошёл тем временем в комнату и расположился в плетёной качалке. Тим запер дверь и сел на скамеечку, стоящую в углу, — теперь он мог смотреть в окно, не выпуская из поля зрения комнату.

Ван дер Толен, как Тим заметил уже в первую встречу, был человеком не слишком разговорчивым. Об этом можно было судить хотя бы по форме его рта. Рот ван дер Толена представлял собой прямую узкую линию — только концы её чуть заметно загибались кверху — и был похож на закрытую пасть акулы.

— Я пришёл к вам в связи с тем, что завещание о наследстве юридически ещё окончательно не оформлено, — сказал этот португалец с голландской фамилией. — Речь идёт об акциях с правом решающего голоса, о так называемом контрольном пакете акций, принадлежащем барону. Вы разбираетесь в акциях?

— Нет, — ответил Тим, глядя в окно.

В эту минуту коляска барона подкатила к аэродрому.

Синьор ван дер Толен медленно раскачивался в плетёной качалке. Его белёсо-голубые глаза пристально смотрели на Тима сквозь стёкла очков. Взгляд у него был холодный, но не колючий.

— Так вот, с акциями дело обстоит следующим образом...

Барон, сидевший в коляске, обернулся и помахал Тиму рукой. Тим помахал ему в

ответ.

— Акции представляют собой долю участия в капитале...

Теперь разноцветный всадник отделился от белой стены. Селек Бай поскакал навстречу коляске Треча.

— Мне придётся пояснить мою мысль наглядным примером. Вы меня слушаете?

— Да, — ответил Тим и отвёл взгляд от окна.

— Итак, представьте себе, господин Талер, что решено разбить сад. (Тим кивнул.) Но человеку, который взялся за это дело, не хватает денег чтобы купить все нужные для сада молодые яблони, и он засаживает только одну часть сада. Остальные яблони покупают и сажают другие люди. Когда же яблони вырастают и начинают приносить плоды, каждый посадивший яблони получает такую часть яблок, которая соответствует количеству посаженных им яблонь. Причём в каждом году количество яблок, составляющих эту часть, разное.

Тим принялся считать вслух:

— Значит, если я из ста яблонь посадил двадцать и в саду собрали сто центнеров яблок, то я получу из них двадцать центнеров? Правильно?

— Не совсем! — Синьор ван дер Толен едва заметно улыбнулся. — Надо заплатить садовникам и рабочим. Кроме того, деревья, которые не принялись, необходимо заменить новыми. Но мне кажется, вы уже примерно поняли, что такое акции.

Тим кивнул:

— Акции — это те деревья, которые я посадил. Они — моя доля в саду и в урожае.

— Очень хорошо, господин Талер.

Синьор ван дер Толен снова начал молча раскачиваться в качалке, а Тим опять взглянул в окно. Коляска уже возвращалась с аэродрома обратно в замок. Селек Бай, как и вчера, сопровождал её верхом. Рядом с Тречем в коляске сидел полный, лысый господин.

— Барон уже возвращается в замок, синьор ван дер Толен.

— Тогда я коротко изложу вам мою просьбу, господин Талер. Завещание составлено таким образом, что новый барон...

— Как так новый барон? — перебил его Тим. Но тут он заметил по лицу коммерсанта, что тот ничего не знает о тайне барона. Поэтому он быстро добавил: — Извините, пожалуйста, что я вас перебил.

Несмотря на то что ван дер Толен глядел на него, высоко подняв брови, Тим не сказал больше ни слова. И синьор ван дер Толен начал сначала:

— Завещание составлено так хитро, что новый барон имеет возможность оспаривать в судебном порядке ваше наследство, если он этого захочет. Впрочем, это касается только его и вас... Меня здесь интересуют лишь акции с решающим голосом.

Тим увидел в окно, что коляска и всадник остановились у подножия лестницы. Господа, очевидно, вели оживлённый разговор.

— А что такое акции с решающим голосом? — спросил Тим.

— В нашем акционерном обществе, господин Талер, есть несколько акций стоимостью примерно в двадцать миллионов португальских эскудо. Те, кто владеет ими, имеют право решающего голоса в правлении общества. Только от них зависят все

решения — больше ни от кого.

— И я наследую эти акции, синьор ван дер Толен?

— Часть из них, господин Талер. Остальные принадлежат Селек Баю, мистеру Пенни и мне.

Мистер Пенни, очевидно, и был тот лысый толстяк, который сейчас медленно поднимался вверх по лестнице в сопровождении Треча и Селек Бая.

— И вы хотите купить у меня мои акции с решающим голосом?

— Если бы я и хотел, то всё равно не мог бы этого сделать. Пока вам не исполнится двадцать один год, акциями распоряжается барон. Но когда вы вступите в законное владение наследством, я охотно куплю у вас эти акции. Я предлагаю вам за них уже сейчас любое из предприятий нашей фирмы. Это предприятие будет принадлежать вам даже в том случае, если ваше право на наследство будет по какой-либо причине объявлено недействительным.

Португалец поднялся с качалки. Рот его снова превратился в закрытую пасть акулы. Он сказал на этот раз необычайно много по сравнению с тем, сколько говорил всегда. Теперь очередь была за Тимом. И Тим сказал:

— Я обдумаю ваше предложение, синьор ван дер Толен.

— Пожалуйста, обдумайте его, господин Талер! У вас есть на это ещё три дня.

С этими словами коммерсант вышел из комнаты Тима.

Когда Тим снова глянул в окно, лестница, ведущая к замку, была уже пуста.

Тим остался один. Здесь, в башне замка, сидел мальчик по имени Тим Талер, четырнадцати лет от роду, выросший в узком переулке большого города; мальчик без улыбки, но по власти и богатству — будущий король. Король — конечно, лишь в том случае, если такая корона будет иметь для него какую-нибудь ценность.

Тим до сих пор не имел ещё полного представления о размерах своего богатства. И всё же он знал, что громадная флотилия судов фирмы барона Треча пересекает моря и океаны. Он догадывался, что самые громадные рынки мира, как тот рынок в Афинах, изо дня в день и из года в год умножают его богатства; он представлял себе целую армию директоров, служащих и рабочих — сотни, тысячи, может быть, даже десятки тысяч людей, исполняющих его приказы. Эти картины щекотали самолюбие Тима. Он казался себе похожим на одинокого баварского короля из сказки о котором с таким восторгом рассказывала старенькая учительница в школе на уроке истории. Он мечтал, как проедет в золотой карете, сопровождаемый скачущим на коне Селек Баем, мимо булочной-кондитерской фрау Бебер, на глазах у всего переулка. А соседи будут стоять и смотреть на него, широко раскрыв рты.

На мгновение мальчик в башне забыл о своём потерянном смехе — он мечтал, он придумывал сказку о том, как он стал королём.

Но действительность выглядела по-иному. Действительность звалась маргарином и готовилась вскоре грубо напомнить ему о его потерянном смехе.

Лист двадцать третий

ЗАСЕДАНИЕ

В замке был специальный, обитый панелью зал для заседаний, посредине которого стоял длинный стол с глубокими креслами. Тот, кто входил в этот зал, сразу обращал внимание на картину в тяжёлой золотой раме, висевшую на стене против двери. Это был знаменитый автопортрет великого художника Рембрандта; искусствоведы всего мира считали эту картину пропавшей во время последней войны.

Под портретом во главе стола восседал барон. Слева от него сидели Селек Бай и Тим Талер, справа — мистер Пенни и синьор ван дер Толен. Разговор шёл о «положении на масляном рынке». Из-за Тима все говорили по-немецки, хотя для мистера Пенни это было весьма затруднительно.

В самом начале заседания (такие обсуждения почему-то всегда называют заседаниями, словно самое главное тут — сидеть на стуле), итак, в самом начале заседания мистер Пенни деловито осведомился, будет ли Тим и впредь принимать участие в тайных совещаниях. Селек Бай высказался «за», но остальные господа были решительно «против». Они считали, что мальчик должен участвовать в заседании только сегодня: во-первых, чтобы немного ознакомиться с делами концерна, а во-вторых, поскольку он должен сделать сообщение об употреблении маргарина в своём переулке.

Первым на повестке дня стоял вопрос о точильщиках ножей и ножниц в Афганистане. История эта оказалась довольно странной. Тим понемногу понял следующее: торговая фирма барона Треча раздарила в Афганистане около двух миллионов дешёвых ножей и ножниц. И не столько из чистого человеколюбия, сколько ради того, чтобы подзаработать. Эти ножи и ножницы обошлись компании по сорок пульей (мелких афганских монет) за штуку. Наточить же ножичек стоило пятьдесят пульей (пол-афгани). Поскольку ножи и ножницы были не слишком высокого качества, точить их приходилось, по крайней мере, дважды в год. А все точильщики в Афганистане были служащими фирмы барона, и некий Рамадулла, в недавнем прошлом разбойник с большой дороги, наводивший ужас на всю округу, держал точильщиков в строгой узде. Он снабжал их точильными камнями и клиентами, но требовал с них за это такую часть дохода, чтобы половина всех заработанных денег могла регулярно поступать в распоряжение фирмы. Легко себе представить, что оставалось после этого самим точильщикам.

Поэтому в Афганистане приходилось прилагать большие усилия, чтобы нанять точильщиков и обеспечить их работой. А в такой бедной стране это невозможно сделать с помощью радио, газет или рекламы. Ведь немногие здесь умеют читать, да и радио почти ни у кого нет. Поэтому пришлось оплатить уличных певцов, которым было поручено распевать по дворам «Песенку точильщика». В этой песенке — господа долго спорили о её словах и мотиве — не восхвалялось, как можно было бы подумать искусство точильщика, а воспевалась его бедность. И всё для того, чтобы заставить население точить ножи и ножницы хотя бы из сострадания. В переводе эта

песенка звучала примерно так:

Верти́тся, верти́тся, верти́тся,
Жужжит колесо и искрится!
За пол-афгани он нож вам наточит.
Бедняга! Как хлеба он хочет!
Бедняга, бедняга точильщик-бродяга!
Спешит в города он и сёла,
Согнувшись под ношей тяжёлой!
За пол-афгани он и ножницы точит!
Бедняга! Как хлеба он хочет!
Бедняга, бедняга точильщик-бродяга!

Последняя строфа должна была убедить слушателей, как счастлив точильщик, когда ему приносят ножи и ножницы:

Эй вы, молодые красотки!
У вас не найдётся ль работки?
За пол-афгани спасибо вам, люди!
Сегодня голодным не будет
Бедняга, бедняга точильщик-бродяга!

О том, что бедные точильщики отдают почти весь свой заработок Рамадулле, а тот, в свою очередь, переправляет большую часть собранных денег в этот замок, песенка, разумеется, умалчивала.

Тим думал всё это время о старике с глухонемой дочерью, точившем ножи и ножницы в его переулке. Может быть, и этот старик отдаёт большую часть своего заработка какой-нибудь торговой фирме? Его удручала мысль об этом дрянном королевстве, которое он должен унаследовать. И Селек Бай, как видно, угадал его мысли.

— Мне кажется, — сказал он, — что молодой человек не одобряет методов нашей фирмы. Надо думать, он придерживается мнения, что разбойник Рамадулла вовсе не переменял своей профессии, а просто грабит теперь несколько более цивилизованным способом. Должен сказать вам, господа, что я и сам так считаю.

— Ваше мнение нам известно, — вставил мистер Пенни.

А барон, заметно оживившись, добавил:

— Если в стране, истерзанной разбойниками, Селек Бай, нам удалось сделать разбойников более цивилизованными, это значит, что мы способствуем прогрессу. Позднее, когда эта страна благодаря нашей помощи превратится в страну с правом и порядком, наши методы торговли тоже, разумеется, станут вполне законными.

— То же самое вы говорили мне, — спокойно возразил ему Селек Бай, — когда речь шла о нечеловеческих условиях труда на плантациях сахарного тростника в одной

южноамериканской стране. Сейчас в этой стране с помощью наших денег избран в президенты всем известный вор и убийца, и положение в ней стало ещё хуже.

— Но этот президент почитает религию, — подал реплику мистер Пенни.

— В таком случае, я предпочёл бы более человеческого президента, не почитающего религии, — буркнул Селек Бай.

Теперь в первый раз за всё время попросил слова синьор ван дер Толен.

— Господа, мы ведь только простые коммерсанты и с политикой не имеем ничего общего. Будем надеяться, что мир со временем станет лучше, и тогда все мы будем торговать друг с другом как добрые друзья. А теперь я предлагаю перейти к главному: к маслу!

— Точнее говоря, к маргарину, — с улыбкой поправил его барон и тут же приступил к длинному докладу.

Доклад этот мало чем отличался от тех речей, какие Тим уже слышал от него в самолёте. Он говорил отнюдь не как мирный торговец, а как полководец, собравшийся стереть с лица земли своих врагов — других торговцев маслом.

Половину из того, что он говорил, Тим пропустил мимо ушей. В голове у него шумело. Он с недоумением задавал себе вопрос: для чего же тогда вообще торговать в Афганистане и Южной Америке, раз торговля непременно превращается там в такое мерзкое дело? Ему уже больше не хотелось получить в наследство королевство барона. Он испытывал отвращение к торговле, торговым сделкам и вообще ко всяким «делам». С тоской думал он про своё собственное «дело» — проданный смех.

Барон попросил Тима повторить всё, что он говорил ему в самолёте об употреблении маргарина в их переулке.

Тим стал рассказывать; и когда он кончил, в зале заседаний воцарилась тишина.

— Ми правда шлиском мало уделял внимание маргарин, — пробормотал мистер Пенни.

— А между тем наш концерн, — добавил синьор ван дер Толен, — достиг такого величия и богатства именно благодаря мелочам, в которых нуждаются бедные люди. Но маргарин мы совершенно упустили из виду. И это непростительно! Придётся организовать это дело совсем по-иному!

Теперь Тим немного успокоился. Он сказал:

— Мне всегда было обидно, что те, кто покупает масло, получают свою покупку в серебряной упаковке, а наш маргарин просто выковыривают лопаткой из бочонка и кое-как заворачивают в дешёвую бумагу. А мы не могли бы продавать бедным людям маргарин в красивой обёртке? Ведь денег у нас на это хватит!

Все четыре господина, вытаращив глаза от изумления, уставились на Тима. И вдруг, словно по команде, разразились громким хохотом.

— Господин Талер, ви просто необценими! — крикнул мистер Пенни.

— Решение было у нас под носом, но мы его не увидели! — смеясь, воскликнул барон.

Даже синьор ван дер Толен вскочил со своего кресла и вперил взгляд в Тима, словно увидел какого-то диковинного зверя.

Только старый Селек Бай оставался спокойным. Поэтому Тим обратился к нему и

спросил, что же такого особенного нашли господа в его предложении.

— Мой юный друг, — торжественно произнёс старик, — вы только что сделали открытие. Вы изобрели сортовой маргарин!

Лист двадцать четвертый

ЗАБЫТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Что такое сортовой маргарин и с чем, как говорится, его едят, Тим понемногу начал понимать в последовавшие за этим два дня: в замке ни о чём другом и не говорили. Даже слуги, казалось, шептались о маргарине по-арабски и по-курдски.

Согласно проекту акционерного общества барона Треча, на рынок должен был поступить сортовой маргарин с названием и в привлекательной обёртке. План введения в продажу этого маргарина разрабатывался во всех деталях, словно военный поход; все наиболее видные фабрики маргарина тайно скупались фирмой; все сорта маргарина исследовались в лабораториях; лучший из сортов надо было внедрить в производство всех фабрик фирмы и при этом найти наиболее выгодный способ его изготовления. И, самое главное, необходимо было подготовить грандиозную рекламу, чтобы убедить домашних хозяек покупать вместо дорогого масла «почти такой же полезный, но гораздо более дешёвый» сортовой маргарин. Таким образом безымянный плохой маргарин как бы сам собой вытеснялся с рынка.

Все эти приготовления решено было провести как можно скорее и в полной тайне, чтобы какая-нибудь другая фирма не перебежала дорогу акционерному обществу барона Треча. В течение этих двух дней велись переговоры по телефону со всеми крупными городами Европы; отправляли и получали телеграммы, самолёт то и дело доставлял по воздуху какого-нибудь господина, который запирался на несколько часов с бароном и тремя другими членами совета в зале заседаний, а затем в тот же день улетал обратно.

У Тима вдруг оказалось много свободного времени. Полдня он провёл в своей комнате в башне, снова и снова перечитывая коварный контракт, который подписал когда-то в тени большого каштана, — каким же он был тогда ещё маленьким и глупым! Нет, он не видел никакого выхода, не находил никакого способа вернуть обратно свой смех. Все эти разговоры о грандиозных торговых махинациях окончательно сбили его с толку, и он не замечал простого, короткого пути, который вёл к его потерянному смеху.

Но трое его друзей в Гамбурге нашли этот путь, и удивительный случай помог Тиму установить с ними связь.

Маленький телефон в комнате Тима резко зазвонил, и, когда Тим снял трубку, он услышал далёкий голос:

— Это говорят из Гамбурга! Кто у телефона? Барон?

На мгновение у Тима отнялся язык. Потом он крикнул:

— Это вы, господин Рикерт? Это я, Тим!

Далёкий голос стал теперь немного громче и отчётливее:

— Да, это я! Боже, мальчик, как нам повезло! Крешимир и Джонни были у меня.

Крешимир знает...

Но Тим не дал договорить господину Рикерту. Он перебил его, крикнув:

— Передайте привет Джонни, господин Рикерт! И Крешимиру! И вашей маме! И подумайте, пожалуйста...

Из— за плеча Тима к телефону протянулась рука и нажала на рычаг. Разговор был прерван. Тим обернулся, побледнев от испуга. За его спиной стоял барон. От радости и волнения Тим не услышал, как он вошёл.

— Вам придётся забыть своих старых знакомых, господин Талер, — сказал Треч. — Скоро вы получите в наследство королевство, в котором управляют числа, а не чувства.

Тим хотел было сказать: «Я приму это к сведению, барон», как говорил теперь часто. Но на этот раз он был не в состоянии овладеть собой. Сгорбившись у телефонного столика, он уронил голову на руки и заплакал. Словно издалека, он услышал, как кто-то сказал:

— Оставьте меня наедине с мальчиком, барон!

Раздались шаги, хлопнула дверь. И наконец всё стихло. Слышны были только рыдания Тима.

Старый Селек Бай бесшумно расхаживал по комнате. Потом он сел у окна и дал мальчику выплакаться.

Прошло много времени, прежде чем он сказал:

— Мне кажется, молодой человек, что вы слишком мягки для столь жестокого наследства.

Тим всхлипнул ещё разок, потом вытер слёзы белоснежным платочком, торчавшим из верхнего кармана его куртки, и ответил:

— Не хочу я никакого наследства, Селек Бай!

— Чего же ты тогда хочешь, малыш?

Тиму стало так хорошо оттого, что кто-то снова обратился к нему на «ты». Ему очень хотелось рассказать Селек Баю о проданном смехе. Но тогда он потеряет свой смех навсегда. И Тим промолчал.

— Ну ладно, — пробормотал старик. — У барона немало тайн, и одна из них — ты. Кажется, это страшная тайна.

Тим кивнул и опять ничего не ответил. Тогда Селек Бай переменял тему и рассказал мальчику, как он стал одним из заправил в этом богатом акционерном обществе.

— Им нужен был влиятельный человек для их коммерческих дел в Азии. Если бы взяли мусульманина, это вызвало бы недовольство в странах, где поклоняются Будде; а если бы выбрали кого-нибудь из буддистов, обиделись бы мусульмане. Поэтому и остановились на мне. Нас, солнцепоклонников, хоть и считают чудными, но уважают за великодушие. Из-за меня барон и купил себе этот замок.

— Но ведь многие дела их концерна вам совсем не по вкусу, — сказал Тим. — Почему же вы тогда в него вступили?

— Я пошёл на это с условием, что мне дадут акции с решающим голосом. И, представь себе, они согласились, малыш! Я принимаю участие в решении всех вопросов, и иногда мне удаётся кое-что изменить, правда не так уж много. А кроме того... — Селек Бай хитро улыбнулся, хихикнул и продолжал уже шёпотом: — Кроме того, все те миллионы, которые приходится на мою долю благодаря прибылям акционерного общества, я тайком употребляю на борьбу с этим обществом. В Южной

Америке я оплачиваю армию, которая рано или поздно сбросит с престола того самого вора и убийцу, которого мы посадили на пост президента. А в Афганистане...

В дверь постучали, и Селек Бай тут же умолк.

— Открыть? — тихонько спросил Тим.

Старик кивнул. Мальчик открыл дверь, и в ту же секунду в комнату влетел взволнованный мистер Пенни; до сих пор Тим всегда видел его спокойным и чопорным.

— Что такие значит... эти чертови... эти проклятый... эти, как их?...

— Говорите по-английски, — сказал Селек Бай, — я переведу мальчику.

Теперь мистер Пенни пустил поток своего красноречия в английское русло. Потом он вдруг замолчал, указал на Тима и сказал Селек Баю:

— Пожалуйста, переводить ему.

Но старый Селек Бай попросил англичанина прежде всего успокоиться и сесть и, когда мистер Пенни, обессиленный, бросился в качалку, сказал Тиму:

— Барон только что отстранил Рикерта от должности директора нашего гамбургского пароходства. А так как мистер Пенни владеет большей частью акций пароходства, он протестует против его увольнения. Он утверждает, что господин Рикерт пользуется в Гамбурге большой любовью и может выйти большой скандал. А это повредит интересам пароходства. Мистер Пенни считает, что увольнение произошло по вашей вине.

— По моей вине? — изумлённо переспросил Тим, сильно побледнев.

— Йес, да, ваш вина! — Мистер Пенни снова вскочил с качалки. — Барон... э... как это э... барон... э... барон... он говорит...

Тим, конечно, и сам понимал, что увольнение господина Рикерта связано с разговором по телефону. Но то, что барон взвалил на него вину, было дьявольской подлостью. Уж кто-кто, а Тим никак не мог пожелать, чтобы господин Рикерт вылетел со службы.

Селек Бай вдруг направился к двери, сказав на ходу мистеру Пенни:

— Поговорите немного по-немецки с молодым человеком. Это поможет вам говорить медленно и спокойно.

С этими словами он исчез.

Толстяк из Лондона плюхнулся на скамейку у окна, где только что сидел Селек Бай, и простонал:

— Я не могу понимать это!

Сначала Тим хотел ему сказать, что барон просто наврал. Но разговор с синьором ван дер Толеном, о котором он часто думал, снова пришёл ему на память, и это натолкнуло его на спасительную мысль.

— Мистер Пенни, — сказал он, — вы ведь, конечно, знаете, что, когда мне исполнится двадцать один год, я получу в наследство много акций с решающим голосом?

— Йес, — пропыхтел из угла мистер Пенни.

— Если б я заключил с вами контракт, подтверждающий, что вы получите эти акции, как только я стану совершеннолетним, согласились бы вы уступить мне сейчас

акции гамбургского пароходства?

Мистер Пенни сидел в своём углу не шевелясь. Он только чуть прищурил глаза. Тим слышал его тяжёлое дыхание. Наконец англичанин хрипло спросил:

— Это не трюк, господин Талер?

— Нет, мистер Пенни. Я говорю это без всякой задней мысли.

— Тогда закройте дверь.

Тим так и сделал и за запертой дверью заключил договор с мистером Пенни, который надо было хранить в такой же строгой тайне, как и контракт с Тречем: ни при каких обстоятельствах он не должен был попасться на глаза барону. Жаль только, что во владение акциями пароходства можно было вступить не сразу: по закону Тим мог получить их только через год. Но, пожалуй, так было даже лучше. Во всяком случае, для тех планов, которые Тим строил в эту бессонную ночь.

Это были грандиозные планы. Тим придумывал, как он с помощью Селек Бая припрёт к стене акционерное общество барона Треча — самый богатый и могущественный концерн во всём мире. И тогда у барона останется только один выход: вернуть Тиму его смех. Иначе он потеряет в одно мгновение всю свою власть и богатство.

План этот был безумием. Даже если бы Селек Бай согласился принять в нём участие, он был бы наверняка обречён на провал. Тим только входил в мир крупных торговых сделок и недооценивал возможности и связи такого вот мирового концерна. Он недооценивал и господ, с которыми имел дело. Каждый из них, не задумываясь, обрёл бы на нищету жену и детей, если бы это могло спасти фирму от разорения. Он недооценивал их цепкость, жестокость и железную хватку.

Тим был слишком мал и неопытен для выполнения такого плана. А смех его можно было вернуть куда более простым и лёгким путём — при помощи всего лишь нескольких слов. Но, находясь всё время рядом с бароном, он совсем отвык от всего простого и разучился о нём думать.

Около четырёх часов утра — Тим всё ещё не мог заснуть — он перечитал договор, заключённый с мистером Пенни. Взгляд его упал на дату: «Тридцатое сентября». Это был день его рождения.

Тиму исполнилось пятнадцать лет. День, в который другие мальчики его возраста обычно жуют пироги и смеются, оказался для Тима днём тайных сделок и коварных замыслов. И заговорщик, только что строивший мрачные планы, снова превратился в печального мальчика без улыбки. Тим заплакал от отчаяния. Потом глаза его сомкнулись, и он уснул крепким, почти спокойным сном.

Лист двадцать пятый В КРАСНОМ ПАВИЛЬОНЕ

День в замке проходил по строгому распорядку. Ровно в восемь часов утра раздавался стук в дверь, и молодой приветливый слуга, с которым Тим, к сожалению, не мог обменяться даже несколькими словами, входил, не дожидаясь разрешения, в его комнату и раздвигал занавески; затем он приносил кувшин с тёплой водой и выливал её в умывальник.

Умывшись и одевшись, Тим дёргал толстый вышитый шнур звонка. И слуга входил снова, неся на подносе завтрак. Он придвигал столик к окну, расставлял на нём посуду, наливал в чашку какао, добавляя сахару и сливок, и ждал, положив руки на спинку стула, пока мальчик захочет сесть. Тогда он пододвигал ему стул. Затем бесшумно исчезал.

В первый день слуга широко улыбнулся мальчику. Но уже со второго дня он никогда больше не улыбался. Лицо его было скорее печальным, словно он знал о беде Тима.

Тим принимал все эти услуги молча. И хотя он чувствовал участие слуги и тот ему нравился, он всё равно всякий раз был доволен, что церемония завтрака уже позади и он может посидеть один у окна.

Наутро после ночи, проведённой почти без сна, Тиму было трудно подняться с постели. К тому же в комнате было ещё довольно темно; он слышал, что за окном льёт как из ведра. Несмотря на это, он сразу встал, и ритуал умывания и завтрака прошёл как обычно. Тим, сопровождая повсюду барона, научился самообладанию и дисциплине.

Во время завтрака Тим глядел в окно; ему была видна часть лестницы, ведущая к замку. Разноцветные собаки ярко блестели под дождём. И всё же, окоченевшие и застывшие, они выглядели жалкими и беспомощными. У Тима было такое чувство, словно скоро и он сам превратится в одну из таких собак, если ему не удастся снова стать смеющимся мальчиком.

Зазвонил телефон. В трубке раздался голос барона. Он приглашал Тима к пяти часам на чай в Красный павильон.

— Хорошо, барон! — ответил Тим, продолжая завтракать.

При этом он обдумывал, что бы могло означать это приглашение по телефону. До сегодняшнего дня барон, если хотел поговорить с Тимом, просто подымался в башню и входил к нему в комнату. Очевидно, была какая-то особая причина для встречи в павильоне.

Во время обеда — начало его ежедневно возвещал гонг ровно в час дня, и тогда Тим спускался по винтовой лестнице с резными перилами в столовую на первый этаж, — так вот, во время обеда барон не сказал ему больше ни слова о приглашении к чаю, хотя Тим сидел с ним рядом.

Селек Бай, всегда приходивший в замок только после обеда, на этот раз тоже сидел за столом. У Тима возникло ощущение, что этим утром состоялось какое-то

особо важное совещание. Однако господа ни разу не упомянули о нём за обедом. Это вообще был самый безмолвный обед из всех, на которых присутствовал Тим за время своего пребывания в замке.

Послеобеденные часы каждый обычно проводил в своей комнате. Тим чаще всего в это время читал — у него здесь была небольшая библиотека. Больше всего он любил тома в красновато-коричневых холщовых переплётках, стоявшие на самой нижней полке. Это были книги Чарлза Диккенса. Он проглатывал романы о бедных, обездоленных детях, словно пироги фрау Бебер, но каждый раз его пугал в них счастливый конец.

Три романа он просто не смог дочитать до конца, потому что заметил, что дело идёт к счастливой развязке.

Этот дождливый день был словно создан для чтения грустных книг. Но Тим на этот раз не стал читать. Он сидел на скамейке у окна и глядел вдаль — на серую долину, над которой всё лил и лил дождь, — и пробовал восстановить в памяти свои ночные планы. Но голова его словно опустела — он не мог думать. Он только смотрел на дождь, и на мокрых собак, печально сидящих на лестнице, и на закрытую повозку, которую тащит ослик; как и каждый день, в этот послеобеденный час она двигалась к замку с запасами продовольствия.

Без четверти пять в комнату вошёл молодой слуга, держа в руке зонтик. По выражению его лица Тим понял, что тот собирается проводить его к Красному павильону. Но Тим, взяв у него зонтик, знаками дал ему понять, что хочет пойти туда один.

Потом он надел лёгкий плащ, купленный на рынке в Афинах, и вышел из комнаты.

На верхней ступеньке винтовой лестницы стоял Селек Бай. Он пожал Тиму руку и тайком передал ему при этом авторучку. Хотя поблизости никого не было, Селек Бай сделал это с соблюдением всех мер предосторожности. Он шепнул Тиму:

— Подписывай этим!

И прежде чем Тим успел что-либо спросить, старик уже снова исчез. Тим сунул авторучку в карман, спустился с лестницы и прошёл через зал к высокой входной двери, которую распахнул перед ним старый слуга.

Но не успел Тим выйти на дождь, как кто-то его окликнул:

— Минуточку, господин Талер!

Из-за колонны вышел синьор ван дер Толен. Он кивнул старому слуге, чтобы тот удалился, и спросил вполголоса:

— Вы обдумали моё предложение, господин Талер? Вы обещаете мне ваши акции с решающим голосом, а я дарю вам за это крупное предприятие. Вы согласны?

Тим чуть было не сказал: «Я уже заключил сделку с мистером Пенни». Но этот печальный, дождливый день имел хотя бы то преимущество, что несколько охлаждал первый пыл. Поэтому, прежде чем дать ответ, Тим успел подумать. И ответ его прозвучал более благоразумно:

— Я не могу заключить с вами эту сделку, синьор ван дер Толен.

— Жаль, — сказал португалец, не изменившись в лице.

Больше он не произнёс ни слова. Он уже повернулся, чтобы идти, но потом

остановился и сказал:

— Надеюсь, вы, по крайней мере, пойдёте нам навстречу в наших планах насчёт маргарина, господин Талер.

С этими словами он ушёл окончательно.

Тим не мог понять, существует ли между этими встречами какая-нибудь связь. Сначала таинственная авторучка Селек Бая, потом синьор ван дер Толен со своим неясным замечанием насчёт маргарина.

«Не хватало ещё встретить мистера Пенни», — подумал Тим.

И мистер Пенни не замедлил явиться.

Когда Тим под зонтом стал спускаться вниз по широкой каменной лестнице, он увидел, что мистер Пенни, тоже под зонтиком, стоит возле каменной борзой, с которой стекает дождевая вода.

— Очень прошу сохраняйт полное молчание о наш маленький договор естердей, — обратился он к Тиму. — Я хотел сказайт: «вчерашний».

— Я приму это к сведению, — ответил Тим, как он отвечал теперь часто.

У мистера Пенни, как видно, было ещё что-то на уме, но он никак не мог решиться об этом заговорить. Кивнув на прощание, он отошёл от Тима и стал подыматься вверх по лестнице.

Тим был растерян. Судя по всему, его предстоящая беседа с бароном имела для всех членов акционерного общества исключительно важное значение. Иначе зачем бы они стали один за другим останавливать его по дороге и вести с ним такие странные разговоры?

В глубокой задумчивости шагал Тим к павильону.

Красный павильон стоял на средней террасе парка. Наверное, он был так назван из-за огненно-красного петуха, венчающего его купол, потому что сам павильон был вовсе не красный, а белый. Подстриженные кусты и деревья были похожи сейчас на элегантных господ, застигнутых врасплох дождём; казалось, они продрогли до костей, дожидаясь чьей-нибудь помощи. Тим довольно быстро миновал аллею, ведущую к павильону. Барон уже ждал его, стоя у приоткрытой стеклянной двери.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал он. — Вас задержали?

— Да, — ответил Тим, и барон не стал его больше расспрашивать.

В круглом холле павильона стояла лёгкая мебель, обтянутая полосатым шёлком жёлтых и светло-коричневых тонов. Служанка разлила по чашкам чай из русского самовара и собралась уже уходить, но Тим заметил, что у неё нет зонта, и окликнул её:

— Подождите, пожалуйста, минуточку!

Когда женщина обернулась, он подал ей свой зонтик.

Служанка, казалось, была этим чуть ли не испугана. В смятении она вопросительно взглянула на барона. Но тот рассмеялся и сделал ей знак рукой исчезнуть вместе с зонтом, что она и исполнила без промедления.

— Ваши маленькие любезности, господин Талер, производят на людей большое впечатление. Продолжайте в том же духе, только не перебарщивайте, держитесь в определённых границах.

Барон помог Тиму снять плащ, и оба они сели за стол.

— Видите ли, господин Талер, — заметил барон, — всё человечество делится на две части: на рабов и господ. В наше время пытаются стереть эту границу, но это очень опасно. Должны быть люди, которые думают и отдают приказы, и люди, которые выполняют эти приказы не думая.

Тим, прежде чем ответить, спокойно допил свой чай.

— Когда я был ещё маленьким, барон, мой отец сказал мне однажды: «Не верь в сказки про рабов и господ, малыш. Есть люди умные и люди глупые — вот и всё; и презирай глупость, если она не добра!» Я тогда записал это в мою школьную тетрадку, потому и помню до сих пор.

— Ваш отец говорил практически то же самое, что и я, господин Талер. Потому что умные — это и есть господа, а глупые — рабы.

— Селек Бай рассказывал мне, — возразил Тим, — что во многих странах господином становится только тот, кто случайно им родился.

— Рождение — это не случайность, — мрачно пробормотал Треч. — К тому же, господин Талер, Селек Бай — коммунист, только сам он этого не знает. Но я-то знаю, что он оплачивает в Южной Америке армию, которая должна свергнуть назначенного нами президента. И, кроме того, я знаю, что он собирается натравить в Афганистане точильщиков на нашего уполномоченного Рамадуллу.

— Вы и это знаете?

Тим сделал такое изумлённое лицо, что барон расхохотался.

— Я знаю намного больше, чем вы подозреваете! — воскликнул он смеясь. — Я знаю даже о вашем договоре с мистером Пенни, господин Талер. И я подозреваю, какое предложение сделал вам синьор ван дер Толен.

На этот раз Тим захлебнулся чаем. Уж не умеет ли Треч читать мысли?

Но осведомлённость барона объяснялась гораздо проще. Он сам рассказал об этом Тиму:

— Каждый слуга в этом замке одновременно выполняет у меня обязанности шпика. Вы не заметили, господин Талер, что на вашем письменном столе лежит новая промокашка?

— Нет.

— А на такие мелочи всегда следует обращать внимание. Если подержать вашу старую промокашку перед зеркалом, то на ней можно довольно легко разобрать ваш договор с мистером Пенни.

В это мгновение Тим окончательно понял, что по части «дел» ему никогда не догнать барона. Планы и мечты этой ночи рассеялись, словно пар над чайной чашкой. Он проиграл очередной тур в борьбе за свой смех.

— Вы собираетесь что-нибудь предпринять против Селек Бая и мистера Пенни, барон?

Барон снова рассмеялся и сказал:

— Нет, дорогой мой. С меня вполне достаточно, что я в курсе дела. Конечно, я несколько огорчился, когда узнал, что они замышляют. Но ведь как раз для того, чтобы не принимать огорчения близко к сердцу, я и приобрёл ваш смех. Он приносит мне облегчение и даёт чувство свободы. Как видите, господин Талер, я употребляю ваш

смех с полезной целью.

— Вы, кажется, всё на свете употребляете с полезной целью, барон.

— С двумя исключениями, господин Талер! Мой интерес к картинам не имеет никакой полезной цели, так же как и мой интерес к рели... Нет, — перебил он сам себя, — мой интерес к религии тоже имеет свою полезную цель.

Тим поскорее переменял тему разговора — ведь на этот раз в комнате не было подходящей люстры. Он спросил:

— А как же будет с договором, который я заключил с мистером Пенни?

— Ну, господин Талер, получит ли мистер Пенни акции с решающим голосом, зависит ведь от того, действительно ли вы по исполнении двадцати одного года унаследуете всё моё имущество, в том числе и эти акции. Остальные пункты договора, разумеется, остаются в силе. Ровно год спустя, считая с сегодняшнего дня, вам будет принадлежать большинство акций нашего гамбургского пароходства. Вам, очевидно, хотелось бы восстановить господина Рикерта в должности и спасти его поруганную честь?

— Да, — прямо ответил Тим.

— Ну что ж, будем надеяться, что через год он будет ещё жив и здоров.

Последнее замечание, сделанное Тречем как бы вскользь, испугало Тима. Барон, без всякого сомнения, был способен на всё, даже на то, чтобы каким-нибудь путём погубить господина Рикерта. Значит, разумнее всего Тиму сделать вид, что судьба господина Рикерта не так уж близко его касается. Поэтому он сказал:

— Мне неприятно, что господин Рикерт потерял место из-за нашего краткого разговора по телефону. Потому я и заключил договор с мистером Пенни.

Треч подлил себе в чай рому из маленького хрустального графинчика и спросил:

— И вам глоточек?

Тим кивнул. Барон подлил рому и ему, а потом сказал:

— Я хочу сделать вам одно предложение, господин Талер. Не поддерживайте в течение года никаких отношений с господином Рикертом и другими вашими друзьями из Гамбурга. Тогда я позабочусь о том, чтобы акции гамбургского пароходства действительно перешли через год в ваше владение. Согласны?

— Да, — ответил Тим, немного помолчав. — Я согласен.

Про себя он думал: «Ещё целый год без смеха — это, конечно, очень тяжело. Но всю жизнь без смеха — невыносимо. Надо перетерпеть этот год. Может быть, в конце его я пойму, как мне одурачить барона. Конечно, насчёт „дел“ мне с ним никогда не сравниться, но, возможно, мне удастся найти его слабое место, поймать его на чем-нибудь совсем простом».

И, словно разгадав мысли Тима, Треч тут же сказал:

— Я предлагаю вам, господин Талер, посвятить этот год кругосветному путешествию. Мы отправимся в путешествие вдвоём не как представители фирмы, а просто как частные лица. Это мой подарок вам ко дню рождения. Кстати сказать, примите мои сердечные поздравления, хотя и с некоторым опозданием!

Послышался звонкий, залиvistый смех, и Тим почувствовал пожатие холодной руки.

— Большое спасибо, — сказал Тим. И отхлебнул глоток горячего чая.

— А вы знаете, господин Талер, что вы сейчас пили ром рулевого Джонни?

— Что?

— Вы забыли в Генуе две бутылки рома, которые выиграли у рулевого. Их принесли в отель, а я приказал доставить их сюда, чтобы вы могли насладиться своим выигрышем. В мелочах я всегда очень щепетилен.

Тим ничего не ответил. Он только снова повторил про себя поговорку Джонни: «Научи меня смеяться, рулевой!»

Треч перебил его мысли:

— Теперь перейдём к делу, господин Талер! Поговорим о маргарине.

— Хорошо, барон, перейдём к делу!

Лист двадцать шестой

МАРГАРИН

Барон поднялся со своего места и, держа руки за спиной, стал расхаживать взад и вперёд по павильону. Он обратился к Тиму с небольшой речью:

— Вам известно, господин Талер, что запланированный нами сортовой маргарин должен иметь привлекательное, запоминающееся название. Желательно, чтобы оно связывалось в памяти покупателя с чем-то хорошо ему знакомым. Мы долго совещались, выбирая это название, так как оно чрезвычайно для нас существенно. Эффектное название товара — это чистая прибыль.

Тим кивнул. Он всё ещё не понимал, какое отношение всё это имеет к нему. Но это ему предстояло сейчас узнать.

— После того как было отвергнуто немало разных названий, — барон продолжал ходить взад и вперёд по павильону, — Селек Бай внёс предложение, которое мы единогласно признали самым удачным. Надо вам сказать, что Селек Бай, несмотря на некоторые свои странные идеи, очень полезный для нас человек. Но это так, к слову. Хотите знать, как он предложил назвать маргарин? «Тим Талер».

Треч остановился и посмотрел на мальчика сквозь тёмные стёкла очков — теперь он их почти никогда не снимал.

Лицо Тима оставалось спокойным. Казалось, он отнёсся к предложению Селек Бая с полным равнодушием, даже, пожалуй, с недоумением. Поэтому барон стал расписывать выгоды этого предложения.

— Вы должны понять, господин Талер, что ещё никогда и нигде в мире не было сортового маргарина. Если мы, хорошо подготовив удар, неожиданно атакуем покупателя широким ассортиментом, нам удастся овладеть мировым рынком маргарина. В некоторых южноамериканских странах мы, скорее всего, сможем даже купить монополию на торговлю маргарином. Это означает, господин Талер, что ваше имя будет на устах у людей всего мира — от Нью-Йорка до Токио, от Стокгольма до Багдада. Даже в самой захудалой лавчонке в самой отдалённой персидской деревне будут продавать маргарин с вашим именем. И повсюду будут развешаны — голубые на жёлтом фоне — фотопортреты смеющегося мальчика: ваши портреты!

С этого мгновения Тим весь превратился в слух. Он тихо спросил:

— Как же я буду смеяться, если я не могу смеяться?

— Это уже другой вопрос, господин Талер. И к нему я сейчас перейду. Но сначала покончим с главным: вы согласны с названием маргарина?

Тим ответил не сразу.

Теперь он понял, почему акционерному обществу так выгодно это название маргарина. Он, Тим Талер, — знаменитый богатый наследник; его имя, его портреты то и дело появляются в газетах всего мира. Значит, не маргарин должен прославить его имя, а наоборот: его уже знаменитое имя должно послужить прославлению маргарина.

— Я должен сразу решить этот вопрос, барон?

— Да, сегодня, господин Талер! В этом павильоне! Хотя маргарин появится на

рынке только через год, важнейшие решения должны быть приняты в ближайшие дни. Ведь для подготовки наступления на рынок придётся потратить невероятные деньги. Наша ставка так высока, что в случае провала всё наше акционерное общество может вылететь в трубу.

Тим сунул руку в карман пиджака и вдруг нащупал авторучку Селек Бая. Замечание Треча, что акционерное общество может вылететь в трубу из-за маргарина, всё ещё звучало у него в ушах. Может быть, Селек Бай хотел при помощи этой авторучки помочь обществу «вылететь в трубу»? А что, если Селек Бай его тайный союзник?

Словно в задумчивости, Тим вынул из кармана авторучку и стал играть ею, чтобы в нужный момент она оказалась у него в руке.

Он ничего не потеряет, если маргарин будет называться его именем. Зато если Селек Бай окажется на его стороне, это огромный выигрыш. И Тим решил довериться Селек Баю.

— Передайте всем господам, барон, что я согласен!

Треч вздохнул с заметным облегчением. Впрочем, он выглядел совершенно спокойным.

— Тогда, — сказал он, — вам придётся подписать ещё один контракт. Вот он!

Чашки отодвинули в сторону, и на столе перед Тимом оказались два экземпляра контракта. Барон ожидал, что Тим сначала хотя бы прочтёт текст. Но Тим, боясь, что Треч предложит ему другую ручку, тут же поставил свою подпись авторучкой Селек Бая.

После этого каждый лист дважды подписал барон: один раз — от имени акционерного общества, второй — как опекун Тима. Тим не обратил на это никакого внимания.

— Выпьем за маргарин «Тим Талер», Тим Талер!

Барон взял с буфета два гранёных стаканчика и налил в них рому. Стаканчики со звоном стукнулись друг о друга. Тим и сам не знал, пьёт ли он за своё счастье или за своё несчастье. То, что ром этот был из бутылки Джонни, казалось ему хорошим предзнаменованием.

Барон Треч снова сел на своё место и стал рассказывать, как он представляет себе рекламу маргарина «Тим Талер»:

— Мы поведаем всем, как бедный маленький мальчик из узкого переулочка тронул сердце богатого барона; как тот сделал его наследником всего своего состояния и как этот мальчик позаботился, чтобы все бедняки из узких переулочков могли мазать на хлеб хороший и дешёвый маргарин.

— Да ведь это сплошное враньё! — возмутился Тим.

— Вы говорите прямо как Селек Бай, — вздохнул Треч. — Реклама никогда не бывает враньём. Тут всё дело в освещении фактов.

— В освещении фактов?

Барон кивнул.

— Видите ли, господин Талер, ведь что касается самих фактов, то все они совпадают: вы действительно провели своё детство в узком переулочке, действительно

стали наследником барона и даже сортовой маргарин — это ваша идея. Дело только в том, чтобы придать этим фактам верное освещение. И вот уже наша трогательная сказочка готова. Это очень хорошая реклама. Конкуренты будут взбешены. В этом вы можете целиком положиться на нас, господин Талер. А теперь поговорим-ка лучше о вашем фотопортрете.

— О фотопортрете смеющегося мальчика?

— Вот именно, господин Талер. Я сам начинающий фотолобитель и хочу на этот раз попробовать свои силы. Я сфотографирую вас сам. Всё уже подготовлено.

Треч отодвинул в сторону занавес, за которым, как почему-то представлялось Тиму до этой минуты, должна была находиться маленькая кухня. Но оказалось, что там стоит укрепленный на штативе фотоаппарат, а рядом с ним — стул, на спинке которого висит поношенный мальчишеский джемпер. Но больше всего ошеломил Тима огромный стенд позади стула: это была гигантская фотография его родного переулка. Как раз в середине переулка находилась дверь его старого дома. Всё до мельчайших подробностей было как на самом деле. Тим узнал даже узкую щель в стене соседнего дома, куда прятал когда-то монетку в пять марок. Ему почудилось, что он чувствует запах перца, тмина и аниса.

— Наденьте, пожалуйста, этот джемпер и встаньте перед стендом, господин Талер! — сказал Треч, осторожно перенося фотоаппарат вместе со штативом на середину павильона.

Тим исполнил всё, о чём просил его Треч, словно во сне. Картины прошлого одна за другой всплывали в его памяти. Отец. Мачеха. Бледный Эрвин. Подруга мачехи, приходившая к ней по утрам пить кофе вон из того дома налево. А справа — булочная-кондитерская фрау Бебер. Воскресенья. Скачки. Допрос. Господин в клетчатом. Контракт.

Тиму пришлось на мгновение опуститься на стул. Треч возился с фотоаппаратом.

Наконец всё было готово. Барон придал джемперу, который надел Тим, нарочито небрежный вид, слегка растрепал Тиму волосы и поставил его в нужной позе перед фотографией переулка. Потом, отступив на несколько шагов, скрылся за фотоаппаратом.

— Так хорошо, господин Талер. Так и стойте. А теперь повторяйте за мной: «Я беру займы мой смех только на полчаса. Под залог моей жизни!»

— Я беру займы мой смех... — Голос Тима прервался.

Но барон тут же пришёл ему на помощь:

— Говорите по частям, с перерывами — вам это будет проще. Итак: «Я беру займы мой смех...»

— Я беру займы мой смех...

— «Только на полчаса».

— Только на полчаса.

— «Под залог...»

— Под залог...

— «...моей жизни!»

— ...моей жизни!

Не успел Тим выговорить последнее слово, как Треч сунул голову под чёрную материю. «Как Петрушка в кукольном театре», — подумал Тим, чувствуя непреодолимое желание смеяться, и... рассмеялся. Смех словно поднялся откуда-то изнутри, защекотал в горле... и Тим разразился таким хохотом, что у него из глаз покатались слёзы. Павильон словно гудел от смеха, окна в нём дребезжали; стул, стоявший рядом, трясся, будто тоже смеясь вместе с Тимом. Мир, казалось, вот-вот снова обретёт равновесие. Тим смеялся!

Барон, накрывшись чёрной материей, переживал, когда кончится этот смех. Его рука, готовая включить «юпитер», дрожала.

Тим, понемногу успокоившись, состроил гримасу и спросил:

— Это и есть та маргариновая улыбка, которая нам нужна, барон?

На душе у него было радостно, легко, спокойно. Барон всё ещё казался ему похожим на Петрушку. Он не верил, что всё это только на полчаса. Он был убеждён, что его смех будет теперь с ним всегда. К Тречу, сидевшему под чёрным платком, к барону без смеха, он чувствовал что-то вроде сострадания. Даже квакающий, сдавленный голос, дававший ему сейчас указания, вызывал у Тима скорее сочувствие, чем насмешку. Он послушно выставил вперёд правую ногу, нагнул голову немного набок, улыбнулся, сказал по просьбе Треча: «Кусок орехового торта», — и в памяти его в эту минуту словно зазвенел колокольчик; а когда барон выключил «юпитер», снова приставил правую ногу к левой и рассмеялся с облегчением.

— Надеюсь, снимок получился удачный, барон!

Тим хорошенько потянулся после утомительного стояния в одной и той же позе и радостно улыбнулся в объектив фотоаппарата. Треч всё ещё возился под чёрным платком. Он заявил из своего укрытия, что на один-единственный снимок никак нельзя полагаться. Необходимо сделать по крайней мере ещё три.

— И всё ради полфунта маргарина! — рассмеялся Тим.

Но он не противился барону, а, наоборот, послушно следуя его замечаниям, принимал всякий раз нужную позу и предоставлял тому сколько угодно фотографировать себя с улыбкой во весь рот.

После четвёртой, и последней, фотографии Тим так устал позировать, что ему показалось, будто прошёл уже, по крайней мере, час. На самом же деле до получаса не хватало ещё двух минут, но это даже не приходило ему в голову. Тим не догадывался и о том, почему Треч всё ещё прячет своё лицо под чёрной материей. Он подошёл к фотоаппарату, откинул чёрный платок и, смеясь, спросил:

— Вы что, потихоньку изготавливаете здесь маргарин, барон?

Внезапно смех его смолк: снизу на него смотрело злое лицо с поджатыми узкими губами и чёрными стёклами очков вместо глаз — лицо господина в клетчатом.

Тим понял, что его собственный смех вводил его в заблуждение: этот человек никогда не отдаст ему назад его смех, его свободу. Этот человек был страшен.

Но смех, наполнявший сейчас всё, его существо, ещё раз обманул Тима — он заставил его насмешливо крикнуть:

— Не играйте в чёрта, барон! Вы проиграли! Больше вы меня не увидите!

В то же мгновение Тим очутился у стеклянной двери, рванул её и выбежал в одном

только старом джемпере на террасу парка под проливной дождь.

Хотя барон не сделал никакой попытки его преследовать, Тим как одержимый бросился бежать по узкой тропинке, обсаженной с обеих сторон высоким колючим кустарником. Эта тропинка вела от павильона к запутанным дорожкам парка.

Он побежал налево, направо, вперёд, потом опять направо, очутился вдруг перед густой зелёной стеной непроходимых зарослей, помчался назад и попал в тупик, из которого только что выбежал; снова ринулся назад, протёр рукой глаза, залитые дождём, и понял, что безнадёжно заблудился в этом странном лабиринте, из которого, кажется, был только один-единственный выход: вход в павильон.

И вдруг Тим почувствовал тяжесть во всём теле, словно ноги его, и руки, и голова наполнились чёрной водой. Он ощутил физически, всем своим существом, как покинул его смех. Он стоял словно парализованный между зелёными стенами этой тюрьмы. Дождь стекал струйками в лужи у его ног. Всё вокруг текло, струилось, плескалось, — бесконечный, безбрежный плач. А посередине стоял такой маленький Тим с серьёзным, грустным лицом.

Но вдруг его смех снова раздался рядом — такой, как всегда, с переливами, руладами, со счастливым, захлёбывающимся смешком. Тим не знал, смеётся ли он сам или это его смех отдаётся эхом где-то здесь, в высоких зелёных стенах. Но всё объяснялось гораздо проще: за его спиной стоял Треч.

— Вы попали в так называемый лабиринт, господин Талер, в Сад обманов. Пойдёмте, я вас выведу.

Тим покорно разрешил барону взять себя за руку, отвести в павильон, вытереть досуха и переодеть; покорно позволил одному из слуг проводить себя под зонтом в замок.

Только в своей комнате в башне он начал понемногу приходить в чувство. Но на это раз даже слёзы не принесли ему облегчения. Его охватило холодное бешенство. В приступе злобного отчаяния он схватил с полки красный бокал на высокой ножке и сдавил его с такой силой, что из руки потекла кровь.

Тим равнодушно смотрел, как стекло со звоном посыпалось на пол. Потом дёрнул вышитый шнур звонка и, когда появился слуга, показал рукой на осколки.

Слуга собрал и вынес стекло, промыл и перевязал Тиму руку и сказал впервые за всё это время четыре слова:

— Мой нет доносчик, пожалиста!

— Может быть, — ответил Тим. — Может быть, это и правда. Во всяком случае, спасибо вам за то, что вы так приветливы со мной.

В это мгновение в дверях появился Селек Бай. Он выслал слугу из комнаты, потом уставился на перевязанную руку Тима.

— Ты не подписал? Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного, Селек Бай. Я подписал.

— А где авторучка?

— Здесь, в кармане. Будьте добры, достаньте её сами.

Старик достал из его кармана авторучку, и Тим спросил:

— А для чего нужна была эта авторучка?

— Она наполнена такими чернилами, которые постепенно выцветают и в конце концов совсем исчезнут. Когда наше акционерное общество через год объявит о выпуске маргарина «Тим Талер», под договором в сейфе уже не будет вашей подписи. Тогда вы сможете опротестовать договор и помешать тому, чтобы маргарин выбросили на рынок. Но делать это надо только тогда, когда уже весь мир будет извещён о выпуске сортового маргарина.

— И тогда акционерное общество вылетит в трубу, Селек Бай?

Старик рассмеялся:

— Нет, малыш, для этого оно, несмотря на всё, чересчур крепко держится. Но концерн понесёт колоссальные убытки. А пока они сфабрикуют новый сорт маргарина, конкуренты тоже зря времени терять не станут. И всё же, несмотря на это, наша фирма со временем получит чудовищную прибыль благодаря сортовому маргарину. Но завоевать мировой рынок ей уже никогда не удастся.

Селек Бай сел на скамейку возле окна и стал глядеть на дождь. Не оборачиваясь, он сказал:

— Не знаю, удастся ли нам с тобой когда-нибудь перехитрить барона. Он соображает лучше, чем мы оба, вместе взятые. И всё же я попробую тебе помочь. Похоже, барон так взял тебя в оборот, что ты и смех потерял. А мне бы очень хотелось, чтобы ты опять научился смеяться...

Тим испуганно хотел ему что-то возразить, но Селек Бай только покачал головой.

— Лучше ничего не говори, малыш! Но и не возлагай слишком больших надежд на мои старания. Смех — это не маргарин, не товар для купли-продажи. Его не выменяешь, не выхитришь, не выторгуешь. Смехом не торгуют. Его можно только заслужить.

Зазвонил телефон. Так как правая рука Тима была перевязана, Селек Бай подошёл и снял трубку. Назвав себя, он немного послушал, затем прикрыл трубку рукой и сказал вполголоса:

— Какой-то господин из Гамбурга просит тебя к телефону.

Мысль Тима лихорадочно заработала. Он ведь дал обещание барону в течение года не поддерживать связи со своими гамбургскими друзьями. Если он его нарушит, с господином Рикертом может что-нибудь случиться. Значит, сейчас Тиму придётся обмануть своего старого друга и отказать ему в разговоре. Поэтому он приложил палец к губам и отрицательно покачал головой, а Селек Бай ответил:

— Господина Талера здесь нет. Он уже уехал.

И положил трубку, хотя заметно было, что делает это с большим сомнением. Немного погодя он вышел из комнаты. Тим, оставшись один, подошёл к окну и стал глядеть на дождь, который всё лил и лил не переставая.

Через год он станет владельцем гамбургского пароходства и тогда подарит его господину Рикерту; через год из-за его выцветшей подписи королевство маргарина рассыплется, как карточный домик; через год он снова увидит Крешимира и Джонни, господина Рикерта и его маму; через год...

Тим не решался дорисовать в своём воображении всё то счастье, которое ожидает его через год. Но он на него надеялся. И ещё он надеялся, что во время кругосветного

путешествия, которое ему предстоит совершить в обществе барона, ему удастся проявить спокойствие и чувство собственного достоинства.

А надежда — знамя свободы.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ ВОЗВРАЩЁННЫЙ СМЕХ

Кто смеётся, с тем сам чёрт не сладит!

Фрау Бебер

Лист двадцать седьмой

ГОД В ПОЛЁТЕ

Год кругосветного путешествия Тим провёл в полёте. Сначала маленький двухмоторный самолёт перенёс Тима и Треча в Стамбул. Тим снова смотрел с высоты на мужчин и женщин, гнавших своих ослов через горы. Но на этот раз они уже не казались ему такими чудными, как тогда, когда он увидел их впервые. Их одежды напоминали костюм Селек Бая и некоторых слуг в замке. И хотя он совсем не знал этих людей, проходивших там, внизу, они ему чем-то нравились. Он испытывал к ним невольную симпатию и сочувствие, вроде как к точильщикам в Афганистане.

В Стамбуле они пробыли неделю. Тим сопровождал барона в мечетях и картинных галереях и, пожалуй, начинал даже находить удовольствие в этом путешествии. Из-за последних событий в замке он совсем было пал духом и едва не потерял всякую надежду когда-нибудь вернуть свой смех.

Но теперь он снова верил, что через год всё будет по-другому. В те минуты, когда он думал о Селек Бае и о своих друзьях в Гамбурге, он чувствовал спокойную уверенность, что смех его по окончании этого путешествия сам собой упадёт ему в руки, как падает с дерева созревшее яблоко. Эта надежда таила в себе опасность, что Тим не станет ничего больше предпринимать, чтобы изменить своё положение, и примирится со своей злосчастной судьбой.

Но в то же время внешнее спокойствие Тима имело своё преимущество: барон считал себя в безопасности. Треч думал, что Тим и вправду смирился со своей участью, и стал менее пристально следить за мальчиком. С каждой неделей, с каждым месяцем росла его убеждённость, что Тим Талер всё больше и больше привыкает к роли богатого наследника и учится находить в ней удовольствие и что теперь он уже никогда не захочет променять образ жизни путешествующего миллионера ни на что на свете, даже на свой смех.

Тим и правда во время этого путешествия гораздо реже, чем раньше, вспоминал о своём потерянном смехе. В шикарных отелях к богатым постояльцам относятся с большой предупредительностью, и, если директор такого отеля замечает, что постоялец высокого ранга не любит смеяться, весь персонал отеля, начиная с швейцара и кончая горничной, словно по мановению директорской руки, перестаёт улыбаться в его присутствии.

Но жизнь даже для очень богатых людей состоит не из одних шикарных отелей. И когда Тим один или в сопровождении барона совершал прогулки пешком, он замечал — потому что не мог этого не заметить, — что мир полон смеха.

После Стамбула Тим во второй раз увидел Афины. За Афинами последовал Рим, за Римом — Рио-де-Жанейро, за Рио-де-Жанейро — Гонолулу, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Чикаго и Нью-Йорк. Затем они отправились в Париж, Амстердам, Копенгаген и Стокгольм, на Капри, в Неаполь, на Канарские острова, в Каир и на юг Африки. Потом полетели в Токио, Гонконг, Сингапур и Бомбей. Тим видел Кремль в Москве и мосты в Ленинграде, видел Варшаву и Прагу, Белград и Будапешт. И повсюду,

где бы ни приземлялся их самолёт, Тим слышал на улицах смех. Смех всего мира. Он слышал смех чистильщиков в Белграде и мальчишек-газетчиков в Рио-де-Жанейро; смеялись продавцы цветов в Гонолулу и цветочницы с корзинами тюльпанов в Амстердаме; паяльщик в Стамбуле улыбался так же, как водонос в Багдаде; люди шутили и хохотали на мостах Праги и на мостах Ленинграда, а в театре в Токио аплодировали и покатывались со смеху точно так же, как в театре на Бродвее в Нью-Йорке.

Человеку нужен смех, как цветку солнечный свет. Если бы случилось так, что смех вымер, человечество превратилось бы в зоосад или в общество ангелов — стало бы скучным, угрюмым и застыло в величественном равнодушии.

И каким бы серьёзным ни казался Тим барону и всем окружающим, в душе его жило страстное желание снова научиться смеяться. И каким бы он ни казался довольным, он с радостью поменялся бы судьбой с любым нищим в Нью-Йорке, если бы получил за это в придачу право смеяться вместе со всем миром!

Но его смехом распорядился другой человек, находившийся всегда рядом с ним, иногда на расстоянии всего лишь нескольких шагов, он безраздельно владел его звонким, залиvistым мальчишеским смехом. И Тим, как это ни печально, почти привык к этому. Его занимало теперь совсем другое. Он учился.

Он учился всему, что должен знать и уметь так называемый «светский молодой человек».

Он уже умел есть по всем правилам омаров, фазанов и чёрную икру; умел глотать устриц и выбивать пробку из бутылки с шампанским; умел говорить на тринадцати языках все приличествующие случаю любезные фразы, начиная с «очень рад был с вами познакомиться» и кончая «спасибо за честь и удовольствие»; он знал, сколько полагается давать на чай во всех знаменитых отелях мира; мог сказать экспромтом небольшую речь, обращаясь к графам, герцогам и принцам, соблюсти при этом все правила этикета и не ошибиться в титулах; он знал, какие носки и галстук подходят к костюму; знал, что после шести вечера не полагается надевать коричневые ботинки («After six no brown^[7]», — говорят англичане) и что нельзя отставлять мизинец, держа в руке чашку; он изучил немного французский, английский и итальянский — главным образом в пути и не пользуясь словарём, он научился проявлять заинтересованность, когда ему было скучно; научился играть в теннис, управлять яхтой, водить машину и даже чинить её в дороге. Он научился так хорошо притворяться, что барон был в полном восторге.

Хотя Треч почти в каждом городе вёл тайные переговоры о маргарине, Тима решили на этот раз пощадить. Ему разрешили делать, что он хочет. Только иногда ему приходилось здороваться и прощаться, а в крайнем случае, обедать или ужинать с каким-нибудь господином — или очень знаменитым (и тогда корреспонденты фотографировали их вместе), или таким, который мог оказаться полезным акционерному обществу. Так Тим познакомился с одним английским герцогом, который выступал в защиту точильщиков Афганистана, и с аргентинским фабрикантом мясных консервов, защищавшим привилегии английской аристократии.

Судя по календарю, Тим во время этого путешествия стал старше всего на год.

Скоро ему должно было исполниться шестнадцать. Но за эти месяцы он с бароном чуть ли не трижды облетел на самолёте весь земной шар. А мальчик со смекалкой мог за это время много чего узнать и обдумать. И Тим теперь знал, что булочная-кондитерская фрау Бебер, где пахло хлебом и сдобой, была ему бесконечно милее и дороже, чем какой-нибудь отель «Пальмаро» или замок в Месопотамии.

Кстати сказать, барон со странным упорством избегал путей, проходивших через родной город Тима. Тим не раз выражал желание его посетить, но Треч, который никогда в жизни не говорил прямо «нет», либо пропускал его просьбу мимо ушей, либо ссылаясь на неотложные дела в других городах.

Год кругосветного путешествия подходил к концу, и Тим особенно старательно разыгрывал перед бароном роль спокойного и счастливого наследника. Но чем ближе был день его рождения, тем больше он волновался. Когда барон начинал теперь смеяться в его присутствии, Тима охватывала дрожь. Однажды ночью — это было в Брюсселе — Тиму приснился во сне прошлогодний разговор по телефону с господином Рикертом в замке барона. Когда он проснулся, разговор этот всё ещё звучал у него в ушах, и он отчётливо помнил, как господин Рикерт сказал: «Крешимир знает...»

Что знает Крешимир? Путь к его потерянному смеху?

Тим твёрдо держал своё обещание ни при каких обстоятельствах не устанавливать связи со своими гамбургскими друзьями. Но он мечтал о том времени, когда кончится наконец этот год и его соглашение с бароном потеряет силу.

За несколько дней до дня рождения Тима они прилетели в Лондон, где мистер Пенни в присутствии барона вручил Тиму большой пакет с акциями. Это были акции гамбургского пароходства!

Мистер Пенни был уже осведомлён о том, что Треч прочёл на промокашке его тайный договор с Тимом Талером, и, оправившись от первого потрясения, нашёл эту новость очень приятной. Ведь барон так и так должен быть поставлен в известность о передаче акций.

В самолёте — наконец-то они летели в Гамбург! — Тим сказал барону:

— Вы говорили с мистером Пенни так же вежливо и любезно, как обычно. Разве вы на него не сердитесь, что он потихоньку от вас купил у меня акции с решающим голосом, которые я наследую?

Барон расхохотался:

— Мой дорогой господин Талер, я бы на месте Пенни поступил точно так же. За что же мне на него сердиться? У нас всё время идёт тайная борьба за акции с решающим голосом. Большею частью их на сегодняшний день владею я. Но не станем же мы выцарапывать из-за этого друг другу глаза. Мы словно львиная семья: когда добыча велика, мы сначала немного погрыземся при её дележе, но старый лев всегда получит львиную долю. А старый лев — это я. Зато как только добыча поделена, мы снова дружная львиная семья, и никому нас не разъединить.

— Даже Селек Баю? — тихо спросил Тим.

— Селек Бай, — в раздумье ответил Треч, — пожалуй, представляет собой некоторое исключение, господин Талер. Он воображает, будто очень хитёр и оборотист, а на самом деле это вовсе не так. Иногда он доставляет нам кое-какие неприятности.

Но в большинстве случаев его происки нас только забавляют. Вообще-то у нас его любят.

— А армия в Южной Америке?... — не удержался Тим.

— Эта «армия», господин Талер, состоит по большей части из наших людей. И оружие, которое Селек Бай покупает для солдат на свои личные деньги, поступает с наших военных складов. Так что деньги Селек Бая снова возвращаются в нашу фирму. Это такой круговорот. Как вода в природе. И те деньги, которые Селек Бай тратит в Афганистане на борьбу против нашего влияния, тоже текут главным образом в наш карман.

— А как обстоят дела с сортовым маргарином? — спросил Тим без всякой видимой связи.

Но барон тут же уловил скрытую связь. Он сказал:

— Попытка Селек Бая помешать нашим маргариновым планам — тоже одна из его дурацких затей.

Сердце Тима забилося сильнее. Знает ли барон, что он подписал контракт выцветшими чернилами Селек Бая? Тим не решался спросить его об этом. Но барон сам ответил на его вопрос:

— В той авторучке, которой вы подписали контракт, разумеется, были самые обыкновенные чернила, господин Талер. Слуга в доме Селек Бая — из моих людей. Он своевременно накачал в ручку другие чернила. Но даже в том случае, если бы ваша подпись на контракте исчезла, там осталась бы подпись вашего опекуна. Ведь я подписал каждый экземпляр дважды: один раз — за фирму, а другой — как ваш опекун.

Тим ничего не ответил. Он глядел через маленькое окно самолёта вниз на землю. Он видел башни — кажется, это были башни Гамбурга.

О, как хотелось сейчас Тиму быть самым обыкновенным, никому не известным мальчишкой и бегать где-нибудь там, внизу, по улицам! Этот мир акций, контрактов, крупных торговых сделок был ему не по силам — он в нём задыхался.

Он думал теперь о Джонни, Крешимире и господине Рикерте. Послезавтра, на следующий день после своего дня рождения, он сможет с ними увидеться.

Конечно, если они в Гамбурге. И если они ещё живы...

Лист двадцать восьмой

ВСТРЕЧА БЕЗ ПОЧЕСТЕЙ

Обычно, когда барон с Тимом выходили из самолёта на какомнибудь аэродроме, Треч пропускал Тима вперёд, так как в большинстве случаев их уже ожидала внизу толпа фоторепортёров. Но здесь, на гамбургском аэродроме, барон первым покинул самолёт и спустился на землю. На этот раз их никто не встречал: ни корреспонденты, ни фоторепортёры. Не было даже ни одного директора. Вместо «Добро пожаловать!» на стене таможни красовалась гигантская реклама фирмы:

ПАЛЬМАРО

Лучший в мире сортовой маргарин!

Вкусен, как масло, дешёв, как маргарин!

Годен для готовки, для пирогов, а также для бутербродов!

Тим внимательно рассмотрел плакат, потом взглянул на барона. Тот улыбался.

— Вас удивляет название маргарина, господин Талер? Видите ли, мы в течение этого года установили, что маргарин «Тим Талер» имеет свои минусы для заграницы. Во многих странах это имя трудно читается. Кроме того, в Африке предпочитают рекламы с улыбающимся чёрным мальчиком. Трогательная история о маленьком бедняке из узкого переулка тоже, оказывается, не всегда уместна: ведь наш маргарин должны покупать не только бедные люди.

Тем временем они прошли таможенный осмотр. Таможенники, не задав ни одного вопроса, поставили мелом кресты на ручном багаже Треча и Тима.

Выйдя из таможни, барон поднял руку и остановил такси, что весьма удивило Тима. Фирма на этот раз даже не выслала за ними машины. Но когда они сели в такси, Тим увидел в зеркало, что один из сыщиков, знакомый ему ещё по Генуе, оглядывается по сторонам в поисках другого такси, правда пока безуспешно.

В машине Треч продолжил начатый разговор:

— Так вот, мы решили назвать наш маргарин «Пальмаро». Это слово на всех языках мира звучит примерно одинаково. Да и пальма хорошо известна каждому. На севере по ней тоскуют, на юге она растёт у каждого порога.

— Значит, авторучка Селек Бая вообще не имела никакого смысла?

— Разумеется, — ответил Треч. Потом он нагнулся к шофёру такси и сказал: — Постарайтесь избегать центра, города, покуда это будет возможно.

Шофёр молча кивнул.

Барон снова откинулся на спинку сиденья и спросил:

— Что вы намерены предпринять с вашими акциями гамбургского пароходства, господин Талер?

— Я подарю гамбургское пароходство господину Рикерту, барон. — Стараясь говорить как можно спокойнее и равнодушнее, Тим пояснил: — Тогда, по крайней мере, моя совесть будет чиста. Ведь из-за меня он потерял место.

Шофёр, как видно, подъехал слишком близко к тротуару. Машина подпрыгнула.

— Да осторожней же, чёрт побери! — в бешенстве крикнул барон.

— Прощу прощения, — пробормотал шофёр.

Тиму вдруг показалось, что он уже где-то когда-то слышал этот голос. Он попробовал разглядеть в зеркало лицо шофёра. Но борода, тёмные очки и фуражка, надвинутая на лоб, закрывали его почти целиком.

Вдруг рядом с Тимом раздался весёлый, залиvistый смех.

— Я вижу, у вас ещё нет достаточно ясного представления о нашем акционерном обществе, — смеясь, сказал барон. — Вы не можете вот так, ни с того ни с сего, подарить наше гамбургское пароходство господину Рикерту, господин Талер.

— Почему?

— Получив этот пакет с акциями, вы стали всего лишь так называемым совладельцем. Правда, чистая прибыль фирмы от этого предприятия идёт главным образом в ваш карман. Однако распоряжается пароходством по-прежнему правление акционерного общества, а в него входят владельцы акций с решающим голосом: я, мистер Пенни, синьор ван дер Толен и Селек Бай.

— Значит, если господин Рикерт снова станет директором пароходства, вы можете в любой момент его уволить?

— В любой момент!

Шофёру такси пришлось теперь ехать медленнее, потому что он закашлялся. Как видно, он был простужен.

Тим, задумавшись, глядел в окно. Машина свернула в тихую улицу и поехала по берегу Альстера. Но Тим не заметил этого.

— Барон!

— Да, я вас слушаю!

— Вы заинтересованы в этих акциях гамбургского пароходства?

Треч испытующе поглядел на Тима. Лицо мальчика оставалось спокойным. До них уже доносился шум большой улицы, к которой они приближались.

Наконец барон ответил с таким безразличным видом, что Тим сразу угадал его волнение.

— Это пароходство — маленькая жемчужина, которой недостаёт в моей короне владыки морей. Само по себе оно не представляет такой уж ценности, но, как я уже сказал, могло бы украсить мою корону.

Когда барон так, как сейчас, вплетал в свою речь не идущие к делу цветистые обороты, это значило, что тема разговора ему не безразлична. Тим знал это. Поэтому он ничего не ответил и стал ждать вопроса, который должен был тут же последовать. И вопрос не замедлил последовать:

— Что вы хотите получить за эти акции, господин Талер?

Тим давно уже подготовил ответ. Несмотря на это, он сделал вид, будто только сейчас об этом задумался. Наконец он сказал:

— Дайте мне за них небольшое пароходство в Гамбурге, которое не принадлежит вашему акционерному обществу.

— Надеюсь, вы не собираетесь стать моим конкурентом, господин Талер? Имейте

в виду, что в таком случае вы попались бы в собственную ловушку.

— Нет, я говорю о таком пароходстве, с которым наше акционерное общество не имеет никаких точек соприкосновения. Может быть, какое-нибудь каботажное пароходство?

Барон наклонился к шофёру и спросил:

— Скажите, какое из гамбургских каботажных пароходств, по вашему мнению, самое доходное?

Шофёр на секунду задумался, потом ответил:

— «ГГП»: «Гамбург — Гельголанд — Пассажирское». Шесть пароходов. Рейсы зимой и летом. Находится во владении семьи Денкеро́в.

— А как найти господина Денкера?

Шофёр взглянул на свои ручные часы и ответил:

— Сейчас он в своей конторе, в гавани. Это на Шестом мосту.

— Доставьте нас, пожалуйста, к Шестому мосту и подождите там. Я отблагодарю вас.

— Не требуется, — буркнул шофёр.

И у Тима снова возникло чувство, что он уже когда-то слышал этот голос.

Немного не доехав до гавани, машина остановилась у светофора. Тим смотрел из окна на подъёмные краны и высокие мачты, на узор, вычерченный ими на серо-голубом сентябрьском небе. Хотя стекло в такси было поднято, ему казалось, что он вдыхает запах гавани — запах соли, дёгтя и водорослей.

Этот запах, околдовавший его воображение ещё прежде, чем он вдохнул его на самом деле, всколыхнул в нём множество воспоминаний. В этой гавани он напал на след барона; здесь он начал погоню, и, хотя ему пришлось продира́ться сквозь дремучие заросли, эта погоня не принесла ему добычи.

Теперь он вернулся к исходному пункту. Может быть, то, чего он не сумел добыть один, он добудет с помощью друзей.

Подъёмный кран раскачивал в воздухе огромный ящик, на котором была нарисована пальма. Тим едва обратил на это внимание. Он рассматривал прохожих. Он боялся пропустить Джонни, или Крещими́ра, или господина Рикерта. Они обязательно должны быть где-то здесь, среди этих кранов и мачт, в этом лесу, где цветут вымпелы. Но никого из них он не видел. Он даже не знал, удастся ли ему вообще разыскать их. Сердце его сдавила тоска. Только когда машина тронулась, ему стало немного легче от движения.

Барон тоже молча рассматривал порт во время остановки у светофора. Но он не мечтал: на огромный ящик с нарисованной на нём пальмой он глядел вполне трезвыми глазами. Он знал, что идёт погрузка маргарина «Пальмаро».

Во время дальнейшего пути мысли обоих пассажиров такси обратились к пароходству, которое они собирались сейчас купить: «Гамбург — Гельголанд — Пассажирское». Мысли Треча можно было бы выразить двумя словами: «выгодная сделка». Мысли и чувства Тима были гораздо многообразнее. Тоска его сменялась надеждой, предчувствие счастливого исхода перебивалось тайными опасениями. Ему самому это пароходство было совсем не нужно; ему нужно было только одно на свете:

его смех, его свобода. Но он должен был выиграть эту игру в бумажки — игру, которая называется сделкой. Он сам не возьмёт с собой ничего из своих богатств в новую жизнь, но пусть хоть его друзьям эти богатства принесут какую-нибудь пользу. Это пароходство поможет ему хоть немного выразить свою благодарность: всё равно он никогда не сумеет по-настоящему отблагодарить их за то, что они для него сделали.

Машина остановилась. Треч и Тим вышли и направились в «Главную контору ГГП», где, к своему удивлению, были встречены с распростёртыми объятиями господином Денкером-старшим — владельцем пароходства.

— Право же, удивительное совпадение, господа! — заявил он. — Я как раз раздумываю над тем, что хорошо бы продать моё пароходство, и вдруг в мою контору являетесь вы, чтобы его купить. Чудеса!

Господин Денкер, очевидно, не считал бы это совпадение столь удивительным, если бы узнал шофёра такси, ожидавшего барона и Тима. Но, к счастью, он его даже не видел. А если бы и увидел, то наверняка не узнал бы, как не узнал его Тим.

Кстати сказать, шофёр в эту минуту весьма озабоченно ощупывал свою бороду, время от времени украдкой поглядывая в зеркало. И вдруг он заметил в зеркале другое такси, остановившееся метрах в ста позади него, причём пассажир не вылез, а почему-то остался сидеть в машине.

Не прошло и часа, как барон и Тим вышли из конторы господина Денкера с так называемым «проектом договора» в кармане. Они даже успели тут же, за письменным столом Денкера, отпраздновать втроём это событие, выпив по три рюмки вина. Завтра должен был быть оформлен окончательный контракт по всем правилам закона.

Когда они подошли к такси, шофёр не то спал, не то притворялся спящим. Треч, который был сейчас в прекрасном расположении духа, сам открыл дверцу. Тим сел в машину с другой стороны.

Шофёр, казалось, только сейчас очнулся и плохо понимал, где он находится. Но когда барон приказал ему ехать в отель «Времена года», он не сразу сообразил, что от него требуется, и это выглядело весьма убедительно.

— Скажите, — обратился к нему Треч, когда такси тронулось, — вы знали, что «Гамбург — Гельголанд — Пассажирское» собираются продавать?

— Нет, — ответил шофёр. — Но это меня не удивляет. Сам Денкер уже староват для такого дела, а его дочери предпочли бы получить своё наследство наличными. Пароходство для них, надо думать, слишком грязная работа. А вас, если разрешите спросить, заинтересовало «ГГП»?

Барон, всё ещё в отличном настроении, ответил:

— Я уже почти что приобрёл его в собственность.

— Чёрт возьми, быстро это у вас получилось! Почти так же быстро, как в сказочке «Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!», если вы изволите знать эту забавную историю. Только прикоснись — и тут же приклеишься!

Беглый взгляд шофёра, брошенный в зеркало, скользнул по лицу Тима; при этих словах оно дрогнуло, затем снова застыло, словно окаменело. Тим, как это стало для него привычным за последнее время, овладел собой и сумел спрятать под маской равнодушия своё волнение.

Волнение это было вполне понятно: наконец-то шофёр помог ему намёком себя узнать. Барону же этот намёк должен был показаться вполне невинным. «Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!» — сказка, в которой принцесса научилась смеяться! Это был знак, которого Тим втайне ждал, — знак, что его друзья не дремлют.

«Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!» — первый сигнал к началу новой погони!

Теперь Тим знал совершенно точно, кто он, этот шофёр, который сидит впереди, повернувшись к нему широкой спиной. Что-то поднялось откуда-то из самой глубины его существа — нет, не смех, но что-то такое, что отнимает дар речи. Кажется, это называют «комоч подкатил к горлу».

Тем временем такси свернуло к берегу Альстера и подъехало к отелю. Шофёр вышел и растворил дверцу. Впервые он предстал перед ними во весь свой огромный рост.

У Тима больше не оставалось сомнений.

Когда барон расплатился и повернулся лицом к отелю, Тим с трудом удержался, чтобы не обнять великана. Хриплым от волнения голосом он шепнул:

— Джонни!

Шофёр на секунду снял огромные тёмные очки, в которых его почти невозможно было узнать, взглянул на Тима и громко сказал:

— До свидания, молодой человек! — и подал ему руку. Потом он снова надел очки, сел в машину и уехал.

В руке Тима остался обрывочек бумаги, крошечная записочка, собственно говоря, почти ничего. И всё же он чувствовал себя с этим клочком бумаги богаче, чем если бы в его руках оказались все акции концерна барона Треча... Включая акции с решающим голосом!

Почти счастливый, Тим вошёл вслед за Тречем в отель, в вестибюле которого их встречал с распростёртыми объятиями очередной директор.

«Какая честь, господин барон!» — казалось, говорили его руки, словно превратившиеся в чашу, полную восторга. Однако директор не успел выразить своё восхищение вслух, потому что барон приложил палец к губам.

— Прошу вас, никакой шумихи! Мы здесь инкогнито. Мистер Браун и сын — коммерсанты из Лондона.

Руки директора опустились. Он корректно поклонился:

— Весьма рад, мистер Браун. Ваш багаж уже прибыл.

Тиму всё это показалось на редкость забавным. Он мог бы сейчас даже обнять этого директора — так крохотная записочка в одно мгновение преобразила в его глазах весь мир.

Но Тим никого не обнял. Тим не рассмеялся. Да и как бы он мог это сделать? Он сказал серьёзно и вежливо, как привык говорить за эти долгие грустные годы:

— Благодарю вас!

Лист двадцать девятый

ЗАБЫТЫЕ ЛИЦА

Во время кругосветного путешествия Тим привык к тому, что за ним всегда, словно тень, следовал один из сыщиков, а то и оба вместе. Они выполняли своё задание незаметно и даже довольно тактично. Тим не раз узнавал на улицах разных городов обоих этих господ, ведь их лица примелькались ему ещё в Генуе. И это уже его не волновало, потому что он приучился разыгрывать во время путешествия послушного спутника Треча.

Теперь же, когда у него в кармане лежала драгоценная записочка, Тиму мерещился сыщик за каждой складкой портьеры. Он не решался достать и прочитать записку. Да и маскарадный костюм Джонни и его нарочитая сдержанность — всё это заставляло Тима предполагать, что за его друзьями следят точно так же, как за ним самим.

Наконец — барон в это время прилёг на часок отдохнуть — Тиму удалось скрыться в ванной комнате своего номера. Он закрылся на задвижку, сел на край ванны и вынул записку из кармана. Сложенная вчетверо бумажка была не больше почтовой марки. Когда Тим её развернул, одна её сторона оказалась исписанной микроскопическим почерком. Крохотные буквы невозможно было разглядеть невооружённым глазом. Нужна была лупа.

Но откуда было Тиму взять лупу? Складывая записочку снова вчетверо и пряча её в карман, он напряжённо думал. Попросить лупу у кого-нибудь из служащих отеля? Об этом сейчас же узнают сыщики. Купить? Сыщики тут же спросят в магазине, что сейчас купил этот мальчик. Как же достать лупу?

Тим услышал, что кто-то постучал в дверь и, очевидно, вошёл в его номер. Он подумал, что это Треч, и на всякий случай нарочно спустил воду в уборной. Потом тихонько отодвинул задвижку и вошёл в гостиную.

В гостиной стояли круглый стол и четыре кресла. В одном из них, прямо напротив Тима, сидела, вытянув шею, ярко накрашенная женщина, одетая до смешного пёстро и броско. Её волосы, похожие на солому, были завиты в локончики. В другом кресле, рядом с ней, сидел бледный юный верзила с огромной цветной бабочкой вместо галстука. Тиму вдруг показалось, что в комнате запахло перцем, тмином и анисом.

С мачехой и Эрвином эти люди имели лишь самое отдаленное сходство. И всё-таки это были они.

Тим остановился в дверях, не произнося ни слова. Он никак не ожидал такого визита. Он не был подготовлен к тому, чтобы снова увидеть эти лица. Ему понадобилось всего лишь одно мгновение, чтобы узнать их. Но прошло ещё некоторое время, прежде чем он разглядел, как в этих изменившихся лицах проступали прежние черты. И тут он впервые в жизни увидел, что это глупые лица.

Он вспомнил, вернее, снова услышал слова отца: «Презирай глупость, если она не добра». И теперь он ясно понял то, что только глухо и смутно чувствовал, когда был маленьким мальчиком. Он понял, что отец его уже тогда раскусил этих двоих, сидящих сейчас перед ним в креслах. Он понял, что ему удалось сохранить в детстве свой смех

только потому, что с ним был отец.

Глаза Тима наполнились слезами; не от растроганности, а оттого, что он долго не сводил взгляда с тех, кто сидел напротив. Лицо мачехи расплылось; перед глазами его стояло другое лицо — лицо той, которая подарила ему его смех: лицо матери. Чёрные волосы и блестящие чёрные глаза, смуглая кожа и весёлые полукруги возле уголков губ.

Так вот почему ему так понравились портреты в палаццо Кандидо в Генуе! Это было узнавание, воспоминание. С картин итальянских художников, с каждого портрета, на него глядело лицо его матери. Это были портреты его прошлого, целых поколений его предков. А может быть, и его будущего? Да, на это он надеялся.

Мачеха при появлении Тима вскочила с кресла, засемила, стуча высокими каблуками, ему навстречу и, не долго думая, повисла у него на шее. Тим, на которого нахлынули воспоминания о матери, в смятении обнял мачеху. Но теперь он уже не был больше бедным маленьким мальчиком из переулка. Он научился владеть и своим смятением, и своими порывами. Уже в следующую минуту он молча, мягко отстранил мачеху. И она покорилась. Всхлипнув разок-другой, она засемила назад к столу, где лежала её сумочка, торопливо достала из неё носовой платочек и несколько раз прижала его к глазам, опушённым наклеенными ресницами.

Теперь и Эрвин поднялся со своего кресла. Расхлябанной походкой двинулся он к сводному брату, подал ему мягкую, расслабленную руку и сказал:

— Здорово, Тим!

— Здорово, Эрвин!

Больше они ничего не успели сказать друг другу, потому что дверь распахнулась, и в комнату, запыхавшись, влетел барон.

— Кто это такие?

Конечно, барон догадывался, кто перед ним; и Тим прекрасно знал это. Тем не менее он вежливо представил ему своих непростых гостей.

— Разрешите познакомить вас с моей мачехой, фрау Талер, господин барон. А вот мой сводный брат Эрвин.

Затем он подчёркнуто официально, с хорошо заученным галантным движением руки представил им своего опекуна:

— Барон Треч.

Мачеха, подняв правую руку чуть ли не до подбородка Треча — очевидно, в расчёте на поцелуй, — прощбетала:

— Очень приятно, господин барон!

Треч не обратил на её руку никакого внимания.

— Не будем разыгрывать здесь спектакль, фрау Талер! Театр ваш, как говорят злые языки, всё равно погорел.

Мачеха, открывшая было рот, чтобы запальчиво возразить барону, вдруг изменила тактику. Она обернулась к Тиму и, изобразив на своём кислом лице сладкое восхищение, отступила на шаг назад и сказала:

— Ты выглядишь как настоящий светский молодой человек, мой мальчик! Я очень горжусь тобой. Мы всё прочитали о тебе в газетах. Правда, Эрвин?

Её сын раздражённо пробормотал что-то вроде «м-да». Судя по всему, его

отношение к матери ничуть не изменилось. Избалованный и зависимый от неё из-за своей беспомощности и неумения самостоятельно удовлетворять свои претензии к жизни, он в то же время стыдился её в присутствии других. Он использовал её животную любовь с большой выгодой для себя, но выносил эту любовь с трудом.

Тим был теперь рад, что эта любовь в своё время не распространилась на него. Она сломала бы его волю и сделала бы его неспособным к сопротивлению; он не выдержал бы того ада, каким была для него жизнь все эти последние годы. Эта встреча оказалась для Тима не просто полезной, она была ему необходима. Он снова увидел, что круг пройден, что он словно движется по спирали и сейчас находится как бы вновь у истока своего пути, только на несколько витков выше. Если начало пути — его старьёй дом в переулке, то он, крутыми тропинками взобравшись в гору, теперь смотрит на него оттуда сверху вниз — вон он, в глубокой долине. Тим видел, что его мачеха и Эрвин всё ещё стоят там, где он их оставил, что они не продвинулись ни на шаг. И хотя сейчас, в номере отеля «Времена года», они стояли с ним рядом, они были на самом деле так далеко от него, что он едва различал их голоса.

Как раз в эту минуту мачеха сказала:

— Мы теперь навсегда останемся с тобой и будем о тебе заботиться, Тим. Ведь ты законный наследник всего состояния, и завтра тебе исполняется шестнадцать лет. А это значит...

— ...это вовсе не значит, что он становится совершеннолетним! — поучительно заметил барон.

Фрау Талер резко повернулась в его сторону. Глаза её блеснули тем фальшивым блеском, который Тим так хорошо помнил с детства. Теперь он показался ему довольно тусклым и вполне безопасным. «О, как глупо страдать под гнётом глупости!» — подумал Тим.

Тем временем Треч с весёлой улыбкой объяснял, почему Тим с наступлением шестнадцати лет ещё не становится совершеннолетним.

— В этой стране, госпожа Талер, совершеннолетие наступает, когда человеку исполняется двадцать один год. И только тогда он может вступить в законное владение наследством. Вы, как видно, раз узнали, что я являюсь подданным страны, где человек становится совершеннолетним в шестнадцать лет. Но это не имеет никакого отношения к вашему пасынку Тиму. Он подчиняется, как и прежде, законам не той страны, а этой. И только по исполнении двадцати одного года вступает во владение наследством.

Мачеха не перебивала барона. Пока он говорил, она не произнесла ни слова. Она только хлопала глазами и нервно теребила в руках свой платочек. Теперь она снова обернулась к своему пасынку и спросила, с трудом подавляя волнение:

— А разве у тебя не такое подданство, как у барона?

Тим, глядевший на неё без всякого сочувствия, не расслышал вопроса, потому что был погружён в свои мысли. Он заметил только, что она что-то спросила. Чтобы не быть невежливым, он указал на кресла:

— Давайте сядем. Нам будет удобнее разговаривать.

Все молча заняли места вокруг стола.

Тим положил ногу на ногу и сказал:

— Я никогда ещё не задумывался над тем, кто сейчас мой опекун. Когда барон... — он запнулся, — умер, было объявлено, что теперь мой опекун новый барон. Только сейчас мне пришло в голову, что ведь моя мачеха должна была дать на это согласие. Было это? Или...

Фрау Талер вдруг растерялась. Она беспомощно пробормотала:

— Знаешь, Тим, нам ведь пришлось так туго, когда ты ушёл. Нам так не везло, и тогда...

— ...и тогда фрау Талер передала мне опекунство по всем правилам закона, — договорил за неё Треч, — причём за приличное вознаграждение, которое она впоследствии употребила на покупку театра-варьете. А театр-то взял да и погорел.

— Но ведь в этом виновата не я, а обстоятельства... — всхлипнула фрау Талер, и тут она принялась, как в прежние времена, трещать без умолку: — Да, конечно, я знаю, что по закону всё в порядке, но ведь это мой ребёнок, а мы теперь выброшены на улицу, я и мой сын, и вот...

На этот раз её перебил Тим. Он сказал:

— Раз ты продала опекунство, теперь уже ничего нельзя изменить.

— «Продала... Продала...»! Не будь таким жестоким, Тим! Мы остались без денег, Тим!

— А сколько денег вам нужно теперь?

— Да кто говорит о деньгах? Мы теперь никогда не расстанемся, Тим!

— Нет, — ответил Тим. — Мы расстанемся. Я надеюсь, что мы видимся в последний раз. Но если я могу помочь вам деньгами, я охотно это сделаю. Сколько вам требуется?

— Заранее выражаю своё согласие, — сказал барон.

Но Тим сделал вид, что не расслышал его слов.

— Ах, Тим! — Снова это притворное всхлипывание. — Ведь ты теперь так безмерно богат! А мы, как твои родные, не можем вести полуголодную жизнь.

Барон разразился было смехом, но тут же прикрыл ладонью рот, прежде чем предательский смешок успел его выдать. Он хотел как следует посмеяться над ними, но вовремя сообразил, что смех его им хорошо знаком. А значит, необходимо срочно от них избавиться. И позаботиться о том, чтобы они никогда больше не встречались на его пути. Следовательно, надо платить. Поэтому он тут же сделал предложение:

— На Ямайке, фрау Талер, в моём владении находится процветающий морской курорт. Его посещают главным образом американские туристы. Шестьдесят тысяч долларов годового дохода. Как известно, Ямайка — остров вечной весны. Ваше бунгало стоит под пальмами на берегу моря.

«Прямо как путеводитель для туристов! — с удивлением подумал Тим. — Значит, и это он умеет!» Впрочем, он сразу понял, почему Треч решил услатить их так далеко: от него не ускользнуло, как резко оборвал барон свой смех. Он не удивился даже тогда, когда барон подарил им два билета на пароход в каюте первого класса.

Мачеха, снова всхлипнув или, вернее, продолжая всхлипывать, сказала:

— О, вы слишком добры, господин барон!

У Эрвина от одной только мысли о Ямайке покраснели щёки. Он то и дело хлопал глазами — в точности как его мать.

— Прощу вас пройти со мной в мой номер, чтобы тут же подписать контракт, — сказал барон.

Он поднялся со своего кресла, подошёл к двери и распахнул её перед мачехой с иронической вежливостью.

Фрау Талер, стуча каблуками, засемила вслед за ним, но, вовремя вспомнив про Тима, обернулась в дверях и спросила:

— Ты ведь нас не забудешь, Тим?

— Кажется, я вас уже забыл, — сказал Тим, но не слишком громко. Потом он подал ей руку и серьёзно проговорил: — Желаю удачи на Ямайке!

— Спасибо, спасибо, мой мальчик.

Рот её начал было растягиваться в улыбку, но, не успев улыбнуться, она оказалась уже за дверью.

Эрвин, пожав Тиму руку, хотел последовать за матерью, но Тим задержал его, шепнув:

— Достань мне лупу и положи её под красную скамейку на берегу Альстера, напротив входа в отель. Вот, держи! — Он выгреб из кармана всё, что в нём было, и протянул деньги Эрвину.

Эрвин, рассматривая купюры, удивлённо спросил:

— А это что за записочка?

— Ой! Она мне ещё нужна! — чуть не вскрикнул Тим, но, к счастью, он сказал это шёпотом.

Записочка снова перекочевала в карман Тима, а Эрвин двинулся к двери.

— Всё будет в норме! — шепнул он с порога. — Молчу как могила.

Тим кивнул и запер дверь за своим сводным братом и за своим далёким прошлым. На английский замок.

Лист тридцатый БУМАГИ

Удивительно, с какой быстротой богатые и влиятельные люди улаживают те формальности в учреждениях, на которые так называемый «простой человек» нередко тратит целые месяцы.

Всего за один день в собственной юридической конторе акционерного общества барона Треча было оформлено множество важных документов, согласно которым Морской курорт на Ямайке передавался на равных правах фрау Талер и её сыну Эрвину. В связи с этим Тиму пришлось увидеться с ними ещё раз, всего на минутку. Эрвин, однако, успел ему шепнуть, что лупа уже лежит под скамейкой.

Пароходство «Гамбург — Гельголанд — Пассажижское», сокращённо именуемое «ГГП», с этого же дня поступало в личную собственность Тима Талера. (Прежний владелец, старый господин Денкер, после подписания контракта горячо пожал Тиму руку, сказав: «Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!» — и трижды плюнул через левое плечо.)

Пакет с акциями на гамбургское пароходство, незадолго до того полученный Тимом в Лондоне от мистера Пенни, переходил — и опять с этого же дня! — в собственность барона. Условный срок длительностью в один год в данном случае отпадал, так как барон Треч являлся владельцем акций с решающим голосом.

И, наконец, последний контракт, заключённый в этот день, был контракт о наследстве. До сих пор барону успешно удавалось оттягивать его заключение, так как Тим никогда о нём не спрашивал.

Почему барон проявил вдруг готовность заключить этот контракт, Тим не знал, да его это и мало заботило. Сделки, контракты, богатство — до всего этого ему не было теперь никакого дела. Единственное богатство, которое сейчас его интересовало, был смех. Он предчувствовал, что крошечная записочка в его кармане — на ночь он спрятал её под подушку — была ключом к его смеху, запертому на замок; поэтому ему не терпелось достать лупу из-под скамейки. Он то и дело потирал рукой лоб, чтобы обратить внимание барона на то, как утомили его бесконечные формальности по заключению трёх контрактов.

— Если у вас болит голова, мы можем отложить заключение контракта о наследстве на завтра, — сказал, заметив это, барон. — Вы согласны, господин Талер?

Тим согласился не сразу. Для этого он был теперь слишком опытен. Он разъяснил, что, по его мнению, было бы лучше заключить контракт немедленно, но, к сожалению, он испытывает в эту минуту головную боль. А поскольку контракты надо подписывать с ясной головой, то, пожалуй, и в самом деле будет лучше подождать с этим до завтра.

Эта хитрость удалась, как он и рассчитывал. Подписание контракта отложили на завтра, и Тиму было разрешено, после того как он послушно проглотил две таблетки, пойти прогуляться по берегу Альстера перед отелем. («Свежий воздух творит чудеса», — сказал ему один из юристов.)

Тим знал, что где-то поблизости притаился сыщик, который не сводит с него глаз,

и потому не бросился сразу поднимать лупу из-под красной скамейки. Купив в киоске газету, он сел с ней на скамейку. Где лежит лупа, ему удалось разглядеть ещё раньше.

Читая газету, Тим держал её так, что вкладной лист вскоре соскользнул с его колен и порхнул под скамейку. Тогда он нагнулся и вместе с газетным листом поднял лупу. Потом, спрятавшись за газету, украдкой сунул лупу в карман своего пиджака. Он носил теперь чаще всего костюм из фланели, серый или в мелкую клетку.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Тим сложил газету и, оставив её на скамейке для какого-нибудь прохожего, вошёл в отель. Портье вместе с ключом передал ему сложенную вчетверо бумажку. Это была записка от барона:

«Если вы почувствуете себя лучше, приходите, пожалуйста, в мой номер.»

Треч.»

Тим решил подняться наверх в номер барона, ненадолго заглянув перед этим к себе; он только спрятал лупу в маленькую домашнюю аптечку, висевшую на стене в ванной, и, свернув в трубочку записку Джонни, сунул её в полупустую стеклянную пробирку с таблетками от головной боли. Положив пробирку обратно в аптечку, он отправился к барону.

Обычно во время важных переговоров Треч держал в руке бумажку с основными пунктами.

И на этот раз Тим увидел в его руке такую бумажку. На ней были написаны столбиком всего три слова. Тиму не удалось разглядеть их как следует, но первое слово было очень похоже на фамилию «Рикерт».

— Завтра, господин Талер, — начал барон, — истекает срок нашего небольшого договора относительно господина Рикерта. Если вы до завтрашнего дня не установите контакта с вашими гамбургскими друзьями, господин Рикерт будет вновь назначен директором пароходства. В связи с преклонным возрастом он может быть тут же с почётом переведён на пенсию с высоким месячным содержанием. К сожалению, мы с вами завтра же должны вылететь в Каир, так как одна египетская фирма заявляет протест по поводу названия маргарина «Пальмаро». Следовательно, если вы хотите поговорить со своими гамбургскими друзьями, вам надо сделать это ещё сегодня. Но тогда наш договор потеряет силу, и господину Рикерту придётся навсегда остаться докером.

— Докером? — с изумлением спросил Тим.

— Да, господин Талер, докером. Он дошёл до этого. А это не так легко в его возрасте. Поэтому я думаю, что вы захотите освободить его от столь печальной участи и не станете искать встречи ни с Крешимиром, ни с рулевым Джонни, ни с самим господином Рикертом. Впрочем, может быть, я ошибаюсь!

Треч взглянул на Тима с боязливым вниманием. И Тим знал почему: как видно, кто-то из друзей уже нашёл ключ к его смеху, и барон об этом догадывался. Сегодня барон старательно следил за тем, чтобы на губах его случайно не мелькнула улыбка.

— Господин Рикерт должен снова стать директором пароходства, — твёрдо сказал

Тим.

— Значит, наш договор остаётся в силе, господин Талер?

Тим кивнул. Но его кивок был ложью. Он вовсе не собирался избегать встречи с друзьями. Наоборот, надо было встретиться с ними ещё сегодня. Завтра будет уже поздно. А господин Рикерт всё равно станет теперь директором пароходства. Только не у барона, а в пароходстве Тима, которое сегодня утром перешло в его собственность, согласно контракту, — в пароходстве «ГГП».

Треч заглянул в свою шпаргалку — было заметно, что он почти совсем успокоился, — и сказал:

— Пункт второй, господин Талер, касается... — Барон замялся, но потом всё же договорил до конца начатую фразу: — Пункт второй касается вашего смеха.

Он снова испытующе посмотрел на Тима. Но Тим давно уже научился — и ни у кого иного, как у самого барона, — скрывать свои чувства под маской равнодушия. Даже голос его не дрогнул, когда он спросил:

— Так что же с моим смехом, барон?

— Год назад, господин Талер, я проверил в Красном павильоне моего замка, в какой мере интересуется вас и интересуется ли ещё вообще ваш смех. Я дал его тогда вам взаймы на полчаса и в результате этого маленького эксперимента узнал, что вы всё ещё сильно скучаете по своему смеху. Только что я тоже, незаметно для вас, поставил небольшой опыт. На этот раз результат получился гораздо более удовлетворительный. Вы добровольно отказываетесь от встречи с тремя единственными на свете людьми, которые знают о нашем контракте и, возможно, могли бы в случае необходимости дать вам полезный совет...

Барон с довольным видом откинулся в кресле.

— Очевидно, вы научились в течение последнего года ценить выше власть, богатство и приятную жизнь, чем такую безделицу, как смех.

Тим снова кивнул.

— Я предлагаю вам... — барон опять наклонился вперёд, — заключить дополнительный контракт.

— Какой, господин барон?

— А вот какой, господин Талер. Я обязуюсь обеспечить вам подданство такой страны, где вы будете считаться совершеннолетним, начиная с сегодняшнего дня. Тогда вы сможете тут же вступить во владение наследством.

— А какие обязательства беру на себя я, барон?

— Всего два обязательства, господин Талер: во-первых, никогда не требовать назад смех; во-вторых, уступить мне половину наследства, включая акции с решающим голосом.

— Над этим предложением стоит подумать, — медленно сказал Тим, стараясь выиграть время.

Разумеется, он ни минуты не собирался думать над тем, чтобы скрепить штампом и печатью отказ от своего смеха на вечные времена. Но никак нельзя было, чтобы Треч об этом догадался.

И вдруг Тиму пришла в голову счастливая мысль: если он начнёт сейчас

торговаться с бароном, тот окончательно поверит, что Тим навсегда отказался от своего смеха и убедился, что власть и богатство гораздо важнее на этом свете, чем какие-то раскаты и переливы в горле.

И Тим начал торговаться. Ему известно, заявил он, что барон мог бы до наступления его двадцать первого дня рождения принять различные меры, чтобы помешать ему вступить в права наследства. Синьор ван дер Толен уже обращал на это внимание Тима. Поэтому Тим в принципе согласен подписать дополнительный контракт. Однако он ставит свои условия: три четверти наследства, включая три четверти акций с решающим голосом.

Мимо внимания Тима не ускользнула мимолётная улыбка, промелькнувшая при этом на лице барона. Очевидно, барон был теперь совершенно уверен, что Тим окончательно отказался от своего смеха. Именно на это Тим и рассчитывал.

Они торговались добрых полчаса. В конце концов Тим уступил. Он требовал теперь три четверти наследства и половину акций с решающим голосом.

— Соглашайтесь на мои требования, барон, и мы подпишем завтра в Каире дополнительный контракт.

— К этой мысли я должен сперва привыкнуть, господин Талер. Завтра, когда мы будем в Каире, я дам вам окончательный ответ. А теперь... — барон улыбнулся, — я перехожу к последнему пункту. — Он поднялся, протянул Тиму руку и сказал: — Приношу сердечные поздравления по случаю вашего шестнадцатилетия! Если у вас есть какое-нибудь желание, господин Талер...

Желание? Тим задумался. Если этот день принесёт ему самый дорогой подарок на свете — его смех, — у него, скорее всего, больше не окажется никаких богатств. Ведь пароходство он собирается подарить друзьям. Что же в таком случае попросить в подарок?

Наконец ему пришла в голову прекрасная мысль.

— Купите мне, пожалуйста, кукольный театр, барон!

— Кукольный театр?

— Да, барон! Кукольный театр, где дети могут как следует посмеяться.

Этим Тим себя выдал. Но барон понял его неправильно.

— Ага! — воскликнул Треч. — Понимаю! Вы тоже хотите купить себе немного смеха, и вам нужен театр, чтобы выбрать наиболее подходящий. Неплохая мысль! Это мне ещё не приходило в голову.

Тиму показалось, что кто-то со всего размаха стукнул его по голове. Значит, барон всерьёз мог подумать, что он, Тим Талер, после всего того, что ему пришлось пережить, способен украсть смех у какого-нибудь малыша.

«Это просто чёрт, а не человек! — подумал Тим. — Настоящий чёрт!»

На этот раз барон не мог бы не заметить смятения Тима. Но в эту минуту он отвернулся. Он уже звонил куда-то по телефону насчёт кукольного театра. И не прошло получаса, как ему повезло. За приличное вознаграждение, предложенное бароном, оказалось возможным приобрести небольшой театр марионеток неподалёку от главного вокзала, уже не первый год влачивший довольно жалкое существование.

— Давайте поедem туда сейчас же, господин Талер, — сказал Треч. — Я захвачу с

собой нотариуса и деньги: за подарки ко дню рождения надо платить наличными...

В маленькой комнатке с обшарпанными стенами, служившей, как видно, конторой театра, был подписан ещё один контракт. Тим Талер становился отныне владельцем кукольного театра. Всё это было похоже на чудеса, какие не каждый день происходят даже в самом кукольном театре.

Против обыкновения, барон и молодой человек отправились в отель пешком. По дороге Тим впервые спросил барона:

— Почему вам так нравится именно мой смех, барон? Так нравится, что вы отдаёте за него полцарства?

— Меня удивляет, — заметил Треч, — что вы никогда раньше не задавали мне этого вопроса, господин Талер. Ответить на него не так-то просто. Формулируя мою мысль коротко, могу сказать следующее: когда вы были маленьким мальчиком из переулка, господин Талер, вы пронесли свой смех через столько непостижимых зол и невзгод, что он закалился и стал твёрдым, как бриллиант. Ваш смех не подвластен разрушению, господин Талер! Он несокрушим.

— Но ведь сам я подвластен разрушению, барон, — возразил Тим очень серьёзно.

— Вот в том-то и дело, — сказал барон.

И прежде чем Тим понял смысл этого неприятного замечания, они уже подошли к отелю.

— Хэлло, мистер Браун, — приветствовал их директор отеля.

Барон в ответ рассеянно кивнул.

Наверху, перед дверью номера Тима, Треч остановился и спросил:

— А для чего вам, собственно, акции с решающим голосом, господин Талер? Ведь, согласно контракту, вы всё равно должны уступить их мистеру Пенни.

«Опять он об этих контрактах! — с отчаянием подумал Тим. — Весь день рождения заполнен бумагами!» Его интересовала теперь одна-единственная бумажка на свете: свёрнутая в трубочку крошечная записочка в стеклянной пробирке с таблетками. Не так-то легко ему было ответить на вопрос барона. И всё же, овладев собой, он сказал:

— У меня есть кое-какие соображения, барон, в пользу того, чтобы мистер Пенни получил побольше акций с решающим голосом.

— Гм! — задумчиво произнёс Треч. Затем он сказал: — У меня на сегодня намечено ещё два совещания. А вы что собираетесь делать, господин Талер?

Тим потёр лоб рукой:

— Головная боль всё не проходит, барон. Я, пожалуй, пойду прилягу.

— Вот это правильно, — улыбнулся барон. — Сон — лучшее лекарство.

И он ушёл.

А Тим с нетерпением открыл ключом дверь своего номера, вошёл, снова запер дверь на ключ и бросился в ванную.

Лист тридцать первый

ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПИСКА

Тим зажёл в ванной только маленькую лампочку над зеркалом умывальника. Затем он достал лупу из аптечки и вынул из стеклянной пробирки записку. Сердце его колотилось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит.

Но прежде чем приступить к чтению записки, молодой человек в элегантном сером костюме ещё раз проверил, хорошо ли заперта дверь в ванную комнату. Потом он встал перед умывальником, взглянул в лупу на маленькую бумажку и превратился — да что там элегантный серый костюм! — в бесконечно взволнованного мальчика.

Лупа в его руках дрожала, и всё же Тиму удавалось буква за буквой разбирать слова, написанные микроскопическим почерком. По мере того как он читал записку, он удивлялся всё больше и больше.

«Прибуди в „Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!“. То, что принцесса добыла, добуди. Путь проще, чем ты думаешь. Кто отговаривал от Южного, тебе его покажет. Знакомый шофёр караулит дом с часами. Дождись (чёрного!) часа трамваев. Опасайся крысы и проведи её. Путь прост, но выбирай чёрный ход и задворки. Доверься нам и приходи!»

Тим опустил руку с запиской и лупой и сел на край ванны. Он всё ещё дрожал от волнения, но голова его была ясна. Он понимал, что записка зашифрована на тот случай, если она попадёт в руки к Тречу. Значит, теперь оставалось только расшифровать скрытые намёки и тайные указания. Он снова подошёл к умывальнику, встал под лампу и медленно прочёл записку сначала, по отдельным фразам:

Прибуди в «Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!».

Это понять нетрудно. Надо прийти туда, где он смотрел представление кукольного театра. Значит, в трактир в предместье Овельгёне.

То, что принцесса добыла, добуди.

Это ещё проще. Эта фраза заключала в себе самую важную и самую драгоценную весть. Это значило попросту: верни свой смех! А то, что это было возможно, доказывала следующая фраза:

Путь проще, чем ты думаешь.

Но что могло значить вот это:

Кто отговаривал от Южного, тебе его покажет.

Тиму пришлось напрячь память. И наконец он вспомнил: Южный — ведь это лошадь! Последняя лошадь, на которую он ставил. А незнакомец, который не советовал тогда на неё ставить, — это Крешимир!

Значит, Крешимир знает, как вернуть смех! Тим догадывался об этом и раньше. Но то, что его догадка подтвердилась, потрясло его до глубины души. Ему пришлось снова сесть на край ванны. Было достаточно светло, чтобы и здесь дочитать записку.

Знакомый шофёр караулит дом с часами.

Знакомый шофёр был Джонни. В этом Тим не сомневался ни секунды. Но что такое «дом с часами»? К этой несложной загадке Тим искал ключ довольно долго, пока наконец не догадался, что речь идёт о ратуше. Ратуша совсем близко от его отеля. Там, значит, Джонни и будет его дожидаться в такси, чтобы отвезти в Овельгёне.

Но когда? Это было пока что непонятно.

Дождись (чёрного!) часа трамваев.

Два приключения с трамваями были связаны у него с друзьями: одно — когда трамвай, в котором он ехал с господином Рикертом, свернул со своего обычного пути, и второе — летающий трамвай в Генуе, который он видел вместе с Джонни. Как видно, имелись в виду оба случая. Ведь слово «трамвай» стояло во множественном числе.

Час трамваев... В какое же время это было? Летающий трамвай он видел примерно в полдень, часов около двенадцати. И когда он впервые увидел в трамвае господина Рикерта, тоже, кажется, был полдень.

Значит, двенадцать часов дня! А сейчас — Тим взглянул на свои часы — пять часов. Значит, ему приходится завтра? А может, он должен был прийти ещё сегодня в полдень?

Но ведь здесь перед словом «часа» ещё стоит слово «чёрного». В скобках и с восклицательным знаком. Что же такое — «чёрный полдень»?

И снова ему пришлось хорошенько подумать над довольно простой загадкой.

Но и эта загадка была разгадана: «чёрные» — двенадцать часов! Полночь! До этого времени оставалось ещё долгих семь часов.

Остальное было понять совсем легко:

Опасайся крысы и проведи её. Путь прост, но выбирай чёрный ход и задворки. Доверься нам и приходи!

Итак, Тиму следовало опасаться Треча и тайно выбираться из отеля, может быть, даже переодетым; слова «чёрный ход и задворки» придавали всему этому вкус приключенческого романа с злодеями и переодетыми героями.

Расшифровав эту таинственную записку, Тим почувствовал себя свободным как птица. У него возникло непреодолимое желание рассмеяться. И самое удивительное было то, что губы его при этом не остались плотно сжатыми, как обычно. Они дрогнули и чуть-чуть — а может быть, это только ему показалось? — раздвинулись в

улыбке.

С чувством радостного испуга Тим вскочил и посмотрел в зеркало: возле уголков его рта появились два маленьких полукруга, как на итальянских картинах в палаццо Кандидо в Генуе. Это был ещё не смех и даже не улыбка. Но полукруги около уголков губ были видны совершенно ясно. А ведь с момента заключения контракта под большим каштаном он больше ни разу их не видел.

Значит, что-то в этот день уже изменилось. Надежда, словно кисть художника, волшебным образом преобразила его лицо: в нём забрезжила улыбка!

Тим сунул записочку в карман пиджака, потушил свет и, выйдя из ванной, сел в кресло, положив ногу на ногу. Надо было хорошенько всё обдумать.

Барон в это время находился недалеко от Тима — в павильоне на берегу Альстера. Он вёл здесь переговоры с представителем той египетской фирмы, которая заявила протест против названия сортового маргарина «Пальмаро». Фирма требовала, чтобы маргарину Треча было присвоено какое-нибудь другое название.

Барон не проявлял в этом разговоре ни того хладнокровия, ни того спокойного превосходства, которые стали его второй натурой с тех пор, как он приобрёл смех. Конечно, во многом это объяснялось тем, что сортовой маргарин, широко разрекламированный под названием «Пальмаро», уже начинал с неслыханной быстротой завоёвывать миллионы покупателей. Однако барон ни за что не должен был показывать, насколько важно для него название маргарина. Необходимо было возражать рассеянно, с лёгкой улыбкой. Ведь как раз для таких случаев он и купил себе смех.

Когда Треч, решив в подходящий момент воспользоваться смехом, пустил в ход, как обычно, все свои раскаты и переливы, у него появилось вдруг неясное ощущение, будто на этот раз его смеху чего-то не хватает. На его собеседника этот смех, казалось, произвёл скорее неприятное впечатление. Барон извинился и поспешно удалился в туалет. Здесь он встал перед зеркалом и воспроизвёл смех Тима, внимательно наблюдая за своим отражением.

На первый взгляд всё было по-прежнему. Но когда он взгляделся попристальней — барон специально повторил смех, не отрывая взгляда от своего лица, — итак, когда он взгляделся попристальней, он заметил, что не хватает маленьких полукругов возле уголков рта. Из-за этого смех звучал принуждённо, искусственно, словно чужой.

У Треча возникло чувство, которое он совсем было позабыл за последние годы, — чувство страха. Впервые за много лет он снова ощутил что-то вроде угрызений совести. Но не потому, что он совершил зло (он не отличал добра от зла — для этого ему не хватало какого-то органа чувств), а потому, что заметил, какую глупость он допустил.

Этот драгоценный смех, эти рулады и переливы, смех взлёт, смех мальчишки из переулка, блестящий и твёрдый, как бриллиант, он мог бы присвоить совсем другим, куда более простым способом: не выторговывать за право выигрывать споры, а просто...

Собеседник Треча, неожиданно войдя в туалет, увидел побледневшее, искажённое страхом лицо барона. Ему оставалось только предположить, что Треч так расстроился из-за названия сортового маргарина «Пальмаро». А Тречу оставалось только

предположить, что представитель египетской фирмы предположил именно это. Создалось пренеприятное положение. Барон не решался на этот раз даже пустить в ход свой смех, потому что он больше не был в нём уверен. Поэтому, сделав вид, что его тошнит, он сказал:

— Мы обсудим этот вопрос завтра в Каире... Мне дурно. Как видно, омары с майонезом... — Однако слова его звучали не слишком правдоподобно.

На этом он покинул туалет и, выбежав из павильона, помчался огромными скачками, словно гигантский кузнечик, к отелю. Прохожие, степенно прогуливавшиеся вдоль берега по Аллее Девственниц — напудренные дамы и элегантные господа, старающиеся попасть с ними в ногу, — при виде этой фигуры восклицали, качая головами:

— Кто же это так носится по Аллее Девственниц! Какая невоспитанность!

Но Треч ничего не слышал и не видел. Он чувствовал, что смех вот-вот ускользнёт от него, и смутно догадывался, как это может произойти. Надо было спасать его, пока не поздно, вцепиться в него зубами и когтями! И он мчался вскачь по Аллее Девственниц, не обращая внимания на прохожих и уличное движение, нёсся как сумасшедший, ничего не видя перед собой, и вдруг споткнулся посреди мостовой перед отелем, услышал гудки, визг тормозов и испуганные возгласы, почувствовал словно ожог в бедре и, теряя сознание, крикнул:

— Тим Талер!

Этот неожиданный несчастный случай произошёл не так уж случайно. Страх порождает неуверенность. Неуверенность — смятение. Смятение — несчастные случаи. И ничего нет удивительного, что барон попал под машину, когда начал бояться за свой смех. Впрочем, он был гораздо крепче и выносливее, чем могло показаться с первого взгляда. Кроме того, шофёру удалось в последнюю секунду затормозить. И Треч, собственно говоря, не попал под колёса. Он потерял сознание просто оттого, что упал.

Два сыщика, примчавшиеся вслед за ним, осторожно погрузили его в санитарную машину, которая уже через пять или шесть минут прибыла на место происшествия. Они проводили барона до самой больницы, где он довольно быстро пришёл в сознание. Первые слова, произнесённые им, вызвали полное недоумение у всех находившихся в палате. Он сказал:

— Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

Затем вошёл врач, и Треч усталым голосом сказал сыщикам, что теперь он может обойтись и без них.

— В больнице человека, как нигде, охраняет уважение! — добавил он в шутку.

При этом он чуть улыбнулся, и улыбка подействовала на него успокаивающе.

Сыщики вышли из палаты, и доктор внимательно осмотрел барона. Оказалось, что тот отделался ушибами и лёгким сотрясением мозга. Доктор назначил ему диету и постельный режим на несколько дней. Кроме того, он посоветовал барону не принимать никаких посетителей.

Несмотря на это, ещё в тот же самый день к Тречу явился весьма странный посетитель. Это был маленький, плюгавенький человечек с очками в никелевой оправе

на носу. У него было помятое лицо и помятый костюм. Дежурная сестра очень удивилась, что её пациент, судя по всему чрезвычайно приличный господин, водит знакомство с подобными типами.

Треч задал человечку несколько вопросов и дал некоторые указания.

— Вы видели мальчика после той истории на ипподроме?

— Нет, господин барон.

— Тише, любезнейший. Я мистер Браун.

— Так точно, господин... мистер Браун. Я хотел ещё вам сказать, что знаю мальчика по портретам в газетах.

— Это, по крайней мере, уже кое-что. И всё же вам следует ещё разок взглянуть на него, если это окажется возможным. Но, разумеется, так, чтобы он не заметил. Будем надеяться, что он вас не узнает. Нельзя сказать, чтобы эти очки в никелевой оправе сильно вас изменили.

— Так точно, господин... Браун.

— Итак, ещё раз, милейший: крайняя осторожность! Нельзя, чтобы он заметил, что за ним следит ещё кто-то, кроме наших домашних шпииков. Понятно?

— Так точно.

— Второй вопрос...

— Пожалуйста, мистер Браун.

— Это, так сказать, вопрос уже чисто личный: вы знаете сказку «Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!»?

— А как же! Мне же пришлось посмотреть её в театре, когда я два года назад следил здесь, в Гамбурге, за мальчишкой, господин Ба... раун. Ведь он тогда пошёл с этими Рикертами в кукольный театр. И представление называлось: «Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!»

— Ах, вот оно что! Это проясняет многое.

Барон на мгновение закрыл глаза. Он вновь увидел себя в такси рядом с Тимом и услышал слова шофёра: «Быстро это у вас получилось! Почти так же быстро, как в сказке „Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!“». Потом барон увидел перед собой лицо Тима. Оно сначала дрогнуло, потом стало каменным. Волнение было скрыто под маской равнодушия. (Этот приём Треч заметил уже давно.) Теперь он знал, почему шофёр упомянул о сказке. А когда человек в очках по его просьбе рассказал ему сказку, он понял ещё гораздо больше.

Одним из самых удивительных талантов Треча была его память на числа. Она редко ему изменяла. Она и сейчас предоставила в его распоряжение номер такси, который он тут же записал на обрывке газеты.

Эту бумажку он передал посетителю.

— Если мальчик сядет в такси с этим номером, сейчас же сообщите мне. Спросите у дежурной сестры телефон моей палаты и запишите его на этой же бумажке. Понятно?

— Так точно, мистер Браун!

— Мой шофёр пусть ждёт с машиной у подъезда больницы. Известите его. Автомобиль пусть возьмёт напрокат. Только ни в коем случае не машину нашей фирмы.

Как только мальчик берёт такси с этим номером, вы тут же даёте мне знать. Тут же! Несколько минут могут решить всё!

— Так точно.

— Теперь можете идти!

Человечек повернулся и пошёл к двери, но Треч ещё раз его окликнул:

— Похоже, что они работают в переодетом виде. Возможно, мальчишка тоже переоденется. Я предупреждаю вас об этом, чтобы не было никаких случайностей.

— Хорошо, барон... Браун.

Человечек ушёл. Треч поднялся, дотащился до двери, тихонько запер её, затем оделся и даже зашнуровал ботинки. Потом снова отпер дверь и едва успел лечь в костюме и в ботинках под одеяло, как зазвонил телефон.

В трубке раздался голос Тима Талера:

— Как вы себя чувствуете, барон?

— Отвратительно, господин Талер! — простонал Треч. — Переломы и тяжёлое сотрясение мозга. Не могу пошевелиться!

Затаив дыхание и крепко прижав трубку к уху, он ждал, что будет дальше. Но он услышал только спокойный голос Тима:

— В таком случае я вас больше не хочу утомлять. Выздоровливайте, барон, и будьте осторожны!

— О, в этом вы можете быть совершенно уверены, господин Талер! — Треч неслышно положил трубку на рычаг.

Затем он откинулся на подушку и взглянул в окно. Две ласточки носились в воздухе, обгоняя друг друга.

«Смех, — подумал Треч, — как птица. Только эту птицу никак не поймашь в сети». Потом он сказал вслух:

— Но и меня не поймашь!

Лист тридцать второй

ЧЁРНЫЙ ХОД И ЗАДВОРКИ

Окна Тима выходили во двор отеля. Поэтому он не слышал крика барона, когда произошла автомобильная катастрофа. Из-за всеобщего переполоха он очень поздно узнал о несчастном случае. После краткого телефонного разговора с Тречем у него возникло смутное чувство, словно эта авария тоже из приключенческого романа, как и всё в этот день.

Он немного стыдился этого чувства, когда думал о тяжёлом состоянии барона, но ничего не мог поделать: оно почти вытеснило сострадание.

И следующий шаг, который собирался сейчас совершить Тим, был тоже из приключенческого романа. А собирался он сделать то, что приказывала ему записка («выбирай чёрный ход и задворки») и что предвидел Треч («возможно, мальчишка тоже переоденется»). Сейчас Тиму очень пригодилось то обстоятельство, что в последний год барон гораздо щедрее, чем раньше, снабжал его деньгами на мелкие расходы.

Тим позвонил горничной и, когда она вошла, предложил ей триста марок, если она сумеет быстро и незаметно доставить ему в номер поношенный матросский костюм: брюки клёш, свитер и матросскую шапку.

Горничная — она наверняка зачитывалась приключенческими романами! — сочла это таинственное поручение чрезвычайно захватывающим. Она сказала, что её жених как раз служит в пассажирском флоте, — она встретится с ним сегодня вечером в восемь часов. У него она и возьмёт всё, что нужно.

— Хорошо, — сказал Тим, — а потом заверните, пожалуйста, эти вещи в свежее постельное бельё и принесите их мне к девяти часам.

— Но ведь мы, мистер Браун, — ответила горничная (Треч и Тим были зарегистрированы в отеле как отец и сын Брауны), — никогда не меняем по вечерам постельное бельё. Разве что приносим чистое купальное полотенце.

— Ну, тогда заверните, пожалуйста, в купальное полотенце. Важно только, чтобы всё это попало ко мне не позже девяти часов.

— А что мне сказать тому господину, который стоит в коридоре, господин Браун?

— Какому господину? — спросил Тим.

— Тому, который дал мне сто марок, чтобы я шпионила за вами и доносила ему, что вы делаете.

— А, господину сыщику! Скажите ему, что я попросил у вас таблетку от головной боли, а вы мне напомнили, что таблетки лежат в аптечке в ванной.

— Хорошо, мистер Браун!

— И вот ещё что. Когда вы придёте сегодня в девять часов вечера, вы ведь не будете считаться на дежурстве?

— Нет, а что?

— А не могли бы вы надеть вечером вашу форму?

— Я и сама собиралась это сделать, мистер Браун. У меня есть запасная форма дома. Я надену её под пальто. А поверх наколки повяжу платок. Тогда мне не придётся

здесь переодеваться.

— Отлично, — сказал Тим, и возле уголков его губ появились два отчётливых маленьких полукруга. — Значит, я могу на вас вполне положиться?

— Вполне, мистер Браун. А я могу вполне рассчитывать на эти деньги?

— Вы получите их прямо сейчас.

С этими словами он достал из своего бумажника три ассигнации по сто марок и протянул их ей.

— Вы чересчур легкомысленны! — рассмеялась девушка. — За такие услуги никогда не платят вперёд. Ну, да не беспокойтесь, я вас не подведу. Большое спасибо. И пока до свидания.

— До девяти! — сказал Тим.

Он запер за ней дверь и прилёг на диван. Спать он, разумеется, не мог, но решил хотя бы отдохнуть.

Через несколько минут после того, как пробило девять, горничная вернулась в номер. Она была в чёрном халатике из искусственного шёлка и в белой наколке. Купальную простыню она крепко прижимала к груди.

— Этот господин спросил меня, что мне у вас понадобилось, — шепнула она. — Я ответила, что вы просили сегодня днём принести вам к девяти часам чистое купальное полотенце.

— О, это очень мило с вашей стороны, — сказал Тим как можно громче. Потом шепнул: — Поклонитесь от меня вашему жениху из пассажирского флота!

— Спасибо, мистер Браун! Большое спасибо!

Закрывая за собой дверь, она ещё раз подмигнула Тиму. И Тим подмигнул ей в ответ.

К счастью, жених горничной оказался не таким великаном, как Джонни. Он был, как видно, чуть побольше Тима. Но брюки легко удалось подтянуть кверху, немного укоротив подтяжки, а что касается свитера, то чем свободнее он сидит, тем лучше.

Взглянув в зеркало, Тим едва узнал себя в матросской шапке. Только одно его выдавало: слишком нежная кожа лица. Но и тут он быстро сообразил, как быть. На умывальнике в ванной лежал большой кусок пемзы. Тим натёр докрасна щёки, а потом, зачерпнув земли из цветочного горшка, вымазал лицо. Затем смыл землю и проделал всю эту процедуру сначала. Потом ещё и ещё раз. Результат получился вполне утешительный. Тот, кто взглянул бы сейчас на лицо Тима, наверное, решил бы, что он только что переболел оспой. Короче говоря, теперь Тим с головы до ног был матросом пассажирского флота.

Оставалось только как следует обдумать, что взять с собой. Ведь он никогда уже больше не вернётся в этот отель. Тим понимал, что в ту самую минуту, как к нему возвратится смех, роль богатого наследника будет доиграна до конца. И это его нисколько не огорчало. Так что же взять с собой? Он решил не брать ничего, кроме некоторых документов: паспорта, контракта о проданном смехе, контракта о покупке пароходства «ГТП» и третьего контракта о приобретении кукольного театра. Да ещё таинственную крошечную записочку, исписанную микроскопическими каракулями. Аккуратно сложив бумаги, Тим засунул их в глубокий задний карман своих флотских

брюк и тщательно его застегнул.

Итак, Тим был вполне готов к самому серьёзному шагу в своей жизни. Тем временем стрелка часов подошла к одиннадцати. Да, оставалось ещё одно дело: он быстро выкурил одну за другой три сигареты. Теперь от него пахло табаком и голос его стал немного сиплым. Вообще-то он не курил, но на столе в его номере всегда стоял палисандровый ящичек с сигаретами для посетителей.

Теперь надо было выйти из отеля так, чтобы этого не заметили шпики. Пока он курил, стрелка часов подвинулась к четверти двенадцатого. Вылезти из окна слишком рискованно — его могут увидеть. Значит, остаётся только один путь — через отель. Необходимо как-то отвлечь сыщика в коридоре. И Тим уже придумал, как это сделать. Он написал коротенькое письмецо барону с пожеланием скорейшего выздоровления и позвонил мальчику-лифтёру. Тем временем стрелка дошла до половины двенадцатого. Мальчик, явившийся по звонку, был примерно одного возраста с Тимом, но казался гораздо моложе. Рыжий, курносый, с лукавым веснушчатым лицом, он очень понравился Тиму.

— Не согласитесь ли вы за двести марок разыграть небольшой спектакль?

Это были все его деньги, больше у Тима ничего не осталось. Лицо боя расплылось в улыбке.

— А что надо делать?

— Тут, поблизости от моей двери, стоит шпик...

— Ну как же, знаю, — сказал паренёк и улыбнулся ещё шире.

— Ну так вот, его надо отвлечь. Возьмите-ка вот это письмо и засуньте его за обшлаг рукава вашей куртки так, чтобы краешек торчал. Если сыщик спросит, кому вы несёте письмо — а уж он обязательно спросит, я его знаю, — притворитесь растерянным и сделайте вид, что никому не должны его показывать. И тут же быстрым шагом направляйтесь по коридору за угол. Шпик, конечно, побежит за вами и станет предлагать вам деньги, чтобы вы дали ему прочесть письмо.

— Это уж наверняка, мистер Браун.

— Вот именно. Я в этом не сомневаюсь. И я очень прошу вас: переругивайтесь с ним до тех пор, пока я не выйду из номера и не улизну из отеля чёрным ходом. Письмо он, разумеется, может прочесть.

Курносый весело встряхнул рыжим чубом.

— Значит, мне надо задержать его минут на пять. Есть такое дело! Тем временем я могу с ним поторговаться. А потому с меня хватит и ста марок — больше не давайте.

Тим хотел было что-то возразить, но бой не дал ему и рта раскрыть.

— Да нет, правда не надо! Сто марок — это и так много. Посмотреть, как вы вырядились, — вряд ли вы собираетесь жить среди богачей. А значит, вам очень даже пригодятся на первых порах эти деньги.

— Может быть, вы и правы, — ответил Тим. — Ну что ж, большое спасибо. Вот письмо, вот сто марок. А когда вы заманите шпика за угол, притворитесь, пожалуйста, что у вас приступ кашля.

— Всё будет о'кей, мистер Браун!

Бой сунул деньги в верхний карман куртки, а письмо — за обшлаг. Потом он

протянул руку Тиму, хотя это было против правил, и сказал:

— Желаю удачи!

— Да, удача мне очень нужна, — серьёзно ответил Тим и крепко пожал ему руку.

Когда бой вышел, Тим приложил ухо к двери и прислушался. Сердце его громко стучало. Наконец он услышал лающий кашель. Часы показывали без четверти двенадцать. Он осторожно приоткрыл дверь. В коридоре никого не было.

Тим выскользнул за дверь и, чтобы не терять времени, не стал её даже запирасть. Сделав несколько шагов, он оказался на лестнице чёрного хода. «Выбирай чёрный ход и задворки», — он выполнил всё в точности.

Никто не задержал его. Коридорная, когда он пробормотал на ходу: «Добрый вечер!» — как видно, его не узнала.

Мостовая блестела под фонарём — моросил мелкий дождик. Какой-то человек с зонтом стоял на другой стороне улицы. В эту минуту он как раз отвернулся. В свете фонаря блеснул ободок его очков.

Только не бежать! Плестись, насвистывать — разыгрывать моряка. Тим огляделся, словно не зная, в какую сторону направиться, и, насвистывая, повернул в сторону ратуши. Шагов за собой он не слышал. А обернуться назад не решался. Он шагал неторопливо, вразвалочку, пока не свернул в какой-то переулочек, и только тут бросился бежать.

Добежав до площади перед ратушей — часы на башне как раз начали бить полночь, — он остановился. Здесь, на площади, стояло в ряд несколько такси. Но лишь у одного из них был заведён мотор. Тим медленно подошёл к этой машине и сразу узнал за рулём Джонни, хотя тот был тоже переодет.

Часы на башне ударили в последний раз. Наступила полночь — «чёрный час трамваев». Тим открыл дверцу и сел рядом с шофёром.

— Извините, — сказал Джонни, — машина занята. Пересядьте, пожалуйста, в другую!

Говоря это, он даже не взглянул на пассажира; он с нетерпением всё ещё искал кого-то глазами на площади.

— «Прибудь в „Гусь, гусь — приклеюсь, как возьмусь!“» — негромко ответил Тим.

Джонни так и подскочил на месте.

— Чёрт возьми, Тим! Ну и вид у тебя, парень!

— У горничной из отеля, Джонни, жених в пассажирском флоте.

— Кто-нибудь следит за тобой?

— Как будто бы нет.

Машина мчалась мимо редких освещённых витрин; затем у Релингсмаркта круто свернула направо, в сторону гавани.

— А за тобой, Джонни?

— Возможно, Тим. У меня уже примерно с час такое чувство, словно за мной наблюдают. Но это ведь только чувство, понимаешь? Пока я не заметил ни подозрительной машины, ни человека, который бы за мной следовал. И всё-таки мы сейчас свернём в боковую улицу.

Теперь, рядом с рулевым, Тим почувствовал себя спокойнее. Он представлял себе раньше эту поездку ночью в такси гораздо драматичнее. И хотя они ехали сейчас по таинственным, тёмным переулкам, это были, пожалуй, самые безмятежные минуты за последние сутки — сутки, похожие на приключенческий роман.

Джонни вёл машину твёрдой, уверенной рукой, всё увеличивая скорость. Время от времени он поглядывал в зеркало. Нет, как будто никто их не преследовал.

Но машина, внезапно вынырнувшая откуда-то из переулка, уже ехала за ними на некотором расстоянии с потушенными фарами.

Несколько раз Тим пытался задать Джонни вопрос о Крешимире. Но тот перебивал его:

— Погоди-ка, вот сейчас увидишь его самого! Погоди, Тим, очень тебя прошу!

— А можно спросить тебя, Джонни, про другое — не про Крешимира?

— Про что же?

Они проезжали уже район Альтоны.

— Откуда ты узнал, что мы с бароном прилетели на самолёте?

Рулевой улыбнулся:

— Ты помнишь человека по имени Селек Бай?

— Ещё бы!

— Он связался с нами по телефону и сообщил нам об этом. Когда приземлился ваш самолёт, мы наняли все такси, стоявшие возле аэродрома, и вам пришлось волею-неволей сесть в мою машину, вернее, не мою, а моего тестя.

— А откуда вы узнали, что мы наймём такси? Ведь обычно мы ездим на машинах фирмы.

— Селек Бай знал, что вы прибываете в Гамбург инкогнито, Тим. Даже фирма не была извещена о вашем прибытии. Мысль напустить на барона твою мачеху тоже принадлежит Селек Баю. Пригодилось это тебе на что-нибудь?

— Нет, Джонни, ничего мне не помогло. И если уж Крешимир мне не поможет, тогда...

— Даю голову на отсечение, Тим... Ладно, не будем пока больше говорить об этом. Погоди немного.

Они были уже совсем близко от шоссе, проходившего по берегу Эльбы, совсем близко от предместья Овельгёне.

Вдруг Джонни ни с того ни с сего рассмеялся.

— Что с тобой?

— Да я вспомнил про твою сделку с бароном! Как ты променял свои акции на пароходство! Я, конечно, тут же вмешался и сразу назвал пароходство, про которое знал наверняка, что его вот-вот продадут. Ты и в самом деле получил его?

— Контракт лежит у меня в кармане, рулевой!

— Здорово! «ГТП» — это ведь прямо клад, а не пароходство! Если тебе понадобится рулевой...

Они уже выехали на шоссе, тянувшееся вдоль берега Эльбы, и теперь Джонни заметил в зеркало машину с потушенными фарами, следовавшую за ними на некотором расстоянии.

Он ничего не сказал Тиму, только ещё увеличил скорость и теперь то и дело поглядывал в зеркало.

Тим что-то говорил, но Джонни его не слушал. Он увидел, что машина, шедшая сзади, тоже увеличила скорость и понемногу их нагоняет.

Тормоза заскрежетали и взвизгнули. Свободной рукой Джонни удержал Тима, чтобы тот не налетел лбом на ветровое стекло. Такси резко остановилось. Машина без фар пронеслась мимо.

— Вылезай! — рявкнул Джонни.

До них донёлся скрежет и визг тормозов другой машины.

Рулевой, схватив Тима за руку, потащил его за собой. Они помчались по шоссе, спустились бегом по крутой узкой лестнице вниз, к набережной, бросились вправо через кустарник, перемахнули через невысокую каменную ограду, очутились в длинном пивном погребе, выскочили в другую дверь и, ещё раз перескочив через ограду, побежали вниз по замшелой каменной лесенке, ещё круче прежней.

— Что случилось, Джонни? Нас всё-таки кто-то преследует?

— Молчи, Тим, береги дыхание. Мы выиграли время, надо этим воспользоваться. Внизу стоит Крешмир.

Тим споткнулся. Джонни подхватил его на руки и сбежал с ним с последних ступенек. Взгляд Тима упал на освещённую табличку, прибитую внизу лестницы: «Чёртов спуск».

Джонни поставил Тима на землю и свистнул. Где-то поблизости раздался ответный свист.

— Тут же исполняй, что скажет Крешмир! — шепнул Джонни.

Из темноты вынырнули две фигуры: Крешмир и господин Рикерт.

— Давай руку, Тим! Держи со мной пари, что ты получишь назад свой смех. Быстрее! — Это был родной голос — голос Крешмира.

Тим в смятении протянул ему руку.

— Держу пари...

— Стой! — раздалось на самом верху лестницы. — Стой!

Но никого не было видно.

Крешмир сказал спокойно и твёрдо:

— Держу пари, что ты никогда не получишь назад свой смех, Тим! На один грош!

— А я держу пари...

— Стой! — снова донеслось сверху.

— Не слушай, продолжай! — шепнул Джонни.

— А я держу пари, Крешмир, что верну назад мой смех! На один грош!

Джонни разнял руки спорящих. И вдруг наступила зловещая тишина.

Тим заключил пари, как ему подсказали, но он всё ещё не понимал, что случилось. Он стоял растерянный и онемевший. Три дорогих лица, едва освещённые светом далёкого фонаря, были обращены к нему с выражением ожидания. Его же лицо находилось в тени, только кусочек лба белым пятнышком светился в темноте.

Господин Рикерт не сводил взгляда с этого бледного лба. Он уже видел однажды лицо Тима, освещённое точно так же. Во время спектакля, кукольного театра — в

задней комнате трактира, в нескольких шагах от которого они сейчас стояли. «Так человек природой награждён: когда смешно, смеяться может он!» «О, неужели он может наконец смеяться?..» — с тревогой и надеждой думал господин Рикерт.

И Крешимир, и Джонни тоже не отрывали глаз от освещённого лба Тима — единственного пятнышка на его лице, белевшего в темноте.

Тим стоял, опустив глаза в землю. И всё-таки он чувствовал на себе эти спрашивающие взгляды. У него было смутное чувство, будто что-то должно сейчас подняться в нём, выйти из неволи, что-то тихое, лёгкое, свободное, словно птица, словно щебет ласточки, рвущийся на простор. Но сам Тим был как бы ещё слишком тяжёл для этого, и он чувствовал себя беспомощным. Да, он услышал их, эти переливы с весёлым, захлёбывающимся смешком на конце. Но он словно всё ещё не владел своим прежним смехом: скорее это смех овладел им. Теперь, когда наступил долгожданный, выстраданный за долгие годы миг, Тим почувствовал, что сам он ещё к нему не готов. Нет, он не смеялся — его сотрясал смех. Пришёл час его счастья, а он... он был отдан на произвол этому счастью. Тогда, в кукольном театре, он заметил, как внешне, мимикой и движениями, смех похож на плач. Теперь ему казалось, что смех и плач — это почти одно и то же: он плакал и смеялся одновременно. Слёзы катились по его щекам; он бессильно опустил руки; он даже не смотрел на своих друзей. У него было такое чувство, словно он рождается заново.

И тут произошло нечто удивительное: Тим увидел сквозь слёзы, застилавшие ему глаза, три светлых лица, приблизившиеся к его лицу, и вдруг почувствовал, что настоящее смещалось с прошлым. Он снова был маленьким мальчиком и стоял перед окошком кассы на ипподроме: он выиграл деньги, очень много денег. Он плакал от счастья, что выиграл, и от горя, что отец его умер и уже никогда больше не разделит с ним его счастья. И тогда он услышал скрипучий, гортанный голос: «Э, парень, кому привалило такое счастье, тому уж хныкать не след...»

Тим поднял глаза. Из какого-то уголка его памяти должен был сейчас возникнуть человек с помятым лицом и в помятом костюме. Но образ этого человека то и дело расплывался. Вместо него перед глазами Тима вставал другой образ: живой, огромный Джонни. И когда он увидел рулевого Джонни, к нему снова вернулось настоящее: ночь перед трактиром в Овельгёне, свет на лестнице, ведущей вверх, в темноту, и трое друзей, — на их лицах, казалось, вот-вот проступит нерешительная улыбка.

Его возвращённый смех был словно буря. А теперь наступило затишье, буря улеглась. Тим снова почувствовал власть над своим смехом. Он вытер рукой слёзы и спокойно спросил:

— Помните, господин Рикерт, что я обещал вам, когда уезжал из Гамбурга?

— Нет, Тим.

— Я сказал: когда я вернусь, я буду смеяться. И теперь я смеюсь, господин Рикерт! Я смеюсь, Крешимир! Джонни, я смеюсь! Только... — переливы со счастливым, захлёбывающимся смешком помешали ему говорить, — только я сам не пойму, как это случилось...

Друзья Тима, начинавшие уже бояться, как бы он не потерял от счастья рассудок, очень обрадовались, что он снова говорит так разумно.

— Ты давно уже мог бы смеяться, — улыбаясь, сказал Крешимир.

— Не понимаю.

— Ну-ка повтори, какое пари ты со мной заключил, Тим?

— Я поспорил с тобой, что получу назад свой смех.

— Верно. Что должно было случиться, если бы ты выиграл?

— Я получил бы назад мой смех. И я правда его получил!

— Но ты получил бы его и в том случае, если бы проиграл, Тим!

И тут Тима осенило. Он со смехом ударил себя по лбу и крикнул:

— Ну конечно! Ведь проигранное пари должно было вернуть мне мой смех. Значит, я мог поспорить с любым человеком, что получу мой смех назад! И всё равно — проиграл бы я или выиграл — мой смех вернулся бы ко мне!

— Нет, парень, — сказал Джонни, — не так-то уж всё это просто. Ты никак не мог бы поспорить с первым попавшимся человеком. Ведь тогда бы ты выдал себя, сказав, что твой смех тебе не принадлежит. А этого сделать ты не мог. Спорить можно было только с тем, кто сам догадался про твой контракт с Тречем.

— Со мной, — добавил Крешимир, — дело было верное! Успех был обеспечен!

Теперь, когда к Тиму снова вернулся смех и он словно выздоровел, он понял вдруг, как всё это было просто. А он-то в смятении и отчаянии столько лет пробирался окольными путями, вместо того чтобы выйти на прямую дорогу! Он-то разрабатывал запутанные планы, в которых ворочал акциями и миллионами! А смех, оказывается, можно было вернуть назад куда более лёгким способом, и стоило это дешевле, чем сто граммов маргарина, — всего один грош.

Значит, так дешёв смех, если считать на деньги. Но настоящую его цену не измерить никакими миллионами. «Смех, — сказал тогда Селек Бай, — это не маргарин, не товар для купли-продажи... Смехом не торгуют. Его можно только заслужить».

Лист тридцать третий

ВОЗВРАЩЁННЫЙ СМЕХ

Дождь уже не моросил, а лил как из ведра. Но никто из них этого не замечал. Никто не слышал и нетвёрдых тяжёлых шагов по лестнице. Только сейчас, когда все на минутку замолчали, стало ясно, что кто-то ощупью спускается вниз по каменным ступенькам, и все, как по команде, обернулись.

По узкой лестнице, постепенно выступая из темноты, сходила вниз худощавая, шатающаяся фигура. В свете фонаря возникли длинные ноги в чёрных брюках и бледные руки с длинными пальцами; затем появилась белая манишка, и над ней длинный овал лица. Наконец, вся фигура вынырнула из тьмы и стояла теперь полностью освещённая под табличкой с надписью: «Чёртов спуск». В изнеможении она прислонилась к стене из тёсаных камней.

Это был барон.

Ещё мгновение — и из груди Тима вырвалась бы переливчатая трель. Это было и вправду смешное зрелище. Это был чёрт из кукольного театра — кукла, фигура настолько комичная, что вызывала чуть ли не сострадание.

Но Тим Талер — мальчик, который снова умел смеяться, — удержался от смеха.

Барон сел на ступеньку и взглянул — с поджатыми губами и белым как мел лицом — на людей, стоящих внизу. Тим поднялся к нему на ступеньку.

— Вам надо вернуться в больницу, барон.

Треч взглянул на него снизу вверх. Губы его были крепко сжаты.

— Вам нельзя здесь сидеть, барон!

Теперь наконец Треч раскрыл рот. Он спросил хрипло:

— На что вы спорили, господин Талер?

— На грош, барон.

— На грош? — Барон подскочил. Потом снова прислонился к стене. И вдруг взвизгнул каким-то бабьим голосом: — Да ведь вы же могли поспорить на всё моё состояние, болваны!

Знакомый Тиму шофёр сбежал вниз по лестнице:

— Господин барон, вам нельзя так волноваться!

— Дайте мне поговорить ещё две минуты с молодым человеком! Потом можете везти меня в больницу.

— Я не отвечаю за последствия, господин барон!

Шофёр поднялся на несколько ступенек и остановился в нерешительности. У подножия лестницы стояли Джонни, Крешмир и господин Рикерт — словно молчаливая стража Тима.

— Можно мне на вас опереться, господин Талер?

— Ну конечно, барон. Сил у меня достаточно.

Он сказал это с едва заметной улыбкой. Барон опёрся о его плечо.

— Ваше наследство, господин Талер...

— Я от него отказываюсь, барон!

Барон запнулся, но всего на секунду, затем продолжал:

— Это вполне разумно и значительно упрощает дело. Благодаря вашему пароходству, я думаю, вы будете жить довольно прилично. Во всяком случае, не будете знать нужды.

— Пароходство, барон, я дарю моим друзьям.

Глаза барона удивлённо расширились — это было видно даже сквозь тёмные стёкла его очков.

— Так, значит, вам, господин Талер, наш контракт не принёс никакой выгоды? Вы остались таким же бедняком, каким были? С погоревшим кукольным театром...

Теперь Тим разрешил себе усмехнуться:

— Вы правы, барон. Я кончил тем, с чего начал. Но то, чем я владею, приобрело для меня за последние годы ценность, несравнимую ни с одной акцией в мире.

— О чём вы говорите?

Вместо ответа Тим просто рассмеялся. Барон почувствовал, как дрожит под его рукой от смеха плечо молодого человека. Он услышал в его смехе какие-то новые нотки. Более низкие звуки, более глубокие тона сопровождали, казалось, словно аккомпанемент, его светлый смех. Треч обернулся и махнул рукой шофёру. Тот поспешно спустился вниз и подставил барону своё плечо. Они начали медленно подниматься наверх.

— Счастливого выздоровления, барон! Поправляйтесь скорее! И спасибо за всё, чему вы меня научили!

Треч не оборачивался. Шофёр услышал, как он пробормотал:

— «Поправляйтесь... Поправляйтесь! Будьте целы и невредимы!»! Как же! Будешь тут цел и невредим!

Тим глядел вслед барону, пока того не поглотила тьма. Друзья поднялись по лестнице и стояли теперь рядом с Тимом. Они тоже смотрели вслед уходящему Тречу. Джонни пробормотал.

— Богат, как чёрт, а вообще-то — эх и бедняга! Ни черта у него, в сущности, нет, у старого чёрта!

И все четверо тоже стали взбираться вверх по ступенькам. Они слышали, как заработал мотор машины. Потом шуршание шин, ставшее было совсем явственным, начало удаляться.

И вот они вышли на шоссе, тянувшееся вдоль Эльбы. На той стороне его чернел контур такси Джонни.

— Поставьте пока машину в мой гараж, Джонни, — сказал господин Рикерт, — а мы немного пройдемся пешком.

— Вы живёте всё там же, господин Рикерт? В белой вилле, здесь, на шоссе? А барон мне рассказывал, что вы стали докером...

— Я и вправду стал докером, Тим. Завтра я тебе всё объясню. Ведь ты, я думаю, не против погостить у нас, правда?

— Ну конечно, господин Рикерт! Ведь я должен доказать вашей маме, что я могу смеяться, если... — он отвернулся, — если она...

— Да что ты, Тим, она жива и здорова! И вполне бодра. Пошли!

Вход в виллу был ярко освещён. Белая дверь с полукруглым балконом над ней, охраняемая двумя белыми каменными львами, казалась светлым островом в море темноты, долгожданной родной землёй после долгих скитаний по бурным, неведомым морям.

Тим проглотил подступившие слёзы, когда проходил мимо добрых львов. А когда дверь отворилась и навстречу ему вышла, опираясь на палочку, старенькая госпожа Рикерт с белыми кудряшками, ему пришлось взять себя в руки, чтобы не броситься с рёвом ей на шею. Те невнятные звуки, которые вырвались из его груди, когда он остановился, подойдя к ней совсем близко, были чем-то средним между смехом и плачем. А может быть, они должны были означать: «Ну, госпожа Рикерт, что вы теперь про меня скажете?» Но понять этого не мог бы никто на свете. Да никто и не старался понимать.

Теперь команду приняла госпожа Рикерт.

— Ну как, всё в порядке, Христианчик? — обратилась она к сыну.

И когда сын кивнул утвердительно, сказала, вздохнув с облегчением:

— Ну, ребята, теперь нам есть что отпраздновать! Но сейчас мальчику пора в постель. Он прямо с ног валится от усталости!

И Тиму — хотел он того или нет — пришлось отправиться спать. Но тут оказалось, что это было самое правильное, потому что не прошло и нескольких секунд, как он заснул крепким сном.

На следующий день госпожа Рикерт позаботилась о том, чтобы к моменту пробуждения Тима оказаться с ним наедине. Это было нетрудно: Тим проснулся чуть ли не в полдень, когда все давно уже ушли на работу.

Они отлично позавтракали вдвоём. Госпожа Рикерт больше всего на свете любила завтракать и потому с удовольствием позавтракала во второй раз. А после завтрака Тиму пришлось рассказать ей со всеми мельчайшими подробностями всё, что он пережил с момента отъезда из Гамбурга. И он это сделал с явным удовольствием.

Размахивая над головой газетой, он кричал по-итальянски:

— «Sensazione, sensazione! Барон Треч умер! Четырнадцатилетний мальчик — самый богатый человек на земле!»

«Как он возмужал! — подумала фрау Рикерт, глядя на Тима. — И как хорошо научился говорить на иностранных языках!» И снова принялась внимательно слушать его рассказ.

Тим рассказывал ей свои приключения так, словно это была комедия — весёлый, смешной спектакль. Теперь, когда он снова владел своим смехом, многое из того, что раньше выглядело страшным, оказалось и в самом деле комичным. Он рассказывал о невероятных спорах с Джонни, о том, как разбилась вдребезги люстра в отеле «Пальмаро», о картинах в Генуе и в Афинах, о тайных переговорах и заговорах в замке, о Селек Бае, об афёре с маргарином, о кругосветном путешествии, о возвращении в Гамбург, о мачехе с Эрвином и о «чёрном часе трамваев».

Затем наступил черёд рассказывать госпоже Рикерт. И она приступила к этому делу с лукавой обстоятельностью:

— Знаешь, Тим, когда ты не вернулся тогда из Генуи и у нас здесь появился сперва

Крешимир, а потом этот молодчага Джонни, я сразу догадалась, что всё это неспроста. Но они не хотели мне говорить, что случилось. У меня, видите ли, порок сердца. Да ведь он у меня уже больше восьмидесяти лет, и мы с ним прекрасно спелись, с этим пороком. Ну вот, я и решила немножко пошпионить. И тут я нашла письмо, которое ты послал из Генуи с Джонни. И вот, понимаешь, теперь-то уж я узнала чуть-чуть побольше...

Старушка считала теперь Тима уже не мальчиком, а молодым человеком и сперва пыталась говорить с ним «литературно», но вскоре опять сбилась на свою обычную гамбургскую скороговорку:

— Вот я и шпионю, вот я и подслушиваю, когда Христиан шепчется с Крешимиром и с этим медведем Джонни. Правда, те не очень-то часто к нам приходили — ведь они работали в доках. Другой-то работы им не давали. Ничего не выходило! Прямо чертовщина какая-то! Ну настоящая чертовщина! Ну, в общем, всё, о чём они там шушукались, мне тоже было известно. И я, конечно, знала, что моего сына сняли с работы, хотя они изо всех сил от меня это скрывали...

— А он правда стал докером? — перебил её Тим.

— Да, это правда. Работал в порту рабочим. Ты ведь не знаешь, как у нас тут, в Гамбурге, Тим. У нас, если кого уволят, тут же начинаются сплетни. И такую напраслину на человека возведут, что его уж никто больше не возьмёт на работу. Понятно?

Тим кивнул.

— Правда, у меня ведь есть наследство. Главным образом в бумагах.

— В акциях? — спросил Тим.

— Да, в акциях, малыш. Ты, выходит, немного разбираешься в этом? Ну, и мой сын вроде бы не должен был становиться портовым рабочим, раз я, можно сказать, богатая наследница. Но такой уж он человек. Без работы никак жить не может. А без порта и вовсе пропадает. Вот он и пошёл в докеры. Но переодевался, уже когда приходил в док. Из порта выходит элегантным господином и таким же домой возвращается. Думает, я не замечу, что работа-то у него теперь другая. Всё равно, мол, я дома сижу. А телефон-то на что же?

Тим не мог удержаться от смеха, и госпожа Рикерт сама рассмеялась.

— Не такая уж я старая дура... Ну конечно, я старая дура, но не такая уж, как они думали. Ведь это я первая сговорила с Селек Баем, когда он сюда позвонил. Вот тут-то господи заговорщики мне всё и рассказали. Ну я, конечно, сделала вид, что ни о чём и не догадывалась. Смотрю на них, вытаращив глаза, и пишу: «Да не мо-ожет быть!» Ну и знаешь, в таком духе. В общем, посвятили они меня в эту тайну. Я и записочку тебе написала. С лупой писала. Это мы ещё в школе, девчонками, так писали — целые дни упражнялись. Я в этом деле была самая первая. Один раз даже целый роман переписала на двух тетрадных страничках. Честное слово!

— Да не мо-ожет быть! — расхохотался Тим.

— Ах вот как, ты надо мной смеёшься, шалопай!

Раздался звонок, и госпожа Рикерт попросила Тима пойти посмотреть, кто пришёл. Это был рыжий бой из отеля: обливаясь потом, он стоял перед дверью с

чемоданами в руках.

— Мне велели передать вам ваши вещи, господин Талер, — сказал он, расплываясь в улыбке.

— Ещё вчера вы называли меня мистером Брауном! Откуда же вы сегодня узнали, кто я такой?

Бой снова широко улыбнулся:

— А вы что, газет не читаете?

— Ах вот оно что!

Тим немного смутился. Потом он полез в карман, но рыжий решительно тряхнул головой:

— Можете с чистой совестью оставить это себе, господин Талер. Я могу заработать кучу денег в газете, если расскажу, как я вчера вечером отвлекал шпика. Можно мне это сделать?

Тим рассмеялся:

— Давай, раз тебе уж так не терпится.

— Большущее спасибо! Внести чемоданы?

— Спасибо, это уж я сам сделаю. Только не рассказывай в газете приключенческих романов.

— А на что? В этом нет никакой нужды. История и без того очень захватывающая!
— Он снова протянул Тиму руку. — Итак, ещё раз желаю удачи, Тим!

— Спасибо. Желаю удачи в газете!

Между двумя добрыми каменными львами смеющиеся мальчишки крепко пожали друг другу руки. Потом рыжий снова вскочил в машину, доставившую его из отеля, а Тим понёс чемоданы в дом.

Ещё в тот же самый день Тим отправился вместе с Джонни, Крешимиром и господином Рикертом к нотариусу — старому другу госпожи Рикерт, — и тот оформил документ, согласно которому пароходство «Гамбург — Гельголанд — Пассажирское», сокращённо называемое «ГГП», передавалось на равных правах во владение Джонни, Крешимиру и господину Рикерту. Правда, этот документ вступал и силу не сразу, так как необходимо было выполнить ещё целую кучу всяких формальностей, а это требовало времени: ведь Тим теперь уже не был наследником миллионера. Но на всё это должно было уйти не больше двух недель. Так, по крайней мере, сказал нотариус.

Сначала друзья Тима очень противились этому подарку. Но когда Тим заявил, что в таком случае он вынужден будет подарить пароходство кому-нибудь другому, они согласились. И даже не без радости. Господин Рикерт был ещё достаточно бодр и крепок, чтобы принять дела в конторе старого Денкера на Шестом мосту, а Джонни и Крешимиру было, конечно, куда приятнее работать рулевым и стюардом на своих пароходах, чем на чужих.

Когда все четверо вышли из конторы нотариуса — она находилась поблизости от Главного вокзала, — Джонни спросил:

— А ты чем думаешь теперь заняться, Тим?

Тим показал рукой направо:

— Вон в том старом доме помещается кукольный театр. Он мой. Я превращу его в

бродячий театр марионеток.

— Для этого тебе нужен автобус, — сказал Крешимир.

— И переносная сцена, — добавил Джонни.

— И это, — заключил господин Рикерт, — подарим тебе мы, малыш. Никаких возражений, а не то придётся тебе получить назад своё пароходство!

— Ладно, согласен! — рассмеялся Тим и серьёзно прибавил: — Как здорово, что у меня вас целых трое!

— И Селек Бай! — заметил господин Рикерт.

— И Селек Бай! — весело согласился Тим. — А вообще-то надо бы послать ему телеграмму!

И, не откладывая дела в долгий ящик, они составили телеграмму...

В далёкой Месопотамии старый Селек Бай радостно улыбнулся, прочитав:

*«К чёрту маргарин тчк Смех получают задаром тчк Я получил его тчк
Большое спасибо за содействие тчк*

Ваш Тим Талер.»

Так в этот день закончилась история, которая в этот же день только началась для читателей газет и журналов. Правда, читатели узнали её по сообщениям журналистов и репортёров в таком виде, как те её поняли, а надо сказать, что большинство из них не поняли её вовсе.

Господин Рикерт снова стал директором пароходства, Джонни — рулевым, а Крешимир — стюардом.

Что касается барона Треча, то о нём в последнее время приходится слышать очень редко. Надо думать, что он почти всё время проводит в полном одиночестве и в плохом настроении в своём замке в Месопотамии. Он стал, говорят, сторониться людей и даже побаиваться их, тем не менее он всё ещё превосходно ведёт коммерческие дела и заключает блестящие сделки.

О Тиме известно очень мало. С уверенностью можно сказать только, что он вместе со старенькой госпожой Рикерт написал пьесу для кукольного театра, которая называется «Проданный смех». Затем он исчез из Гамбурга, и ни одному репортёру не удалось узнать, куда его занесло.

Правда, кое-какие следы Тима всё же посчастливилось обнаружить. На кладбище в одном из больших городов Германии возле мраморной плиты на одной из могил кто-то положил венок, на ленте которого написано: «Я вернулся, когда смог смеяться. Тим».

Последние сведения о Тиме поступили из одной булочной-кондитерской того же города. Несколько лет тому назад туда явился какой-то очень вежливый молодой человек. В первый момент хозяйка кондитерской даже его не узнала. Но когда она спросила, что ему угодно, он вдруг состроил мрачную гримасу и пробормотал: «Я хочу ограбить директора водокачки, фрау Бебер!»

— Тим Талер! — воскликнула поражённая булочница.

Но молодой человек приложил палец к губам и сказал:

— Тсс! Не выдавайте меня, фрау Бебер, меня теперь зовут Энрико Грандицци, и я владелец самого весёлого театра в мире — театра марионеток под названием «Ящик с маргарином».

— Ах, как забавно! — воскликнула фрау Бебер. — Я как раз вчера случайно попала на представление этого кукольного театра. Какой-то незнакомец прислал мне билет. А может быть, это... — Она пристально посмотрела на Тима. — А может быть, это был какой-нибудь знакомый?

— Может быть, — ответил молодой человек, и возле уголков его губ появились два весёлых полукруга.

— Там как раз шла пьеса о проданном смехе, — продолжала фрау Бебер. — Очень хорошее представление! Столько разных мыслей приходит в голову! Всё думаешь, думаешь...

— О чём же вы думали, фрау Бебер? — поинтересовался молодой человек.

— Да видишь ли, Тим... Сказать тебе откровенно, сперва мне было как-то не по себе... Жутковато... Зато уж в конце я хохотала до слёз! И тут я подумала: «Кто смеётся, с тем сам чёрт не сладит!»

— Неплохо сказано, фрау Бебер, — заметил молодой человек. — Вот так и надо расправляться с чертями! Только так и обломаешь чёрту рога!

notes

Примечания

1

Талер — старинная немецкая серебряная монета, равная трём маркам.

Что вам угодно? (*итал.*)

Вещи господина Талера! (*итал.*)

Войдите (*итал.*)

Не понимаю! (*итал.*)

Спасибо! Большое спасибо! Огромное спасибо, синьор барон! *(итал.)*

После шести не надевай коричневого (*англ.*)